

НЕВОЛЯ

43

ISSN 1813-3541

НЕВОЛЯ 43 2015

Приложение к журналу
«Индекс/Досье на цензуру»

НЕВЛЯ

43 • 2015

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Юрий Александров Юридический практикум	4
Владимир Ажиппо Социально-психологический аспект «закрытости» постсоветской тюрьмы	20
Владимир Смирнов Тюремные зарисовки	26
Нильс Кристи Правосудие и современное развитие	43
Тюремные новости	51
Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (апрель – май 2015 года)	62
Борис Земцов Два рассказа	69
Александр Пирогов Дневник обвиняемого. Часть первая	89

ИСТОРИЯ

Алексей Мокроусов Мемуары против страха	138
Александр Сидоров Уголовно-арестантские поговорки	143

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Норвежский Хельсинкский
комитет

Учредитель:
Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Ответственный секретарь
Наталья Малыхина
Макет
Лев Михалевский

Обложка
Василий Валериус
Верстка
Анна Фролова
Бухгалтер
Наталья Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Юрий Александров

Юридический практикум

Новое в законодательстве

Установлен порядок возмещения расходов и получения материальной помощи при переселении на другое временное место жительства защищаемых в уголовном судопроизводстве лиц (*Постановление Правительства РФ от 30.01.2015 № 76 «О внесении изменений в Правила применения меры безопасности в виде переселения защищаемого лица на другое место жительства в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»*).

Порядок переселения на другое временное место жительства защищаемых лиц приведен в соответствие с Федеральным законом от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве».

Установлено, что при переселении на другое временное место жительства защищаемого лица орган, осуществляющий меры безопасности, кроме прочего оплачивает расходы, связанные с переездом, в том числе с проездом и провозом личного имущества, включая стоимость упаковки, погрузки (разгрузки), а также выплачивает материальную помощь. При переселении защищаемого лица на другое временное место жительства ему со дня прибытия ежемесячно выплачивается материальная помощь в размере 1,5-кратного прожиточного минимума по основным социально-демографическим группам населения в целом по РФ за счет средств, предусмотренных государственной про-

граммой обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства.

Установленная процедура возмещения расходов, связанных с переездом при переселении на другое место жительства защищаемых лиц, а также получения ими материальной помощи распространяется на правоотношения, возникшие с 10 января 2014 года.

Россией ратифицирован договор с Индией о передаче лиц, осужденных к лишению свободы (*Федеральный закон от 03.02.2015 № 2-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Индия о передаче лиц, осужденных к лишению свободы»*).

В соответствии с договором лицо, осужденное к лишению свободы на территории одного из договаривающихся государств, может быть передано для отбывания назначенного наказания на территорию другого договаривающегося государства. В этих целях указанное лицо может ходатайствовать о передаче как перед передающим государством, так и перед принимающим государством.

Осужденный может быть передан только при соблюдении следующих условий: осужденный является гражданином принимающего государства; приговор вступил в законную силу и в отношении лица в передающем государстве не осуществляются какие-либо процедуры; часть наказания, которая подлежит дальнейшему отбыванию осужденным, на день получения запроса о передаче составляет не менее 6 месяцев (кроме исключительных случаев); имеется письменное согласие осужденного на его передачу; преступления, за которые назначено наказание, в соответствии с уголовным законодательством принимающего государства наказываются лишением свободы; передающее государство и принимающее государство ясно выразили свое согласие на передачу.

В передаче может быть отказано в случае, если: передающее государство считает, что передача лица могла бы нанести ущерб суверенитету государства, его безопасности, общественному порядку или иным существенным интересам; осужденный не может быть передан в соответствии с законодательством одного из договаривающихся государств; осужденный не выполнил какие-либо финансовые обязательства, вытекающие из приговора, или не получены достаточные, по мнению передающего государства, гарантии выполнения таких обязательств; лицо, подлежащее передаче, приговорено к смертной казни; наказание не может быть исполнено в принимающем государстве по основаниям, предусмотренным законодательством этого государства.

Запрещено потребление и оборот спайсов (*Федеральный закон от 3.02.2015. № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*).

Запрещены потребление и оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ (т. н. спайсов). Такие вещества воспроизводят основную химическую структуру наркотических средств или психотропных веществ и схожи с ними по физиологическому воздействию на организм человека.

Под новыми потенциально опасными психоактивными веществами понимаются вещества синтетического или естественного происхождения, вызывающие у человека состояние наркотического или иного токсического опьянения, опасное для его жизни и здоровья.

Закон вводит запрет на их производство, изготовление, переработку, хранение, перевозку, пересылку, приобретение, использование, потребление, пропаганду, ввоз в страну и вывоз из нее, сбыт (продажу, дарение, обмен либо отчуждение другим лицам любыми способами). Лишь отдельным органам власти разрешено использовать новые потенциально опасные психоактивные вещества в научной, учебной и экспертной деятельности.

ФСКН России поручено вести реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых запрещен. Данное ведомство самостоятельно принимает решение о включении веществ в указанный реестр.

Предусмотрена уголовная ответственность за незаконный оборот указанных веществ и административная – за их потребление. При назначении административного наказания суд может обязать лицо, потребляющее такие вещества, пройти медицинскую и (или) социальную реабилитацию.

В УК РФ добавлена новая статья – 234.1 «Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ», максимальное наказание по которой предусматривает 8 лет лишения свободы.

Суды разъясняют...

Постановлением Пленума ВС РФ разъяснен порядок применения норм УК РФ о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Отмечается, в частности, что к преступлениям, предусмотренным статьями 131 («Изнасилование») и 132 («Насильственные действия сексуального характера») УК РФ, относятся половое сношение, му-

желожство, лесбиянство и иные действия сексуального характера в отношении потерпевшего лица (потерпевшей или потерпевшего), которые совершены вопреки его воле и согласию и с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему лицу или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица. При этом мотив совершения указанных преступлений (удовлетворение половой потребности, месть, национальная или религиозная ненависть, желание унижить потерпевшее лицо и т.п.) для квалификации содеянного значения не имеет.

В отличие от изнасилования и насильственных действий сексуального характера при понуждении к действиям сексуального характера (статья 133 УК РФ) способами воздействия на потерпевшее лицо с целью получения от него вынужденного согласия на совершение указанных действий являются шантаж, угроза уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо использование материальной или иной зависимости потерпевшего лица. При этом не могут рассматриваться как понуждение к действиям сексуального характера или как иные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности действия лица, добившегося согласия потерпевшей на вступление в половое сношение или совершение действий сексуального характера путем обмана или злоупотребления доверием (например, заведомо ложного обещания вступить в брак и т.п.).

Разъяснено, что к развратным действиям (статья 135 УК РФ) относятся любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, совершенные в отношении лиц, достигших 12 лет, но не достигших 16 лет, которые были направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям. Развратными могут признаваться и такие действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети Интернет.

(Постановление Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»)

При переводе из одного исправительного учреждения в другое такого же вида, но расположенное на территории иного субъекта Российской Федерации должна ли администрация получить устное или письменное согласие осужденного на такой перевод?

Нет, не должна. Вопросы исполнения наказания в виде лишения свободы регулируются УИК РФ. Так, часть 1 статьи 73 данного Кодекса предусматривает, что осужденные к лишению свободы, кроме указанных в части 4 названной статьи, отбывают наказание в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены. В исключительных случаях по состоянию здоровья осужденных или для обеспечения их личной безопасности либо с их согласия осужденные могут быть направлены для отбывания наказания в соответствующее исправительное учреждение, расположенное на территории другого субъекта Российской Федерации. Часть 2 статьи 81 данного Кодекса закрепляет, что перевод осужденного для дальнейшего отбывания наказания из одного исправительного учреждения в другое того же вида допускается в случае болезни осужденного либо для обеспечения его личной безопасности, при реорганизации или ликвидации исправительного учреждения, а также при иных исключительных обстоятельствах, препятствующих нахождению осужденного в данном исправительном учреждении. Перевод осужденных за преступления, указанные в части 4 статьи 73 этого Кодекса, для дальнейшего отбывания наказания из одного исправительного учреждения в другое того же вида допускается также по решению федерального органа уголовно-исполнительной системы.

Из приведенных законоположений следует, что УИК РФ допускает в исключительных случаях направление осужденных для отбывания наказания в соответствующее исправительное учреждение, расположенное на территории другого субъекта Российской Федерации, а также перевод осужденного для дальнейшего отбывания наказания из одного исправительного учреждения в другое того же вида. При этом, определяя основания для перевода осужденного, названный Кодекс не предусматривает получение устного или письменного согласия осужденного при переводе его из одного исправительного учреждения в другое того же вида для дальнейшего отбывания наказания.

(АО ВС РФ от 11.11.2014 № АПЛ14-533)

В случаях приостановления предварительного расследования по уголовному делу должны быть соблюдены интересы лица, признанного потерпевшим и гражданским истцом.

КС РФ РФ признал положения частей 6 и 7 статьи 115 УПК РФ:

– соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой установленные ими различия в правовом механизме обеспечения сохран-

ности денежных средств, находящихся на счете в банке или иной кредитной организации, и иного имущества, на которое в рамках производства по уголовному делу наложен арест с целью обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, обусловлены различной – материальной и нематериальной – природой соответствующих объектов гражданских прав;

– не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой предусмотренный ими механизм обеспечения сохранности имущества, на которое наложен арест с целью обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, не гарантирует эффективную защиту прав и законных интересов лица, признанного потерпевшим и гражданским истцом по уголовному делу, в рамках производства по которому на денежные средства, похищенные со счета этого лица и находящиеся на счетах третьих лиц, был наложен арест, в случаях, когда предварительное расследование по данному уголовному делу приостановлено на неопределенно длительный срок в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Федеральному законодателю надлежит внести в УПК РФ необходимые изменения, с тем чтобы гарантировать эффективную защиту прав и законных интересов лица, признанного потерпевшим и гражданским истцом по уголовному делу, в рамках производства по которому на денежные средства, похищенные со счета этого лица и находящиеся на счетах третьих лиц, наложен арест в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, в случаях, когда предварительное расследование по данному уголовному делу приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

(Постановление КС РФ от 10.12.2014 № 31-П)

Конституционный суд уравнил ответственность предпринимателей и остальных граждан, обвиняющихся в совершении мошенничества.

Установлено, что положения статьи 159.4 УК РФ не соответствуют Конституции РФ в той мере, в которой эти положения в их взаимосвязи устанавливают за предусмотренное данной статьей преступление значительно более мягкое наказание, чем за аналогичное преступление, совершенное без определения его специфики по субъекту и способу совершения, установленное общей нормой статьи 159 УК РФ.

Конституционный суд указал, что мошенничество в сфере предпринимательской деятельности необходимо рассматривать как та-

кое виновное использование для хищения чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием договора, обязательства по которому заведомо не будут исполнены не вследствие обстоятельств, связанных с риском их неисполнения в ходе обычной предпринимательской деятельности, что свидетельствует о наличии у субъекта преступления прямого умысла на совершение мошенничества.

Судом указано, что в силу запрета на придание обратной силы закону, ухудшающему положение лица, законодателю надлежит в срок не позднее шести месяцев со дня провозглашения Постановления внести соответствующие изменения в УК РФ, в противном случае по истечении шестимесячного срока положения статьи 159.4 УК РФ утрачивают силу.

(Постановление КС РФ от 11.12.2014 № 32-П)

Как долго подозреваемый (обвиняемый, подсудимый) может содержаться под стражей?

Ограничение свободы и личной неприкосновенности возможно только по судебному решению, принимаемому судом в судебном заседании на основе исследования конкретных обстоятельств уголовного дела при условии обеспечения содержащемуся под стражей обвиняемому возможности довести до суда свою позицию, запрет на вынесение вне судебного заседания решения о применении заключения под стражу в качестве меры пресечения должен распространяться на все судебные решения – касающиеся как первичного избрания этой меры пресечения, так и сохранения содержания под стражей, избранного ранее. Только по результатам рассмотрения – в условиях состязательности сторон и при обеспечении прав участников судопроизводства – вопроса о мере пресечения суд может принять решение об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или о продлении срока его действия. Это решение должно отражать исследованные в судебном заседании фактические обстоятельства вне зависимости от того, на какой стадии судопроизводства и в какой форме – в виде отдельного постановления (определения) или в качестве одной из составных частей постановления (определения), выносимого по иным вопросам (в том числе о назначении судебного заседания, об отмене приговора и направлении уголовного дела на новое рассмотрение), оно принимается.

Законность и обоснованность применения избранной по судебному решению меры пресечения определяется не только формально установленным сроком ее действия, но и наличием выявленных в состязательном процессе фактических и правовых оснований для ее

применения. При этом, как вытекает из части 3 статьи 55 Конституции РФ, должна обеспечиваться соразмерность ограничений, связанных с применением в отношении лица заключения под стражу в качестве меры пресечения, тяжести инкриминируемого ему преступления, его личности, поведению в период производства по уголовному делу, а также наказанию, которое в случае признания его виновным в совершении преступления может быть назначено и может подлежать реальному отбытию с учетом уголовно-правовых институтов освобождения от наказания и смягчения наказания.

Само по себе то, что законодатель, учитывая различную степень сложности уголовных дел и иные обстоятельства, обуславливающие сроки, в том числе длительные, рассмотрения уголовных дел, предусмотрел возможность – при условии соблюдения принципа разумности этих сроков – продления содержания подсудимого под стражей в период судебного разбирательства свыше шести месяцев, но каждый раз не более чем на три месяца, не может расцениваться как чрезмерное ограничение прав и свобод человека. Напротив, адресованное суду требование не реже чем через три месяца возвращаться к рассмотрению вопроса о наличии оснований для дальнейшего содержания подсудимого под стражей, независимо от того, имеются ли на этот счет какие-либо обращения сторон или нет, обеспечивает судебный контроль за законностью и обоснованностью применения этой меры пресечения и ее отмену в случае, если необходимость в ней не будет доказана.

Данные правовые позиции были восприняты правоприменительной практикой на уровне Пленума Верховного суда Российской Федерации. Так, согласно пункту 32 его Постановления от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», по смыслу статьи 228 УПК РФ во взаимосвязи с частью 3 статьи 227 этого Кодекса, если срок содержания под стражей истекает до предварительного слушания (при наличии оснований для его проведения), а также во всех остальных случаях (в том числе когда установленный в ранее принятом судебном решении срок содержания под стражей позволяет рассмотреть уголовное дело по существу), судья в течение 14 суток со дня поступления уголовного дела в суд должен разрешить вопрос о мере пресечения в порядке, установленном статьей 108 УПК РФ; принятое в таком порядке решение (в том числе об оставлении меры пресечения без изменения) должно содержать указание на дату окончания срока содержания обвиняемого под стражей.

(Определение КС РФ от 23.12.2014 № 2795-О)

Как должно происходить возобновление производства по приостановленному или прекращенному уголовному делу, а также возобновление производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств?

УПК РФ предусматривает возможность возобновления производства по приостановленному или прекращенному уголовному делу, а также возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств, к которым относится и установленное Европейским судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом РФ уголовного дела (ст. 211, ч. 1 и п. 2 ч. 4 ст. 413), устанавливает порядок обжалования в суд постановлений дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иных решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию (ч. 1 ст. 125). По смыслу этих взаимосвязанных положений не исключается рассмотрение в порядке ст. 125 УПК РФ судом в пределах его полномочий, вытекающих из природы судебного контроля на стадии предварительного расследования, жалоб потерпевших на неэффективность проводимого предварительного расследования, если такая неэффективность является следствием ненадлежащих действий (или бездействия) соответствующих должностных лиц, что может выражаться, в частности, в несвоевременности, недостаточности принимаемых ими мер в целях изблечения виновных в совершении преступления.

По результатам рассмотрения жалобы судья выносит решение либо о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение, либо об оставлении жалобы без удовлетворения (ч. 5 ст. 125 УПК РФ). Из содержания данной нормы прямо следует обязанность судьи рассмотреть жалобу на решения и действия (бездействие) должностных лиц и принять одно из указанных решений, что не только не нарушает права и законные интересы лица, в отношении которого вынесено обжалуемое решение, но и, напротив, обеспечивает их защиту.

При рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ суд не должен ограничиваться лишь исполнением формальных требований уголовного-процессуального закона и отказываться от проверки фактической

обоснованности обжалуемого решения органа предварительного расследования и вправе принять собственное решение по данному вопросу, поскольку иное способно привести к искажению самой сути правосудия. Вместе с тем при проверке в ходе досудебного производства тех или иных промежуточных по своему характеру процессуальных актов суд не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по уголовному делу, в связи с чем судебный контроль законности и обоснованности действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокурора по такого рода вопросам может осуществляться лишь после завершения досудебного производства по уголовному делу одновременно с принятием решения по существу этого дела, что само по себе не нарушает гарантируемое статьей 46 Конституции РФ право на судебную защиту.

Проверка судом законности и обоснованности действий (бездействия) и решений органов и должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, закономерно включает в себя и полномочие суда указать соответствующему органу или должностному лицу на конкретные допущенные нарушения, что не освобождает их от обязанности устранить эти нарушения, на которые указал суд. Невыполнение данной обязанности может служить основанием не только для обжалования этих действий (бездействия) прокурору или в суд, но и для принятия мер ответственности за неисполнение судебного решения.

Однако, как разъяснил Пленум ВС РФ в пункте 8 постановления от 10 февраля 2009 года № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации», в случае если будет установлено, что жалоба с теми же доводами уже удовлетворена прокурором либо руководителем следственного органа, то в связи с отсутствием основания для проверки законности и обоснованности действий (бездействия) или решений органа или должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, судья выносит постановление об отказе в принятии жалобы к рассмотрению или прекращает производство по ней; при несогласии заявителя с решением прокурора или руководителя следственного органа, а также при частичном удовлетворении содержащихся в жалобе требований жалоба, поданная в суд, подлежит рассмотрению в соответствии со статьей 125 УПК РФ.

(Определение КС РФ от 23.12.2014 № 3005-О)

Как осуществляется особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве?

УПК РФ регламентирует в главе 40.1 особый порядок принятия судебного решения при заключении между сторонами обвинения и защиты досудебного соглашения о сотрудничестве, предусматривающего содействие подозреваемого или обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, и – в соответствии с частями 2 и 4 статьи 62 УК РФ – назначение более мягкого наказания при выполнении подозреваемым или обвиняемым взятых на себя обязательств.

В силу предписаний статей 317.1–317.3 УПК РФ досудебное соглашение о сотрудничестве заключается между прокурором и подозреваемым или обвиняемым по его ходатайству на основании постановления прокурора, вынесенного по результатам рассмотрения согласованного с руководителем следственного органа постановления следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении такого соглашения. Прокурор составляет досудебное соглашение о сотрудничестве с участием следователя, подозреваемого, обвиняемого, защитника и указывает в соглашении описание преступления, в том числе время, место его совершения, другие обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии с пунктами 1–4 части 1 статьи 73 УПК РФ; пункт, часть, статью УК РФ, предусматривающие ответственность за данное преступление; действия, которые подозреваемый или обвиняемый обязуется совершить при выполнении им обязательств, указанных в соглашении; смягчающие обстоятельства и нормы уголовного законодательства, которые могут быть применены в отношении подозреваемого или обвиняемого при соблюдении последних условий соглашения и выполнении взятых на себя обязательств.

По окончании предварительного следствия прокурор, утверждая обвинительное заключение, выносит представление об особом порядке проведения судебного заседания по уголовному делу, по которому обвиняемый выполнил свои обязательства в соответствии с досудебным соглашением о сотрудничестве (статья 317.5 УПК РФ). Согласно статье 317.6 УПК РФ уголовное дело, поступившее в суд с данным представлением прокурора, является основанием для рассмотрения судом вопроса об особом порядке проведения судебного заседания (часть 1), который применяется лишь в случае, если государственный

обвинитель подтвердил активное содействие обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, и досудебное соглашение о сотрудничестве было заключено добровольно и при участии защитника (часть 2); если суд установит, что перечисленные условия не соблюдены, то он принимает решение о назначении судебного разбирательства в общем порядке (часть 3). При рассмотрении вопроса об особом порядке проведения судебного заседания суду надлежит проверить все заявленные доводы и принять по ним мотивированное решение (пункт 13 Постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2012 года № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»); при этом даже в случае принятия решения о судебном разбирательстве в общем порядке активное содействие обвиняемого раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления, признается обстоятельством, смягчающим наказание (пункт «и» части 1 статьи 61 УК РФ).

(Определение КС РФ от 29.01.2015 № 84-0)

Что означает правило о недопустимости ухудшения положения подсудимого (поворота обвинения к худшему) в процессе судебного разбирательства?

Статья 252 УПК РФ закрепляет правило о недопустимости ухудшения положения подсудимого (поворота обвинения к худшему) в процессе судебного разбирательства. Данное правило является одной из важнейших гарантий права обвиняемого на защиту. В связи с этим, как следует из разъяснений, данных ВС РФ в постановлении Пленума от 29 апреля 1996 года № 1 «О судебном приговоре» (в действующей в настоящее время редакции, изложенной в Постановлении Пленума ВС РФ от 6 февраля 2007 года № 7), суд вправе изменить обвинение и квалифицировать действия подсудимого по другой статье уголовного закона, по которой подсудимому не было предъявлено обвинение, лишь при условии, что действия подсудимого, квалифицируемые по новой статье закона, вменялись ему в вину и не были исключены судьей из обвинительного заключения по результатам предварительного слушания, не содержат признаков более тяжкого преступления и существенно не отличаются по фактическим обстоятельствам от об-

винения, по которому дело принято к производству суда, а изменение обвинения не ухудшает положения подсудимого и не нарушает его права на защиту; при этом более тяжким считается обвинение, когда применяется другая норма уголовного закона (статья, часть статьи или пункт), санкция которой предусматривает более строгое наказание; в обвинение включаются дополнительные, не вмененные обвиняемому факты (эпизоды), влекущие изменение квалификации преступления на закон, предусматривающий более строгое наказание, либо увеличивающие фактический объем обвинения, хотя и не изменяющие юридической оценки содеянного; существенно отличающимся обвинением от первоначального по фактическим обстоятельствам следует считать всякое иное изменение формулировки обвинения (вменение других деяний вместо ранее предъявленных, вменение преступления, отличающегося от предъявленного по объекту посягательства, форме вины и т.д.), если при этом нарушается право подсудимого на защиту (пункт 9).

Изменение обвинения непосредственно в процессе судебного разбирательства, при том что стороне защиты требуется дополнительное время на выработку или уточнение своей позиции, может лишить подсудимого возможности эффективно реализовать свое право на защиту. Поэтому в случае изменения государственным обвинителем и (или) прокурором обвинения в пределах полномочий, предусмотренных частью 8 статьи 246 УПК РФ, в суде апелляционной инстанции суд с учетом мнения стороны защиты предоставляет ей время, необходимое для подготовки к защите (пункт 15 Постановления Пленума ВС РФ от 27 ноября 2012 года № 26).

В случаях же, когда требуется проведение дополнительных следственных действий, представление оправдательных доказательств, обжалование действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокурора и т.п., изменение обвинения с соблюдением конституционных требований состязательности и равноправия сторон (статья 123, часть 3, Конституции РФ) может иметь место только в процедуре, установленной частью 1 статьи 175 УПК РФ для стадии предварительного следствия. Подобная процедура ни для стадии рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции, ни для стадии рассмотрения дела в апелляционной инстанции законом не предусмотрена.

УПК РФ устанавливает, что при рассмотрении дела в апелляционной инстанции обвинительный приговор, определение, постановление суда первой инстанции могут быть изменены в сторону

ухудшения положения осужденного, однако не иначе как по представлению прокурора либо по жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей (часть 1 статьи 389.24). Хотя процедура изменения обвинения в указанных случаях положениями главы 45.1 «Производство в суде апелляционной инстанции» УПК РФ специально не регламентирована, это не означает, что из действующего уголовно-процессуального законодательства, в том числе из положений данной главы, не вытекают соответствующие требования.

Так, в силу части 3 статьи 389.20 УПК РФ в случае выявления обстоятельств, указанных в части 1 и пункте 1 части 2 статьи 237 УПК РФ (если после направления уголовного дела в суд наступили новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления), суд апелляционной инстанции выносит апелляционные определение или постановление об отмене приговора, определения, постановления и о возвращении дела прокурору.

Кроме того, в случае, когда в ходе судебного разбирательства (которое, как следует из статьи 252 УПК РФ, проводится только по предъявленному обвинению, а изменение обвинения в судебном разбирательстве в сторону ухудшения не допускается) суд придет к выводу, что имеет место нарушение требований процессуальных норм, препятствующее рассмотрению уголовного дела судом, в том числе ввиду несоответствия квалификации инкриминируемого обвиняемому преступления обстоятельствам, указанным в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, ограничение права суда на выбор нормы уголовного закона, подлежащей применению, или на возвращение уголовного дела прокурору (как по ходатайству стороны, так и по собственной инициативе) на основании части 1 статьи 237 УПК РФ ставит решение суда в зависимость от решения, обоснованность которого как раз и составляет предмет судебной проверки и которое принимается органами уголовного преследования, в том числе входящими в систему исполнительной власти, т.е. является неправомерным вмешательством в осуществление судебной власти, самостоятельность и независимость которой находятся под защитой Конституции РФ, прежде всего ее статей 10 и 120 (часть 1).

Эта правовая позиция в полной мере применима и к стадии апелляционного рассмотрения уголовного дела, поскольку согласно части 1 статьи 389.13 УПК РФ производство по уголовному делу в суде

апелляционной инстанции осуществляется в порядке, установленном главами 35–39 данного Кодекса (с изъятиями, предусмотренными его главой 45.1), регулирующими, в частности, общие условия судебного разбирательства, включая правило о недопустимости в суде поворота обвинения к худшему.

В системе названных правовых норм норма УПК РФ о том, что обвинительный приговор, определение, постановление суда первой инстанции могут быть изменены в сторону ухудшения положения осужденного по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей, не должна толковаться в противоречии с установленным статьей 252 данного Кодекса запретом на поворот обвинения к худшему непосредственно решением судебной инстанции.

Сама по себе возможность изменения обвинительного приговора не исключает, а, напротив, предполагает соблюдение общей процедуры, обеспечивающей право обвиняемого на защиту, путем направления судом дела прокурору для изменения обвинения в порядке, предусмотренном данным Кодексом (часть 1 статьи 175). Подобный подход нашел отражение в Постановлении Пленума ВС РФ от 27 ноября 2012 года № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции», в соответствии с которым суд, действуя в апелляционном порядке, вправе изменить приговор либо отменить приговор и вынести новое судебное решение, если этим не ухудшается положение осужденного по отношению к обвинению, предъявленному органами предварительного расследования, и не нарушается его право на защиту (пункт 16).

(Определение КС РФ от 15.01.2015 № 129-О)

Каковы принципы назначения наказаний?

Законодательное установление ответственности и наказания без учета личности виновного и иных обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование и способствующих адекватной юридической оценке общественной опасности как самого преступного деяния, так и совершившего его лица, и применение мер ответственности без учета характеризующих личность виновного обстоятельств противоречили бы конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции РФ принципам справедливости и гуманизма.

Приведенная правовая позиция находит свое отражение в Уголовном кодексе Российской Федерации, согласно положениям которого

лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (статья 4) только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена их вина (часть 1 статьи 5); при этом наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (часть 1 статьи 6).

На реализацию данных принципов направлены закрепленные УК РФ правила назначения наказаний, согласно которым лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ, и с учетом положений его Общей части, а более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания (часть 1 статьи 60); при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи (часть 3 статьи 60). При наличии же исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, а равно при активном содействии участника группового преступления раскрытию этого преступления наказание может быть назначено ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, или суд может назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрен этой статьей, или не применить дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного (часть 1 статьи 64 УК РФ).

(Определение КС РФ от 5.02.2015 № 204-0)

Владимир Ажиппо

Социально-психологический аспект «закрытости» постсоветской тюрьмы

Гражданское общество, представленное правозащитными организациями и средствами массовой информации, постоянно пытается осуществлять посещения мест лишения свободы, реагируя на сигналы о нарушениях прав человека за решеткой. Однако практически всегда такие попытки наталкиваются на сопротивление тюремной администрации. «Закрытость» нынешней тюрьмы имеет свою историю и вытекает из особенности тюрьмы прошлой.

До 70-х годов XIX века российские тюрьмы были достаточно открыты и доступны для посещений представителями имущих классов. Более того, такие посещения даже поощрялись, так как всегда сопровождалась, как бы мы выразились сейчас, спонсорской деятельностью. Визитеры приносили арестантам продукты питания, одежду, перечисляли деньги на их содержание и т.п. В традициях общества было снисходительное отношение к тюремникам (так тогда назывались заключенные) и оказание им помощи. Считалось, что доброта, проявленная к ближнему своему, каким бы злодеем он ни был, непременно найдет отклик в его заблудшей душе.

В конце века в связи с ростом преступлений, имевших яркую политическую окраску, в основном террористических актов, совершаемых бомбистами-народовольцами, а позже социалистами-революционерами, тюремное ведомство приняло ряд мер по недопущению визитов посторонних лиц, не связанных с интересами тюремной службы. Государство стало активно использовать тюрьму как инструмент полити-

ческого насилия, и этот инструмент требовал максимального ограничения внимания к нему.

Российская тюрьма «открылась» на непродолжительное время после Февральской революции 1917 года. Пришедшие же в конце года к власти большевики, несмотря на свое песенное обещание «тюрьмы сравнять с землей», высоко оценили эффективность использования мест заключения в борьбе с политическими и идеологическими противниками, и тюремный охранительный режим стал еще жестче, чем был в Российской империи.

Своего пика изоляция тюремного и лагерного населения достигла в ГУЛАГе во время Великой Отечественной войны, а начиная с 50-х годов XX века она постепенно стала ослабевать. В то же время до горбачевской перестройки ни одно СМИ не могло даже подумать о том, чтобы подготовить репортаж из какой-нибудь колонии. О правозащитных организациях речь вообще не шла, они находились вне закона, а их члены если и посещали тюрьму, то только в качестве арестованных и осужденных.

Перестройка, а затем распад Советского Союза привели к деполитизации тюрьмы как государственного института. Казалось бы, настало время, когда правозащитное сообщество и журналисты могут посещать места лишения свободы, общаться с обитателями колоний, наблюдать и описывать тюремную реальность. Единичные случаи такой деятельности были, но в массовом порядке этого не произошло, тюрьма отчаянно сопротивлялась и продолжает сопротивляться проникновению на свою территорию любого постороннего внимания. Несмотря на то что правозащитные организации медленно, но постоянно набирают силу и дверь в тюрьму приоткрывается все шире, сопротивление пенитенциарной администрации остается значительным, и, похоже, нескоро еще общество будет иметь необходимый доступ к процессам, происходящим за высокими тюремными заборами.

Причин того, почему администрация мест лишения свободы и руководство ведомства отчаянно пытаются сохранить тюрьму недоступной для журналистов и правозащитников, несколько. Вот, на взгляд автора, некоторые из них.

Первая. Этому способствует действующее законодательство. Уголовно-исполнительный кодекс РФ как будто предусматривает посещение исправительных колоний представителями СМИ и иными лицами, но только по специальному разрешению тюремных чиновников. С одной стороны, это понятно: тюрьма не проходной двор, это достаточно серьезное учреждение, и визиты в нее не могут не регулироваться.

Но, с другой стороны, законодательство никак не описывает условия и порядок предоставления или отказа в предоставлении возможности посещения колоний. То есть возможность визита полностью зависит от воли (или произвола) чиновника. В любом случае он не нарушит закон.

В последнее время под этот, казалось бы, нерушимый бастион был проделан «подкоп», существенно ослабивший его неприступность. Речь идет о деятельности Общественных наблюдательных комиссий, члены которых имеют право беспрепятственно посещать все места лишения свободы в любое время суток. Но победу праздновать рано. Тюрьма так просто сдаваться не собирается, и нет сомнения, что полной беспрепятственности не будет. Не найдутся необходимые документы, окажутся больными должностные лица, без пояснений которых невозможно установить все обстоятельства, приведшие ОНК в конкретную колонию, сломается замок от какого-то кабинета... Вариантов много, и не приходится сомневаться, что все они будут использованы.

Также необходимо учесть, что ОНК пока еще слишком малочисленны и реагируют они лишь на вопиющие случаи нарушений прав человека, о которых им становится известно. А сколько заключенных, чьи права были грубо попораны, будут угрюмо молчать, вполне логично полагая, что обращаться к правозащитникам может оказаться себе же дороже. «Вы приехали и уехали, а мне здесь оставаться» – вот эта логика, и спорить с ней трудно.

Вторая причина – традиция. Тюрьма – очень инертный, неповоротливый и косный институт государства. Еще советские нормы секретности всего и вся по традиции живут в сознании тюремщиков, передаваясь из поколения в поколение. Системного цивилизованного обучения тюремного персонала нет, и потому его «натаскивание» происходит по типу дрессировки пастушьих собак: путем перенимания навыков от старших младшими. При такой «системе обучения» погрешности в знаниях неминуемо накапливаются.

Третья – вполне рассудочные действия тюремных начальников, направленные на сокрытие злоупотреблений, происходящих в тюрьме. Это и нарушения прав человека, причем нарушения не только прав заключенных, но и прав сотрудников, хотя в первую очередь речь должна идти о коррупции. Ее условно можно разделить на «традиционную» и «новую».

«Традиционная» тюремная коррупция – это предоставление заключенным незаконных благ. Это спиртные напитки; наркотики; мо-

бильные телефоны, применение которых законом не упорядочено; содействие переписке между камерами в СИЗО; контакты между лицами, проходящими по одному уголовному делу, так называемыми подельниками; незаконные свидания и т.п. Сюда также нужно отнести предоставление льгот вполне законных, но за деньги. Наиболее распространенным (и наиболее «денежным») является предоставление условно-досрочного освобождения. Свобода – главная мечта любого арестанта, и для быстреешего освобождения он и его родственники не жалеют ничего.

Зачастую администрацией колоний создаются условия, при которых «уйти по УДО» можно, только уплатив назначенную сумму. Никакой ударный труд, примерное поведение, вежливость и приветливость к представителям администрации не помогут. Проблема с «неплательщиком» решается просто: используется или придумывается мелочный предлог, и осужденному объявляется выговор, например, за курение в непопознанном месте, незастегнутую пуговицу на бушлате, плохо заправленную постель и т.п. Причем делается это всегда, чтобы никому другому даже не пришла в голову мысль, что досрочно можно освободиться, не заплатив.

«Новая» коррупция – это использование покорной и почти бесплатной рабочей силы в теневых производственных схемах, а также откровенное расхищение бюджетных средств, выделяемых на содержание тюрьмы. За высокими заборами и железными воротами деятельность государственных контролирующих организаций крайне затруднена, а общественных почти невозможна. Надзор осуществляет только прокуратура, но это своя прокуратура! Негласный контроль как будто проводит спецслужба, но много ли желания будет у ее сотрудников восстанавливать закон за колючей проволокой? Есть дела поважней и поинтересней.

Можно предположить, что если сравнить «вал» (или «нал», это как угодно) тюремной коррупции, то 70–80% средств, добытых коррупционным путем, приходится на «новую», и лишь 20–30% – на «традиционную» коррупцию.

Четвертая причина – устойчивая тенденция скрывать некомпетентность и непрофессионализм тюремного персонала и руководителей. Увы, лучшие умы человечества работать в тюрьму не идут! Преобладающее число сотрудников этого ведомства никогда не блистали успехами в школе, вуз, как правило, закончили заочно, знания получили тоже «заочные», имеют весьма средний интеллект, бедную эрудицию и низкий культурный уровень. Бывают, конечно, исключения, но это

только исключения. Открытость тюрьмы для бездарей и невежд – крах имиджа всезнающего и всемогущего гражданина начальника и, вполне вероятно, крах карьеры. Не дай бог сболтнуть на телекамеру какую-нибудь глупость! А если кроме глупых мыслей иных в голове нет?..

Руководители тюремного ведомства в большинстве своем юридически малограмотны и вполне искренне полагают, что тюрьма – это стратегический государственный институт и вся ее деятельность должна быть засекречена. На самом деле секретность тюрьмы определяется Законом РФ «О государственной тайне». Если «наложить» статью 5 этого закона, которая перечисляет сведения, относящиеся к гостайне, на тюрьму, то получится, что секретными являются лишь сведения об оперативно-разыскной деятельности и информация, связанная с гражданской обороной.

Существует, однако, юридическое понятие «иная охраняемая законом тайна». Эту тайну определяет само ведомство. Но можно смело утверждать, что под эту тайну в тюрьме подпадают лишь сведения об организации наружной охраны (организация внутреннего режима секретной быть не может, она осуществляется у всех, в том числе у заключенных, на виду) и информация о предстоящем направлении (т.н. этапировании) контингента в другие учреждения. Все остальное прячется совершенно бесосновательно.

Наиболее часто эксплуатируется понятие «тайна следствия». Так говорят все, от тюремного надзирателя до высокопоставленного прокурора. Между тем это понятие юридически не определено, а значит, и не должно использоваться в официальных отношениях. УК РФ в статье 310 предусмотрел ответственность за разглашение данных предварительного расследования лицом, предупрежденным в установленном законом порядке о недопустимости их разглашения.

Но ведь журналисты и не требуют, чтобы их знакомили с данными следствия! Правозащитников интересуют условия, в которых содержится арестованный. Они лишь хотят общаться с заключенными в присутствии представителей администрации. Какие материалы дела может разгласить уголовник, кроме того, что он «напел» следователю на допросах?

В любом СИЗО половина (это минимум!) сотрудников – потенциальные и действующие предатели, которые за мзду по просьбе преступников звонят их родственникам и друзьям, передают письма на волю и обратно в тюрьму, заносят мобильные телефоны, спиртное и наркотики. Все эти люди имеют возможность неограниченно прикасаться с заключенными, а значит, и с «тайной следствия». Им можно,

они хоть и предатели, но свои. А вот авторитетному журналисту или правозащитнику без единого пятна на репутации это не дозволено. Чужой!

Пятая причина, которая, по мнению автора, является доминирующей, хотя о ней никто вообще не говорит, заключается в специфических психологических качествах персонала тюремного ведомства. Для преобладающего большинства тюремщиков (до 80–90%) характерен так называемый комплекс превосходства. Природа его кроется в детских, а позже юношеских комплексах неполноценности, «наложенных» на наличие широких властных полномочий.

Развитию этих комплексов способствует вся сущность тюрьмы:

- низкий престиж профессии;
- враждебно настроенное окружение;
- пространственная и социальная изоляция;
- низкий образовательный и культурный уровень коллег;
- систематическое решение однотипных несложных интеллектуальных задач;
- преобладание отрицательных стимулов профессиональной деятельности (взысканий) над положительными (поощрениями);
- социальный «разрыв» в отношениях между начальниками и подчиненными, отсутствие корпоративности;
- постоянное наличие негативного эмоционального фона и другие факторы, пагубно влияющие на психику.

Отсюда неизбежно следует депрессия, сужение сознания по депрессивному типу, параноидные изменения личности (завышенная самооценка, подозрительность, обидчивость, злопамятство, немотивированная агрессия).

Превосходство является обратной стороной медали – неполноценности. Это болезненная компенсация подсознательных ощущений и впечатлений о своей неуспешности, малозначительности, второсортности. Комплекс превосходства у тюремных руководителей иногда зашкаливает настолько, что вплотную подбирается к патологии, которая в психиатрии имеет красивое певучее название *Mania grandiosa* – бред величия.

Именно комплекс превосходства диктует пенитенциарным деятелям все нелепые тюремные запреты, именно он не позволяет им адекватно оценивать ситуацию вокруг тюрьмы, свое место в этой ситуации и выбирать оптимальные и понятные для общества формы деятельности. И именно комплекс превосходства порождает безумную секретность и гипертрофированную «закрытость» тюрьмы.

Владимир Смирнов

Тюремные зарисовки

Самоубийцы

Мишка Зимин сидел за то, что убил жену. Из ревности убил. И теперь не жил, а маялся. Каждый день был для него как мука. Но мучился он не тюремным сроком, нет, а памятью о ней.

Как Бог определил: «Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою». Так, кажется, звучит в Апокалипсисе.

Люди жили умом, а Мишка жил душой. Но душа у него была мягкой, словно воск, и поэтому он таял на глазах, как свечка. А под конец срока вовсе сдал. Ни Богу свечка, ни черту кочерга. И все-таки никто не мог предположить, что он покончит жизнь самоубийством... в день освобождения.

Надо же рехнуться, чтобы в такой день!

Мог бы жить и жить, да не зажился. И так вышло, что срок лагерный и срок земной закончились для Мишки в один день.

В субботу около 16 часов на виду у всей колонии выбросился из окна Андрей Лагутин.

Он был из четырнадцатого инвалидного отряда, но пробрался на третий этаж, где гужевался другой отряд, и выбросился из окна умывальной.

Сначала несколько минут стоял на подоконнике. Майка у него была навыпуск, а куртку робы он комкал в руках.

От вахты сломя голову бежали контролеры, кто-то сообщил, а он как будто дожидался их и, когда они приблизились к локальной зоне, прыгнул.

Сперва наклонился, положил на подоконник куртку, потом выпрямился, коротко перекрестился, и прыгнул «ласточкой» вниз головой, и шмякнулся, расшибся об асфальт, свернул себе шею.

Это было самоубийство, но показательное, дерзкое, как акт саможжения, как вызов.

Спустя несколько минут объявили построение на проверку. Напротив нашего отряда возле штаба стояли замполит Панферов Сергей Владимирович, у него было погоняло Балдокрут, и его подчиненный, начальник воспитательного отдела капитан Климов Роман Дмитриевич. Он никогда не снимал темных очков.

Панферов что-то весело рассказывал, давился смехом, а Климов угодливо растягивал в улыбке губы и крутил на пальце цепочку от ключей.

Утренняя проверка затянулась. Не могли досчитаться одного человека.

Проверяли по карточкам, пересчитывали, наконец пропажа обнаружилась.

Оказалось – Сережа Молдаван, из 8 барака. Он повесился. Втихаря, пока не хватились.

Кто-то недоумевал: «Вроде был веселый парень и не унывал, что-то на него нашло».

Кто-то рассуждал: «С бабой поругался, в карты проигрался – какая разница. Самоубийство – это грех».

Кто-то осуждал: «Дурак. Смерть беспонтовая. Ладно бы – завалил козла, тогда другое дело, а так понта нет».

Но в целом известие встретили равнодушно, вяло обсуждали и на другой день забыли.

Степу Осетина убили ночью на запретной полосе. Дай Бог памяти, когда это было? Да, 20 июля 2014 года.

Дзугаев Степа из Беслана. Мы были хорошо знакомы. Он погиб в 36 лет, не отсидев и половины срока.

Из всех, кого я знал на зоне, Степа был самым душевным человеком. Он во всем нуждался, но ничего сам не просил.

Однажды я дал ему коробку сухого торта. Он огорчился:

– У тебя нет ничего лишнего! Зачем отрываешь от себя?

Глаза у Степы оставались грустными, даже когда он улыбался.

Степа искал смерти, а руки на себя боялся наложить. И тогда придумал на свою голову побег. Полез напролом через ряды колючей проволоки и заборов.

Охранник обнаружил Степу, дал предупредительный выстрел, закричал:

– Стой! Стрелять буду!

Степа повернулся к нему и матерно выругался:

– Да стреляй... твою мать!

Следующая пуля пробила ему грудь. Он навзничь опрокинулся и руки разбросал по сторонам.

У него остались старики родители и четырнадцатилетний сын.

Окно в мир иной всегда открыто. И когда уже не вмоготу и нет сил жить, то можно выпрыгнуть в окно.

Но если смерть сама настигнет человека, то в мир иной он входит через дверь.

Вечность как капкан на людей поставлена. Она укрывается от нас за юдолью земной и скоротечной жизнью.

Мир иной обширней нашего и густо населен.

Погоняло

Погоняла (клички) не являются атрибутом преступного мира.

В школе и среди студентов, в армии, в милиции, у депутатов и в правительстве употребляют в обиходе прозвища и клички.

Это ведется с мальчишеских пор, а если обратиться к истории, то с незапамятных времен. Вот что сказано у Н. Карамзина: «Уже при Дмитрии Донском некоторые знаменитые граждане именовались по родам или фамилиям вместо прозвищ, какими различались прежде люди одного имени».

Тюрьма тоже выдумала погоняла не для конспирации, а для удобства.

В камере, где масса арестантов, крикни: «Саня!» – отзовутся несколько человек. Поэтому, дабы избежать путаницы, Сашу Рыбченко будут звать Рыбой или Рыбаком, а Сашу Мельникова – Мельником, и все станет на свои места.

Погоняло чаще всего обретают по фамилиям: Макар – Макаров, Фролов – Фрол и так – до бесконечности.

Но погонялом может послужить профессия или род деятельности, в том числе преступный. Так, к бывшему электрику прилипло погоняло Двести двадцать, а цыганку – она попала в тюрьму за распространение наркотиков – звали Мать Героина.

Внешний вид, физический изъян или свойство характера тоже могут лечь в основу погоняла.

В тюрьме работал воспитателем некий Игорь Юрьевич, маленький и кривоногий, с низкой тугой задницей и круглым животом. Так ему дали погоняло Клоп. За вонючий характер.

А узбек Абдувасид смирился с погонялом Вася, но за имя его вовсе не считал.

Беда, когда у зэка погоняла нет. Я припомню только один случай. Человека так и звали по фамилии – Лукуткин. Это был совсем никчемный зэк.

Кучум

Высокий, плечистый и худой Алексей Кучумов умел радоваться самой малой малости.

Возьмет за живое музыка, и Кучумов вытанцовывает прямо на плацу. На виду у всех. Корявое лицо его преображается.

Он топчется, как слон, вокруг себя, переступает с ноги на ногу, в пояс перегибается, локтями ловит такт и даже пальцы на руках что-то у него стригут.

А вот припевка у Кучумова одна.

*Гоп – стоп, Канада,
Нам рублив не надо.
Долларей нам дайте,
А вы, хлопцы, грайте!*

На любую музыку положит и речитативом выговаривает в склад и в лад.

Джунгли

Рустам Джанхотов – сильный духом, справедливый, совестливый человек. У него много литературы по исламу, и он свято убежден, что нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – пророк Его.

Я с ним не спорю. Дружба выше разногласий.

Рустам грустно говорит:

– Тюрьма – это изнанка жизни, но отсюда видно все. Видно, в каком государстве мы живем и как работают суды; видно, кто твои друзья и чего ты стоишь сам.

Я с ним согласен. В тюрьме меньше искушений и грех на душу берешь не каждый день, но каждый день в неволе проживаешь, будто через дебри продираешься.

Трифон

Дед Савин Алексей Федотович досиживает свои восемь лет и селует:

– На детство выпала война, а на старость лет – тюрьма. Про конфеты я не знал лет до восьми. Отца призвали сразу, как началась война, а в декабре он уже погиб: самая свалка там была, когда Москву держали. Потом фронтовики рассказывали, что сибирские дивизии спасли Москву.

Дед Савин разворачивает карамельку, кладет в рот и жмурится от удовольствия.

Володя Трифонов на двадцать лет моложе. Он сам себе на уме и весь срок ходит с протянутой рукой:

– Дай конфетку.

Савин поджимает губы, угощает и велит:

– Расскажи, что в мире делается.

– Во! Что делается?! – Трифон любит лясы поточить. – А сами чего новости не смотрите?.. В конце мая в Магадане выпал снег. За один день месячная норма. Во! Природа как медведь. Медведь спит у себя в берлоге и лапу сосет, или что он там сосет – не знаю. Не тронь его, и будет спать спокойно, а потревожь, и он пойдет крушить все на пути. Так и природа, лучше с ей не связываться.

– Балабол ты, Трифон, иди, куда шел.

Трифон на слова не обижается.

– Дай еще конфетку, и пойду.

Савин тянется за костылем:

– Иди от греха подальше.

Трифон понимает, что здесь больше не обломится, и топает на поиски в другое место. Ходит, косолапит. Одну руку держит за спиной. Такая у него привычка.

Одноклассники

Гоша – это Игорь Голиков. Он сидел со мной в тюрьме за какое-то нелепое убийство. У него была не первая судимость.

Гоша часто вспоминал, как учился в одном классе с Алексеем Улюкаевым, в Люберцах, в школе № 43. Гоша с грехом пополам окончил 8 классов и ушел в ГПТУ, а будущий министр и банкир продолжал учебу. Они учились вместе восемь лет.

Жизнь у Гоши не сложилась, но – знай наших! – он гордился одноклассником и не без зазнайства говорил:

– Улюкаев учился хорошо. Мы росли шпаной, а он был толстеньким, в очках, каким-то неуклюжим, больше с книжками, чем с ребятами дружил, сторонился как-то, может быть, стеснялся, но его не трогали, потому что безотказно помогал.

После школы я с ним изредка встречался. Один раз в метро, когда он был студентом. Я ему тогда сказал: «Большим человеком, Леша, станешь. Поможешь, если обращай?» Он сказал: «Обязательно помогу». Он был очень целеустремленным человеком.

А потом, наверное, в 2002 году, увидел я его по телевизору. Он был заместителем министра финансов.

Я подъехал к министерству, узнал, где находится, зашел в холл, охранник мне культурненько объяснил, как его разыскать. Я позвонил секретарю, сказал, что одноклассник, по личному вопросу.

Я ни в чем не нуждался, просьб у меня никаких не было, нужды не было, просто порадоваться хотел, что человек, мой одноклассник, добился чего-то в жизни.

Секретарь выпытывала у меня, где я учился с ним, по какому вопросу пришел. Я сказал:

– Увидеться и водки выпить.

Я уже бухой был.

Так он и не позвонил. Я телефон секретарю оставил. И на этом все заглохло. Я подумал: занят человек, некогда ему, и больше не стал беспокоить.

Борька Морячок

Борька по камере ходил в старенькой тельняшке, но на флоте не служил и моря никогда не видел. Просто с детства мечтал быть моряком, а в армию не взяли по причине легкой степени дебилности.

Так Боря и слонялся по поселку, не знал, чем себя занять, пока бес его не попутал: он убил по пьяни пожилую самогонщицу. Сначала изнасиловал, потом убил и поджег дом, где она жила.

Думал замести следы, будто в деревне можно что-то утаить.

Боря получил 16 лет особого режима. Сидел в камере с бывальыми людьми и ждал утверждения приговора.

Каждый день начинался для него с вопроса:

– Сколько Морячку сидеть?

Боря без заминки отвечал:

– Пятнадцать лет, пять месяцев, шестнадцать дней.

– Ого, как медному котелку! – удивлялся кто-то понарошку.

Боря что-то бормотал, но глаз ни на кого не поднимал. Потом хмуро отвечал:

– Ничего, выйду, будет 35 лет, еще не старый буду, найду бабу и женюсь.

Он умолкал, а черный от гнилых зубов рот так и оставался у него открытым.

После завтрака за Борю брались основательно и уже вся камера участвовала в представлении.

– Ты, Морячок, давай пиши жалобу на приговор суда. Дави на жалость и пиши, что бабку убил из-за ревности.

– В натуре!

– Тебе дело говорят!

– Это уже другая статья, там такой срок не корячиться!

– Ты не менжуйся, Морячок, с кем не бывает! Пусть бабке не хватало десяти лет до ста, а сердцу не прикажешь.

Так Борю и подначивали целый день. А какой-нибудь паскудник терся возле Морячка и похабно приговаривал:

– У Бори попка как орех, так и просится на грех.

Даже картежники в углу отвлекались от игры и ржали так, что было слышно в коридоре.

Заканчивался день концертом самодеятельности. Кто-то от безделья выкрикивал:

– Давай, Боря, с выходом из-за печки!

Морячок выходил на середину камеры и бойко объявлял:

– Песни народные, блатные и хороводные! Исполняет заслуженный артист Борька Морячок!

Ему шумно аплодировали. И Боря начинал:

Собирайтесь, бабы, в кучу,

Я вам чучу отчебучу!

Если ты беременна,

То это только временно!

А если не беременна,

То это тоже временно!

Частушкам Борю научили в камере. Морячок пел с выражением, выкрикивал отдельные слова и разве что не пускался в пляс.

Концерт затягивался далеко за полночь. А утром снова кто-то вопрошал:

– Сколько Морячку сидеть?

Боря отвечал и у него как от зубов отскакивало.

В бараке

В подъезде барака одиноко стоял и разговаривал с кем-то незримым Саша Воробей. Лицо его выражало гнев. Он отчаянно жестикулировал и тыкал пальцем в своего невидимого собеседника.

Ум за разум у него зашел после смерти матери. Воробей ни с кем не общался, только сам с собой. Зэки – тоже люди. И многих из них нужно пожалеть, а не наказывать. Как все люди, зэки очень разные, но их чешут под одну гребенку и очень часто не считают за людей.

В бараке двести восемьдесят человек. Бочка арестантов. От окна ни на шаг не отходит атасник. Стоят на атасе не за страх, а за чай и курево. Когда атасник видит, что к бараку приближаются сотрудники колонии, он заполошенно кричит:

– Контора!

У зэков в запасе остается пара минут, чтобы попрятать мобильные телефоны и карты. Игра идет день и ночь. Под интерес играют не только в карты, но карты – это классика, традиция, обряд.

На зоне отряжают человека, который отвечает за игру и разрешает споры. За счет игры пополняется общак. А бараки эти, говорят, были построены во время войны, в 1943 году, тут содержали пленных немцев.

Вечная мерзлота

У зверей в лесу отсутствует аптека и нет «скорой помощи». Во время болезни они голодают и отлеживаются, и этого, оказывается, достаточно, чтобы излечить себя.

И я не стал обращаться в санчасть. С неделю отлеживался в бараке, поднимался только на проверки, дважды в день, пил пустой кипяток и ничего не ел.

Потом Вовка Колчин принес брусок сала грамм на сто и луковицу. У меня появился аппетит, и я быстро выздоровел.

Спать ложусь в верхней одежде, на голову нахлобучиваю шапку и опускаю уши.

На вечной мерзлоте души продрог барак, окоченел и почернел от горя.

В таком бараке и неделю прожить трудно, а люди сидят годами.

Под потолком висит лампочка Ильича, еще одна перегорела, читать при таком свете нельзя, розетки чуть не вываливаются из гнезда.

Вид у барака нежилой.

Но даже сюда приходила ночами любовь, и губ твоих изломанные линии я целовал во сне горячим ртом.

А в 6 утра включают радио «Маяк», и репродуктор оглашает лагерь лающими звуками. Можно уловить отдельные слова, но трудно разобрать, что говорят, и кажется, что репродуктор изрыгает брань.

Увечная правда

Он не стал для матери подарком, хотя родился под Новый год. Мать отказалась от новорожденного.

Но судьбе показалось мало, что он сирота, надо было у него отнять и ноги. Леня Корсаков представлял собой половину человека, ног у него не было совсем, и он передвигался на инвалидной коляске.

Меня в нем поражала жажда жизни, и однажды мы разговорились. Леня не пенял на свою судьбу.

– Я родился в Кемеровской области, в городе Ленинск-Кузнецкий. Мать меня оставила в роддоме, и я свою мать никогда не видел. Жил до семи лет в детском доме. Потом отправили в школу-интернат, там я учился до седьмого класса, и беда эта стряслась: поездом отрезало мне ноги.

Я рос хулиганистым, но в интернате все такие были и крали с малых лет, потому что государство не оденет, как хотелось, и конфет не купит, и на мороженое не даст.

– Как ты пережил потерю ног?

– Сначала я не верил, думал, это сон: проснусь, и все будет нормально. Попал в институт протезирования в Новокузнецке, два года там провел. Мне протезы сделали, один протез весил 6 килограммов, я ходил как терминатор. Поэтому в основном передвигался на коляске, но я быстро ездил, меня даже Шумахером прозвали.

– Стоп, Леня, только честно, ты сначала думал – сон, но потом, когда увидел, что ног нет, мысли о самоубийстве приходили?

– Нет, никогда, клянусь, я отвечаю, честно. Просто шло привыкание к новой жизни, стал спортом заниматься, там же специализированный институт, и для инвалидов были созданы условия, чтобы они могли спортом заниматься. У нас даже бассейн был, и я ходил в бассейн, чтобы научиться держаться на воде без ног. А после института меня отправили в специнтернат для инвалидов. Там я приловчился красть, в основном лазили по карманам, шмыгали возле магазинов; если пьяный подвернется, мы его обчистим, а так чтобы специально шли на кражу – нет, такого не было.

Когда стал совершеннолетним, меня перевели в другой дом инвалидов, там же, в Кемеровской области, а в 1996 году друг детства Арсений – он тоже сирота, мы вместе были в школе-интернате, – предложил перебраться в Москву.

В Москве мы сняли квартиру, сошлись с московскими карманниками – Арсений был вхож к ним – и пять лет проработали в метро.

– Проработали?

– Да, это мы так называем. Потом Арсений исчез, будто в воду канул, у меня появился другой товарищ – работают всегда вдвоем. Звали его Ромка. Он был беженец из Азербайджана и с малых лет работал по карману. У него, можно сказать, был криминальный талант: у кого хочешь вытянет. К нему многие тянулись, но он выбрал меня. А познакомились мы на Курском вокзале. Карманники всегда там собираются перед тем, как спуститься в метро. Ромка вытасит и мне передает, чтобы его с поличным не взяли. Я очень быстро научился распознавать подставы. Мне достаточно было взглянуть на пьяного, и я уже на сто процентов мог сказать, подстава это или нет.

Работали мы по вечерам. Бывало, сразу деньги поднимали, а бывало, что спускались в метро несколько раз. У каждого своя линия в метро.

Деньги в основном тратили на развлечения. Ромка помогал родным. Я любил сидеть в компьютерном кафе, по Интернету лазил, смотрел фильмы и понемногу откладывал на импульсные протезы, они работают на биотоках, один протез стоит шестнадцать тысяч долларов.

Мы вместе с Ромкой провели шесть лет, а потом нас приняли в метро, мы попались с телефоном. Тогда я получил свой первый срок. Мне дали год, а Ромке два с половиной года.

Десять месяцев я провел в тюрьме, а приехал в колонию в Орловскую область, и пора было освобождаться. Отпустили на четыре стороны, и я опять за старое. А что? Ни отца, ни матери, ни родины, ни флага. И уже по-крупному попался. Сейчас сижу за магазин, набрал фотоаппаратов на полтора миллиона рублей. Это было девятого мая, на праздник, в центре Москвы, на Новокузнецкой, магазин «Мир фото» называется. А вышло все случайно. Охранник из магазина вышел к киоску пиво попить. Он уже поддатый был, и я подъехал на коляске за водой. Мы познакомились. Он пригласил меня выпить в магазин. Ему одному скучно было. Я ему побольше подливал, и он уснул прямо на диване.

Я объездил магазин, вскрыл ножом витрины, охранник сам видеонаблюдение отключил, чтобы не видели, что постороннего пустил. А

меня сняла уличная камера, вот этого я не учел, и меня потом вычислили. В конце мая приняли второй раз, и срок у меня теперь четыре года.

Под следствием я оба раза был в Бутырке. В 2006 году был в общей камере, она не была приспособлена для инвалидов, там было шестьдесят с чем-то человек, а шконок всего тридцать. И в 2008 году опять была общая камера, но перегруженности уже не было и «реснички» с окон убрали. Евросоюз в этом плане здорово помогал.

– А пенсию по инвалидности ты получаешь?

– Пенсия была, но она маленькая была, я даже не помню сколько. Я ведь как уехал в Москву, так нигде не становился на учет и пенсию не получал. А теперь – другое дело. Судят меня как инвалида первой группы с детства, вот приговор у меня на руках. Судят как гражданина России, а в зоне выясняется, что я не гражданин России, потому что паспорта у меня нет, и пенсию не оформляют.

Делают запрос в Кемеровскую область, где я паспорт получал, они не дают ответа и так эта канитель год тянется. Видят, что я в инвалидной коляске, видят, что ног у меня нет, а инвалидность не оформляют и пенсию не дают. Это такая несправедливость, что мои кражи по сравнению с этим – это ни о чем. В тюрьме вся сущность жизни познается. Не зря же говорят: кто был в тюрьме, тот в цирке не смеется.

– Леня, получается, что у тебя нет выхода; освободишься – и опять в метро?

– Может быть, получится найти своих родителей, я устал от бесприютности, хочу затеять поиск, как-то зациклился на этом, хочу написать в программу «Жди меня», может быть, они откликнутся, помогут. Если родителей найду, начну другую жизнь, семьей обзаведусь. Я мог бы на компьютере работать и содержать семью. У меня был друг Алеша, Мошкин Алексей, мы вместе протезировались в институте, у него ног нет, но у него свои колени, так он по горнолыжному спорту на паралимпийских играх занял первое место. Привет мне передавал. Видишь, как у него сложилось. А у меня по криминалу пошло. Но у него родители, отец и мать, ему, конечно, легче, у него поддержка есть.

– Леня, а если государство обеспечит тебя импульсными протезами, назначит хорошую пенсию, ты пойдешь воровать?

– Нет, конечно нет.

– А по привычке? Привычка – вторая натура.

– Нет. Как может человека потянуть в тюрьму? Это я от безвыходности воровал.

Леня на меня смотрел как на дурачка, и я понимал, что молот пустое: государство предпочтет опять запихнуть его в тюрьму, но не станет раскошелиться на протезы.

Коты

Пожалуй, добрых тридцать лет я вынашиваю мысль создать приют для братьев наших меньших. Вид бродячего животного может мне испортить настроение на целый день.

На свободе я впитал в себя боль бездомных кошек и собак. А как я изводил себя, как убивался за своих котов, когда попал в тюрьму и они остались без призора... Боль была такой, что душа покинула грудную клетку и цепенела у меня над головой.

Я в ту пору жил один. Кров со мной делили два моих кота. Я обоих подобрал на улице чумазыми котятами, выходил, и до чего мы ладили, Бог радовался, глядя на нас.

Я замкнут по характеру, люблю природу, братьев наших меньших и трудно схожусь с людьми.

Меня арестовали на задворках февраля, и самый короткий месяц в году не лютовал напоследок.

В милиции в кабинете у оперативников со мной почти не разговаривали, но я чувствовал: что-то замышляют за моей спиной. Тревожные мысли клубились в голове и сминались одна другой, как облака перед грозой.

Вечером доставили в прокуратуру. Я был сам не свой, и невозможно было ни развеять этот сон, ни стряхнуть с себя пустое наваждение.

Так, надо думать, подсознание включает тормоза, чтобы человек, рухнув под откос, не был убит горем. Он может быть раздавлен, но останется живой и потом, когда осядет, отстоит боль, придет в себя и выкарабкается из-под завала переживаний.

Иные раны только время может врачевать.

Следователь – упитанный молодой человек. Его зовут Александр Борисович Мухортов. У него неприятное лицо, я это отмечаю сразу, но все-таки пытаюсь заглянуть ему в глаза, в надежде отыскать там душу.

Он не поднимает головы. Уткнулся носом в стол и сопит над протоколом. Чудится, что это древний жрец исполняет обряд жертвоприношения.

Я называю установочные данные, порываюсь что-то объяснить, но он осаживает меня жестом, морщится и просит не сбивать.

Я словно душу свою выронил из рук и глухо отвечаю на вопросы.

После оформления бумаг прошу отпустить домой. Время уже позднее.

Следователь зевает, будто намеревается меня проглотить

– Не могу, у тебя статья тяжелая.

Я спотыкаюсь на словах:

– Как? Тяжелая?

– Умышленное убийство, – говорит лениво следователь и не смотрит на меня.

– Вы шутите? Я никого не убивал!

– Разберемся. – У следователя сытый вид, и я в запальчивости срываюсь на крик.

– Так вы сначала разберитесь, а потом сажайте!

Следователь помял губы, поднял на меня водянистые глаза, и я понял, что его ничем не проймешь. В глазах у него не было выражения.

Я горько сознаю, что попал в силки. Меня тянет подобрать увесистое слово и запустить в Мухортова, но я помню про котов и не своим голосом прошу:

– У меня остались дома два кота. Они целый день голодные. Отдайте, пожалуйста, ключи от квартиры моей соседке, Жаровой Татьяне. Она кормила котов, когда я уезжал в командировку, и они привыкли к ней.

Следователь отмолчался.

Поздно вечером я очутился в изоляторе. Изолятор временного содержания пустовал, и я обретался в камере один.

Боялся приступов клаустрофобии, но как-то обошлось.

Всю ночь не сомкнул глаз; читал молитвы, какие помнил наизусть, и тысячу раз проклял себя за то, что связался с пьяницами.

На следующий день после обеда вызвали на допрос. На столе у следователя лежали ключи от моей квартиры, как нарочно – прямо на виду.

Дежурный адвокат выглядел сонным. Он был похож на сову, которая привыкла к ночной жизни и ничего не видит днем.

Я дал показания, но голова была занята другим. После допроса пробежал глазами протокол, не вникая, подписал, и напомнил, что просил отдать ключи от квартиры.

– Нет – отрезал следователь. – Я квартиру опечатал, и туда никто не войдет.

У меня остались на лице только глаза. Происходящее нельзя было осмыслить, оно не поддавалось объяснению. Я смотрел на следова-

теля воспаленными глазами и ничего не соображал. Потом сбивчиво заговорил:

– У меня в квартире два кота! Вы понимаете?! Они погибнут! Вы их живо замуровали! В квартире никто больше не живет!

Следователь молчал, что-то прикидывал в уме, наверно, на него подействовал мой испуганный вид.

– ...Вы понимаете?! Не мучайте котов! Как вас еще просить?! Человек ты или нет? Хочешь встану на колени?!

Я бухнулся на пол.

Мухортов с перекошенным лицом испуганно взглянул на дверь и зашипел:

– Встань сейчас же, слышишь.

Я поднялся с колен.

– Ты отдашь ключи?!

– Я поговорю с прокурором.

– Ты отдашь ключи?! – Я заорал и слился с криком, превратился сам в один сплошной и запредельный крик.

– Я поговорю, сегодня же поговорю.

Следователь проворно собрал папку и отделался от меня.

В тот же день суд без заминки вынес постановление о моем аресте, и вечером меня отправили в тюрьму.

Будто бульдозером прошлись по мне события последних дней, и я был раздавлен. В смятении слал заявления на имя прокурора города Вениамина Селифанова и заклинал, что если котов мучают с целью вынудить меня дать признательные показания, то я готов взять на себя не только это, но и все другие нераскрытые убийства за последние пять лет. (Столько времени я жил в Сергиевом Посаде).

Прокурор не отвечал.

Позже я узнал, что ключи от квартиры следователь так и не отдал...

Хорошо, соседка догадалась открыть форточку снаружи и выпустить котов через окно.

Я тешил себя мыслью, что когда выйду из тюрьмы, то первым делом пойду искать Яшку и Тимошку. И когда найду, возьму на руки Яшку и скажу: «Здравствуй, Яшка, рыжая мордашка, здравствуй, мой сердечный друг. Как я по тебе соскучился, как я за тебя переживал; да ведь и ты не меньше за меня переживал, знаю, не мяукай даже...»

Я живо представлял себе, как Яшка долго смотрит мне в глаза и заглядывает прямо в душу.

О себе я так не горевал. Каждый день молился за котов. Молитву по наитию придумал.

Никто не поверит, но спустя год Яшка объявился. Мне тогда отменили приговор, и он будто чувствовал, что меня могут отпустить. Больше года пропал неизвестно где и вдруг появился.

Его тогда сфотографировали, одичалого, голодного, и фотографию прислали мне. Надпись на обороте ликовала: «Яшка нашелся!»

Радости моей не было конца. Я почернел за этот год от горя и невзгод и теперь подолгу любовался на кота.

И почти два месяца крутился Яшка возле дома, словно поджидал, таил надежду, что вернусь, но новое судебное разбирательство длилось десять месяцев и новый приговор доконал меня. Дали восемь лет, а кажется, что осудили на пожизненное заключение... Век вековать в тюрьме.

Я только тяжело вздыхал и ничего не мог сказать.

Не шли слова.

А душа – бумага промокательная – впитывала в себя все.

Слезы впрок

Думал, что все слезы выплакал, оказывается, нет. Бог и тут предусмотрел, дал нам слезы впрок, чтобы до конца жизни хватило.

Душа корчится от боли, и я молча про себя кричу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного...» И после каждого прочтения молитвы вижу, что душа моя покрыта язвами и гнойничками.

Бог проводит хирургические операции на душах.

Бог каждого смирит

Не забыть мне первый день в тюрьме. Как сквозь строй, проводит меня память. Зэк, распятый на решетке, что-то тшится сказать немым ртом... Господи, не приведи, можно тронуться умом.

Я попал в камеру в состоянии, близком к умопомешательству, заикался, разговаривал сам с собой. От горя можно сойти с ума, я едва избежал этой участи. И душу перебинтовать нельзя, когда она болит и кровоточит.

Меня своим участием выходили уголовники. Сами мыкавшие горе и попавшие в тюрьму в силу разных обстоятельств, а больше – по дурачости, они оказались чище, благородней и добрей следователей, судей, прокуроров.

В тюрьму часто попадают от широты души, а на работу в суд, в милицию, в прокуратуру идут нередко бездушные люди. Это парадокс, но этот парадокс может погубить страну.

Сергиев Посад – столица православия. Троице-Сергиева лавра привлекает паломников со всех краев, но верно говорят: «Где святость, там и пакость».

Тюрьма в Сергиевом Посаде находится на улице Болотной. От Лавры до тюрьмы рукой подать.

Архимандрит Трифон навещает эков каждую неделю. Он служит в тюремном храме два десятка лет, и этот опыт дает ему право попусту не говорить: «Оказавшись среди тюремного общества, мы постоянно должны видеть в них людей не только с грехами, но видеть в них и хорошие качества, которые и нам помогут понять и свои недостатки. Видеть, что это люди и многие из них порой лучше нас, чище, добрее».

Может быть, оговорился отец Трифон? Прямо огорошил... Нет. Архимандрит не одинок в своих крамольных мыслях.

Великий Достоевский в бессмертных «Записках из мертвого дома» отмечал: «И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уже все сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват? То-то, кто виноват...»

Бог кого тюрьмой смирит, кого сумой, кого болезнями, порой неизлечимыми, кого смертью близких... Каждому воздаст. Не коснется эта благодать только тех, кто для Бога потерян. И я, возможно, так бы и коснел в самодовольстве, да тюрьма сбила с меня спесь.

Система дикая

Мелика Мнацакановича Мурадяна в тюрьме зовут Мишей.

Он инженер по образованию, окончил в 1967 году Московский энергетический институт, работал в конструкторском бюро электро-механического завода и вот уже двенадцать лет на пенсии.

Мише больше семьдесят лет. Некурящий, худенький, он сидит на шконке, смиренно положил ладони на колени, спинку старается держать прямой, но видно, что надломлен и на него давит груз.

У Миши срок три года, статья 111, часть 1 УК Российской Федерации: умышленное нанесение телесных повреждений. На самом деле была самооборона. Миша пырнул ножом соседа-наркомана, который был на 40 лет моложе и напал на старика.

Миша вернулся с Медведковского централа. Он присутствовал на рассмотрении кассационной жалобы в Московском областном суде, которое длилось ровно три минуты. Приговор оставили без изменения.

Спрашиваю у седого старика:

– Как вам наша правоохранительная система?

Он поправляет двумя пальцами очки:

– Система дикая. Я только сейчас начинаю это понимать. Такое впечатление, что народ этот никому не нужен. Я по своей истории могу судить, как устроена наша правоохранительная система и какой чинится произвол. Так нагло взять и перевернуть все с ног на голову...

Миша сокрушен. И я его понимаю: самого пропустили через мясорубку и превратили в фарш.

Я говорю:

– Это у них в порядке вещей.

– По-видимому, да. – Кажется, что Миша говорит на ощупь. – Меня ведь не сразу арестовали, и один знакомый мне сказал: «Тебя посадят, но ненадолго, выманят квартиру и отпустят».

Миша зорко смотрит на меня. Ждет ответа.

Я отмалчиваюсь.

Я уже знаю, что у нас был один следователь, наверняка он специализируется на тухлых делах. Знаю, что пьяницы нарочно колотили в мою дверь, чтобы вызвать драку и скандал, и я тоже проживал один в квартире.

У нас много с Мишей общего. Поэтому я молчу. Мысли меня захватили, как удавкой.

Правосудие и современное развитие¹

Скульптурные и живописные изображения г-жи Фемиды можно видеть у входа в здания многих судов. Она носитель правосудия. Ее глаза завязаны: отвлекающие факторы не должны влиять на принимаемые решения. И, как показано на этом рисунке, в одной руке у нее весы, в другой – разумеется, только на случай крайней необходимости – обоюдоострый меч.

Итак, посыл нами понят. А дальше, внутри суда, мы увидим больше. Скорее всего, мы найдем зал судебных заседаний с местами для зрителей. Возможно, мы сможем даже чуть-чуть расслабиться, оказавшись на этой «чужой территории»... Но вот открывается находящаяся перед нами дверь – суд идет! Иногда судья (судья) одет в яркую мантию. Мы все встаем. Когда судья садится, нам тоже разрешается сесть. Церемония демонстрации величия: они, судьи, выше всех нас!

Многое из этого действительно было необходимо в стародавние времена; в некоторых случаях, при приличествующих декорациях, это выглядит достойно и в наши дни. Когда *император* был всемогущ и почти столь же всемогущи были люди из его окружения, г-жа Фемида была нужна на случай, если между ними возникали конфликты. Один из исторических примеров – это усиление влияния буржуазии.

А как обстоят дела сегодня?

Сегодня появились «государства всеобщего благоденствия» – по крайней мере, в некоторых частях Европы. Такие государства заявля-

¹ Выражаю благодарность Хедде Гирстен (Осло) за вдохновение и полезные комментарии в течение всего периода работы над этой статьей, а также Дагу Остербергу, Себастиану Шереру и Дэвиду Кейли за полученные от них важные разъяснения.

ют о том, что они созданы для удовлетворения во всех ситуациях потребностей *всех* своих граждан, нуждающихся в социальной защите. Но единственный вопрос, который я поднимаю в этом очерке, – это вопрос о том, позаботилась ли г-жа Фемида, чтобы идеалы государства всеобщего благополучия воцарились и внутри судов.

Может быть, имеет смысл немного передвинуть Фемиду – передвинуть ее от входов в суды к воротам некоторых из наших крупнейших тюрем?

Новая экипировка для Фемиды

Однако у этих ворот нам потребовалось бы поменять ее экипировку. В частности, нам пришлось бы освободить ее от повязки на глазах: смысл в том, чтобы, стоя у тюремных ворот, г-жа Фемида видела, что за люди проходят через эти ворота. Вскоре она убедилась бы в том, что почти все, кто прибывает в тюрьму и не покидает ее в тот же день, – это люди одного социального положения, с самого «дна» общества. Тюрьмы предназначены для бедняков.

Исследования социального состава заключенных в тюрьмах современных Западных стран раз за разом дают одни и те же данные, которые Торсен (Thorsen 2010) вынесла в заглавие своей диссертации на соискание степени магистра криминологии: «Избыточная лишенность» (*Too much of Nothing*). Слишком много безработицы; слишком много разводов и отсутствия семейных связей в целом; слишком много людей, живущих в трущобах. Мы могли бы добавить: слишком много людей с менталитетом принадлежности к «меньшинству». Лоик Вакан (Loïc Wacquant 2009) в своей книге с красноречивым заглавием «Наказание для бедных» (*Punishing the Poor*) показывает, что во многом то же самое можно сказать и о заключенных в США.

Конечно, такого рода тенденция существовала всегда. Богатые и властные чаще уходят от наказания, чем бедные и обездоленные, – по крайней мере, в тех случаях, когда они не угрожают центральным властям. Но эта тенденция проявляется все более и более отчетливо в государствах, позиционирующих себя как страны, чьи граждане относительно равноправны, и претендующих на статус «государств всеобщего благоденствия». Однако «Больше страданий для бедных!» – вряд ли лучший из лозунгов для пенитенциарных систем таких государств.

Предполагается, что эти государства должны обеспечивать благополучие всех граждан. Но их системы карательно-исправительных учреждений являют собой анахронизм, поскольку не придают достаточ-

ного значения бедности и социальным страданиям – в особенности различным формам бедности как смягчающим обстоятельствам при назначении наказания. Где-то в глубинах нашей морали существует норма: если человек уже лежит, бить его нельзя. Но мы все бьем и бьем – и это должна была бы все вновь и вновь во всеуслышание признавать г-жа Фемида, – как будто менталитет «государства всеобщего благоденствия» внутри пенитенциарной системы допущен не был.

У тюремных ворот Фемиде пришлось бы поменять и другие элементы своей экипировки: там, где кругом охрана, оружие ей не понадобится. Поэтому в ее правой руке обоюдоострый меч нужно было бы заменить микрофоном, чтобы она могла докладывать о том, что видит: «Это бедные и несчастные люди. Об этом следует помнить, приговаривая их к еще бóльшим страданиям».

Как можно было бы изменить ситуацию в государствах всеобщего благоденствия, действительно соответствующих своему названию?

Я предложил бы следующее: давайте пригласим систему «всеобщего благополучия» в суд – на стадии, когда решается вопрос о назначении наказания для преступников. Жизнь многих из тех, кто ожидает суда, с самого ее начала была нищей и убогой, что могли бы подтвердить знакомые времен их юности. Пусть в суд в качестве свидетелей пришли бы друзья и школьные учителя обвиняемых, а также все категории их родственников, включая любимых тетушек. Но помимо этого нужно было бы потребовать объяснений от разного рода чиновников системы социального обеспечения. Если преступник жил на улице, то почему ему не была оказана помощь в получении жилья и работы? Как его могли оставить в столь бедственном положении? Какая вообще помощь ему когда-либо предоставлялась? Подобного рода судебное дело стало бы прецедентом, постоянно напоминающим о том, что система, не удовлетворяющая социальных потребностей граждан, нуждается в реформировании. Вместо того чтобы предоставлять системе социальных услуг возможность уклоняться от ответственности путем сокрытия нарушителей общественного спокойствия вместе с их неудовлетворенными нуждами за тюремными стенами, подобное судебное расследование выявило бы системные недостатки, что могло бы стать движущей силой реформ в «системе общественного благоденствия» в целом.

Такая линия рассуждений не обязательно ведет к полному отказу от всех форм наказания. Однако – и это главное, что я хочу сказать, – в

государствах всеобщего благосостояния она должна вести к тому, чтобы суровость карательных мер выверялась бы с предельной осмотрительностью. Если жизненные обстоятельства заставили людей страдать больше других, то те, чья работа состоит в воздаянии этим людям по заслугам за совершенные ими правонарушения, должны проявлять к ним максимальную снисходительность.

«Они могли бы быть моими детьми»

В то же время в процессе тщательного изучения жизненных условий лиц, которым предстоит подвергнуться наказанию, следовало бы рассматривать их не просто как «преступников», а как «полноценных людей».

Из собственного жизненного опыта и из материалов научных исследований нам известно, что, чем ближе мы узнаем людей, преступивших закон, тем меньше мы склоняемся к тому, чтобы причинять им страдания в качестве наилучшей меры наказания.

У нас в Норвегии некоторое время назад рассматривалось дело, которое может послужить интересной иллюстрацией к тому, о чем я говорю. У нас был один политик, довольно высокого ранга, который был известен жесткостью и строгостью принимаемых им решений. Никому никаких поблажек! Но как-то раз его назначили судебным асессором при рассмотрении уголовного дела, в котором фигурировали три несовершеннолетних правонарушителя. По сообщениям прессы, то, что они сделали, было действительно серьезным преступлением, и поэтому ожидался суровый приговор. Однако все трое получили самое мягкое наказание, о котором они могли только мечтать! Ошарашенные журналисты окружили толпой всегда столь строгого политика с вопросами о том, поменял ли он свои взгляды на пенитенциарную политику. «Нет, вовсе не поменял, – отвечал тот. – Плохие молодые люди заслуживают сурового наказания. Однако эти трое – люди совсем другого сорта. Они хорошие ребята – в глубине души. Они могли бы быть моими детьми!»

К ним всем нужно относиться как к нашим детям

В этом и заключается основная проблема пенитенциарной реформы в «государствах всеобщего благоденствия». Нужно противостоять растущей анонимности, порождаемой процессами современного развития. Нужно создавать социальные системы, в которых мы относились бы друг к другу как к полноценным человеческим существам и где мы могли бы оценивать действия друг друга в полном социальном

контексте. Это трудновыполнимая задача, поскольку она находится в оппозиции к доминирующему тренду нашего времени.

Плоды современного развития

У нас в стране есть традиция: около полуночи перед каждым Новым годом наш премьер-министр выступает по радио и телевидению с новогодними поздравлениями и пожеланиями, а также с краткими политическими оценками. Главным тезисом небольшой речи премьера, как правило, является призыв к дальнейшему развитию страны: «Никакого застоя – мы должны двигаться вперед!» Мы чувствуем себя как в поезде, идущем по прекрасной стране с великолепным ландшафтом – по крепкой, хорошо управляемой стране, – и тем не менее нас призывают не останавливаться, а всегда двигаться вперед, развивать территории, районы, города – и самих себя, конечно.

Однако у развития есть сестра-близнец. Ее имя – «мобильность». Главным эффектом мобильности является разрушение местных сетей социального общения. В процессе развития крепость общинных связей между людьми снижается. Поэты могут писать о том, какое это счастье – жить на лоне природы, вдали от городов. Социологи, по понятным причинам, более озабочены пустыми социальными пространствами, разъединенностью общин или, хуже того, тем фактом, что в некоторых местных общинах люди не знают собственных соседей. Соседи, студенты-однокашники, коллеги, возможные друзья и потенциальные злодеи – все они являются незнакомыми нам людьми при некоторых формах современного развития. «Классические» примеры даны у Джорджа Хоманса (George Homans 1951) и Роберта Путнама (Robert Putnam 1999). Поезда и автомобили изменили социальную жизнь: можно приехать в свою общину и уезжать из нее; можно принадлежать всем – и никому. Можно уйти в приватную жизнь², отгородившись от соседей или отдалив их от себя. Управление человеческим общением берет на себя электроника. Шерри Тэркл (Sherry Turkle 2000) размышляет над этими вопросами в своей книге «Одиночество в обществе» (*Alone Together*). Кроме того, как подчеркивают Ричард Уилкинсон и Кейт Пиккет (Richard Wilkinson and Kate Pickett 2009) и Томас Пикетти (Thomas Piketty 2014), экономическая дистанция между

² Концепция «приватности» (англ. privacy) – одного корня с латинским словом *privere* («отнимать, лишать»); речь идет о лишении человека преимуществ участия в важных мероприятиях, в общественной жизни.

классами увеличивается и все труднее и труднее разглядеть тех, кто «высоко вверху» или «далеко внизу» по сравнению с нами.

Централизованное неведение

Современное развитие также поощряет создание крупномасштабных структур. Современная медицина, например, включает в себя широкий спектр специальностей, представители которых заявляют, что всем им нужно быть вместе для работы в экстренных случаях на стыке разных специализаций. Предположительно, это повысит качество обслуживания населения, а также сэкономит средства, поскольку над всеми будет единая администрация. Маленькие местные больницы исчезают, поглощаемые гигантскими медицинскими центрами.

Та же тенденция наблюдается во всем секторе государственных услуг. Централизация происходит и в сфере социальных услуг, и в организации сил полиции. «Старорежимный» шериф, которого мы называли *lensmann*, скоро канет в Лету. Он обязан был жить в том районе, где служил. Он знал всех жителей местной общины, и все знали его. Теперь он превратится просто в одного из сотрудников отделения полиции, которое нередко может оказаться вдалеке от его собственного места проживания. Он перестанет быть в курсе местных событий: люди, которые могли бы рассказать ему о том странном, вечно пьяном человеке, который наводит страх на всю округу, уже не расскажут ему о нем: их не будет рядом. За этим человеком просто приедет полицейский, увезет его, и тот получит все, что ему причитается по букве закона. Возможно, у него в кармане даже найдут листочек конопля.

Эта тенденция к централизации теперь затронула и суды. Единственный судья из небольшой местной общины должен быть теперь «спасен» путем перевода в более крупную судебную инстанцию. В настоящее время в нашей стране 66 судов; цель в том, чтобы снизить их количество до 20. Небольшие районы должны сливаться с другими малыми районами либо поглощаться крупными городами. Большие суды дают возможность создать судейское сообщество, где коллеги будут помогать друг другу, учиться друг у друга и встречаться на равных в судах и вне судов. Это поднимет уровень их профессиональной компетенции на должную высоту. Однако за это придется заплатить определенную цену. В такой ситуации они будут проводить большую часть своей общественной жизни вместе с равными – с другими судьями и иными лицами с юридическим образованием – либо, как минимум, общаться с другими высокообразованными профессионалами.

Но при этом у них не будет ни времени, ни интереса для общения с другим местным населением.

В качестве иллюстрации – конфликт между Пером и Оле. Они всегда ссорились, эти двое, как до того ссорились и их отцы. Предмет споров – деревянный забор где-то между двумя их фермами. Пер утверждает, что отец Оле в одну из темных ночей передвинул забор на несколько футов, тем самым увеличив собственную территорию. Однако, по словам Оле, он сделал это потому, что Пер занял у него деньги и не вернул их. На недавних похоронах, которые не обошлись без выпивки, Пер ударил Оле в лицо – да так, что выбил ему два зуба. Шеф модернизированного, реорганизованного и укрупненного полицейского участка, который не знал ни Пера, ни Оле, ни истории ссор между ними, выписал Перу крупный штраф за избиение Оле. Разумеется, Пер штраф платить не стал. Новый судья из реорганизованной и укрупненной судебной инстанции также не был в курсе этой семейной истории, и Перу пришлось отсидеть месяц в новой централизованной тюрьме в Осло.

Оппозиция прогрессу

Прогрессивные стратегии в пенитенциарной политике, как мне представляется, требуют некоторых элементов регресса. Мне кажется необходимым восстановление тех форм социальной организации, при которых люди снова смогли бы видеть друг друга, поддерживать полномасштабные человеческие отношения – а также контролировать друг друга и понимать, что их самих тоже контролируют.

Как-то в Германии мне на глаза попала откритка с текстом в центре. На ней были изображены две дамы весьма строгого вида, которые встретились на улице. Текст был следующим: «Господь Бог видит все, но соседи видят гораздо больше!»

Если иметь в виду профилактику преступности, то нам следует укреплять местные общины и ставить перед ними задачи, которые давали бы людям ощущение того, что жить в общине и участвовать в общественной деятельности на местном уровне – престижно. У нас в Норвегии 428 муниципалитетов. Власти хотят снизить их количество до 98. Я же хочу, чтобы их численность возрастала и, в частности, чтобы те немногие большие города, что у нас есть, были бы разделены на несколько независимых коммун, чтобы стимулировать простых людей к общению с местными соседями и созданию действующих социальных систем.

И конечно, следует сохранить местные суды и увеличить их численность для служения местным общинам. То же касается и полицейских участков.

Для выполнения этих задач нам вновь потребуется помощь г-жи Фемиды. Понаблюдав за ситуацией у ворот тюрем, ей следует пойти в муниципальные администрации и заявить следующее: «Похоже, основные идеи государств “всеобщего благоденствия” остались вне учреждений нашей карательно-исправительной системы. По моим наблюдениям, большинство из тех, кто проходит через тюремные ворота в обоих направлениях, – это несчастные люди, живущие как раз в тех условиях, для предотвращения которых и создавалось наше государство всеобщего благополучия. Их неудавшиеся жизни отражают нашу неспособность реализовать идеалы благополучия для всех».

* * *

Разбитые стекла в окнах – не самые точные индикаторы того, что местной общине нужно усилить работу по профилактике правонарушений. А вот закрытые на замок двери – и домов, и человеческих сердец – это верный сигнал о том, что нужны срочные перемены.

14 декабря 2014 года

Перевод с английского Всеволода Шелховского

Литература:

- Homans, George Casper (1951) *The Human Group*. Chapter XIII. Routledge & Kegan Paul.
- Picketty, Thomas (2014) *Capital in the Twenty-First Century*. The Belknap Press of Harvard University Press.
- Putnam, Robert D. (2000) *Bowling alone. The Collapse and Revival of American Community*. Simon & Schuster.
- Thorsen, Lotte Rustad (2004) *For mye av ingenting (Too much of nothing)*. Major in Criminology, University of Oslo.
- Turkle, Sherry (2011) *Alone together. Why we expect more from technology and less from each other*. Basic Books, USA.
- Wacquant, Loic (2009) *Punishing the poor. The Neoliberal Government of Social Insecurity*. Duke University Press.
- Wilkinson, Richard and Kate Pickett (2009) *The Spirit Level. Why equality is Better for everyone*. Allen Lane.

Тюремные новости

От суммы до тюрьмы...

По данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, суды в 2014 году вынесли приговоры в отношении 719,3 тыс. человек, меньше, чем в прошлом году на 16,2 тыс. Почти треть всех осужденных была приговорена к наказанию в колонии (209,4 тыс.), еще 27% (197,8 тыс.) – к условному лишению свободы. Почти такие же статистические данные были и в 2013 году. Но сократилось количество оправдательных приговоров на 13,5% – в 2014 году суды оправдали всего 3,9 тыс. человек¹.

В ближайшее время ФСИН России планирует закрыть порядка 20–25 колоний, в основном это будут учреждения с плохими условиями или в труднодоступных районах. Об этом сообщил первый замдиректора ФСИН **Анатолий Рудый** на встрече с журналистами в Казани. При этом речь идет не о сокращении, а об «определенной оптимизации» уголовно-исполнительной системы, которая включает 1,2 тыс. учреждений. Сейчас подследственных и осужденных в России насчитывается 673 тыс. человек, при этом «100 тыс. мест по различным видам режимов сверх того, что реально востребовано»².

Религия без границ

В конце апреля 2015 года Президент России подписал Федеральный закон «О внесении изменений в статью 14 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». В соответствии с ним в учреждениях, исполняющих наказания, осужденным разрешается проведение религиозных обрядов и церемоний, пользование предметами культа и

¹ Михайлова А. Число приговоров за госизмену и терроризм выросло в четыре раза // РБК. 23.04.2015.

² Куликов В. Больше не сидится // РГ. 29.04.2015.

религиозной литературой. В этих целях администрация указанных учреждений при наличии возможности выделяет соответствующее здание (сооружение, помещение) и обеспечивает условия, определяемые соглашениями о взаимодействии с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями. Проведение религиозных обрядов, церемоний и личных встреч в учреждениях, исполняющих наказания, осуществляется с соблюдением требований уголовно-исполнительного законодательства и правил внутреннего распорядка этих учреждений. Наряду с этим предусматривается возможность приглашения к осужденным к принудительным работам, аресту или лишению свободы по их просьбе священнослужителей, принадлежащих к указанным религиозным организациям, а также предоставления им личных встреч со священнослужителями, в том числе наедине и вне пределов слышимости представителей администрации учреждения, исполняющего наказание³.

На свободу с чистой совестью

В середине апреля вступило в силу Постановление Госдумы России от 24 апреля 2015 года № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Документ подлежит реализации в течение 6 месяцев с 24 апреля. Под амнистию подпадают несовершеннолетние, женщины и одинокие мужчины, у которых есть несовершеннолетние дети или дети-инвалиды, мужчины старше 55 лет и женщины старше 50 лет, больные активной формой туберкулеза, онкологическими заболеваниями III или IV степени, инвалиды, участники ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, заключенные, имеющие заслуги перед страной, участвовавшие в боевых действиях по защите Отечества, а также выполнявшие воинский либо служебный долг в Афганистане или в других странах, где велись боевые действия, военнослужащие, сотрудники правоохранительных органов, гражданские служащие, участвовавшие в выполнении задач в условиях вооруженного конфликта в Чечне и в ходе контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона.

Не будут освобождены заключенные, чьи уголовные дела связаны с тяжкими и особо тяжкими составами преступлений: убийства, насильственные преступления, терроризм, экстремизм, похищение че-

ловека, мошенничество, взяточничество, преступления в отношении несовершеннолетних, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Не могут рассчитывать на скорое освобождение и рецидивисты.

По предварительным оценкам, амнистия может затронуть до 60 тыс. приговоренных к лишению свободы и до 200 тыс. условно осужденных; осужденных, которым неотбытая часть наказания заменена более мягким видом наказания; осужденных, отбывание наказания которым отсрочено, а также приговоренных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Если учитывать подсудимых, которые попадают под амнистию, то это число может быть еще выше.

«Это будет умеренная амнистия, не будет никакого всплеска преступности. Если человек просто выходит из мест лишения свободы по отбытию наказания, то рецидив происходит, как правило, в 30–40% случаев. Если по амнистии – от 2,5 до 4%. Это цифры достаточно серьезные и о многом говорят. При этом надо понимать, что на тяжкие преступления амнистия не распространяется», – заявил в интервью председатель Комитета Госдумы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Павел Крашенинников⁴.

Остается добавить, что с 1994 года постановлениями Госдумы было объявлено 18 амнистий, в результате которых из мест лишения свободы было освобождено свыше 306 тыс. человек. Самой масштабной из всех стала амнистия, объявленная 26 мая 2000 года в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне. Тогда на свободу из исправительных учреждений вышли более 206 тыс. человек. Последняя амнистия была объявлена президентом в декабре 2013 года⁵.

Казнь без сожаления

Согласно недавнему опросу Фонда «Общественное мнение», приговаривать к казни недопустимо считает каждый пятый россиянин (22% сейчас и 16% в 2001 году). Затруднились ответить 17% участников опроса, проведенного 11–12 апреля среди 1500 респондентов в 100 населенных пунктах 43 субъектов РФ. Большинство россиян (71%) считают, что применять смертную казнь допустимо по отношению к тем, кто совершил сексуальное преступление против несовершеннолетних. Также этот способ наказания респонденты готовы применить

⁴ <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/621659/>

⁵ <http://tass.ru/obschestvo/1893640/>

к убийцам (57%), террористам (55%), насильникам (46%), наркоторговцам (34%). Среди других преступлений, за которые можно казнить, назвали также госизмену, раскрытие гостайны (15%), шпионаж (9%), взятничество (8%), кражу, грабёж, разбой (5%), осквернение религиозных святынь (4%), неуплату налогов (1%).

В нашей стране смертная казнь законодательно не отменена. С 1996 года, с момента вступления страны в Совет Европы, в России действует мораторий на применение такой меры наказания преступников, ее альтернативой является пожизненное заключение. Мораторий истек 1 января 2010 года, но в ноябре 2009 года Конституционный суд РФ продлил его до того момента, когда Госдума ратифицирует протокол об отмене смертной казни.

По мнению 41% респондентов, Россия поступила неправильно, введя мораторий на применение смертной казни. В правильности этого поступка уверены 33% россиян, в то время как затруднились с ответом 26%. Относительно того, следует ли России вернуться к применению смертной казни, единого мнения нет: 49% полагают, что казнь нужно вернуть, 5%, наоборот, предлагают полностью ее отменить, а 27% призывают придерживаться моратория. Затруднились ответить 19%.

Те, кто считает, что следует вернуться к применению смертной казни, аргументируют свою позицию очень высоким уровнем преступности и называют казнь заслуженным наказанием за самые тяжкие преступления (по 13%). Другие уверены, что люди будут бояться совершать преступления (9%), а также отмечают, что на содержание заключенных тратятся деньги налогоплательщиков, и говорят, что преступники часто уходят от наказания (по 4%).

Те немногие, кто призывает полностью отменить смертную казнь, указывают на вероятность судебных ошибок, на то, что никто не вправе лишать человека жизни, считают, что смерть – слишком легкое наказание, а также говорят, что это просто негуманно (по 1%)⁶.

От бутылки до преступления

«Серьезное беспокойство вызывает рост противоправных деяний, совершенных в состоянии алкогольного опьянения. Уже в первом квартале 2015 года было зарегистрировано более 93,8 тыс. таких преступлений. Каждое второе из них относится к тяжким и особо тяжким», – заявил министр внутренних дел России Владимир Колокольцев

на парламентском часе в Госдуме. В этой связи он предложил систему вытрезвителей. Ранее министр здравоохранения также выступила за восстановление в стране вытрезвителей, но «вне системы здравоохранения». По ее словам, оплата за услуги вытрезвления в этих заведениях может взиматься непосредственно с доставленного человека.

Традиционно за их работу отвечали не медики, а силовики. Первый вытрезвитель – «Приют для опьяневших» – появился еще в 1902 году в Туле по инициативе врача Федора Архангельского. В 1931 году появился первый советский вытрезвитель, который также относился к системе здравоохранения. Но уже в 1940 году решением наркома НКВД Лаврентия Берии вытрезвители были переданы в подчинении НКВД. После 1991 года они продолжили существовать в системе внутренних дел. Однако в 2010–2012 годах указом тогдашнего Президента России Дмитрия Медведева в рамках реформирования МВД функции вытрезвителей перешли к медучреждениям в системе Минздрава⁷.

Прецедент

На Урале известный ээк-сутяжник отсудил 72 тыс., которые, по утверждению Минфина, в порядке регресса будут взыскиваться лично с руководителя исправительной колонии № 5 Ю. Лаптева. Заключение, прославившийся судебными спорами с ГУ ФСИН, уже выиграл несколько исков. Так, Ленинский райсуд Екатеринбурга вынес три решения подряд в пользу экс-главаря банды преступников Равиля Хакимова. Судьи постановили взыскать 12 тыс. рублей за незаконное водворение заключенного в штрафной изолятор, 10 тыс. – за отсутствие лампочки ночного освещения и 30 тысяч – за несвоевременное лечение зубов, которого он ждал три месяца. Ранее суд удовлетворил и другой иск заключенного, взыскав в его пользу 20 тыс. морального вреда за незаконное водворение в помещение камерного типа.

Следует отметить, что крупный екатеринбургский бизнесмен Р. Нахимов известен тем, что организовал преступную группировку для устранения конкурентов по автобизнесу, которая состояла из 18 человек. На ее счету три убийства, покушения, поджоги домов и машин, взрывы гранат на территории салонов и автостоянок. Судебный процесс над бандой продолжался в 4 года. В результате Хакимова приговорили к 25 годам лишения свободы, 12 лет из которых он отбывает в тюрьме, а остальные проведет в колонии строгого режима. Оказав-

⁷ Колокольцев предложил возродить вытрезвители // газета «Взгляд». 27.04.2015.

шись за решеткой Хакимов начал отстаивать свои права в ЕСПЧ. Только за последнее время он подал более 100 исков к ГУ ФСИН, в числе которых – жалоба на проигрывание гимна России в СИЗО в пять часов утра. По мнению Хакимова, просыпаться под гимн несоборным и полуголым совсем не эстетично. Да и общая обстановка за решеткой не соответствует торжественной. К тому же, по его мнению, гимн должен звучать лишь на соревнованиях либо на серьезных мероприятиях. Поначалу Железнодорожный райсуд Екатеринбурга удовлетворил иск арестанта, но после кассации ГУ ФСИН вышестоящий суд отменил решение по гимну. На днях одна из очередных жалоб зэка была принята к рассмотрению в Европейском суде по правам человека⁸.

Официоз

В конце апреля в ходе заседания Совета Федерации РФ с докладом «О состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации и о проделанной работе по их укреплению за 2014 год» выступил Генеральный прокурор РФ Юрий Чайка. Вот что он рассказал сенаторам:

«По состоянию на 01.01.2015 в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов (далее – СИЗО и ПФРСИ), содержалось более 117,4 тыс. человек (94% от вместимости), в исправительных и лечебных учреждениях (далее – ИУ) отбывало наказание 552,6 тыс. человек (81% от вместимости). В свою очередь на учете в уголовно-исполнительных инспекциях (далее – УИИ) состояло 435 тыс. человек. Количество лиц, содержащихся в СИЗО и ПФРСИ, за 2014 год увеличилось на 3 тыс. заключенных. Вместе с тем в исправительных учреждениях число осужденных сократилось на 8,6 тыс., а состоящих на учете УИИ – более чем на 17 тыс. человек.

В минувшем году в целях соблюдения конституционных прав граждан в местах принудительного содержания прокурорами проведено 48,1 тыс. проверок, выявлено 184,2 тыс. нарушений закона, внесено 23,4 тыс. представлений об их устранении, по результатам рассмотрения которых привлечено к дисциплинарной ответственности 31,7 тыс. лиц. На незаконные правовые акты принесено 6873 протеста. По постановлениям прокуроров возбуждено 1,5 тыс. производств об административных правонарушениях, с целью восстановления нарушенных прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей, направлено в суд 1319 исков. В результате было выявлено нарушений

почти на 10% больше чем в 2013 году. Наиболее характерными нарушениями законодательства в уголовно-исполнительной системе по-прежнему являются недостатки в сферах коммунально-бытового и медико-санитарного обеспечения, которые составили более 35% от их общего количества».

Об этом же свидетельствовали многочисленные постановления Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), в том числе и в пилотном постановлении по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации», в котором констатировано наличие в пенитенциарных учреждениях длящихся нарушений законодательства, регламентирующего порядок и условия размещения граждан. Всего в отчетном периоде ЕСПЧ принято 21 постановление в пользу заявителей, по которым Российской Федерацией выплачено 227 тыс. евро.

Длительное время остро стоит проблема с размещением в СИЗО подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений. Требования Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» об обеспечении подозреваемых и обвиняемых санитарной площадью в расчете 4 кв. м на одного человека в 59 следственных изоляторах 24 субъектов Российской Федерации не соблюдались. В ряде случаев лица, заключенные под стражу и осужденные, не были обеспечены индивидуальными спальными местами, постельными принадлежностями и предметами первой необходимости. Находившиеся в эксплуатации камерные помещения зачастую не отвечали нормам гигиены и санитарии, а также правилам пожарной безопасности. Такая неблагоприятная обстановка с точки зрения условий содержания арестованных лиц отмечалась в республиках Башкортостан, Крым и Татарстан, Забайкальском, Краснодарском, Красноярском и Приморском краях, Астраханской, Волгоградской, Ленинградской, Ростовской, Рязанской, Оренбургской, Свердловской и Челябинской областях, г. Санкт-Петербурге. Особенно неблагоприятное положение сложилось в г. Москве и Московской области, где переполнение в СИЗО в среднем составило 23–25% от вместимости.

Одной из причин переполнения СИЗО явилось чрезмерно широкое применение судами меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, привлекаемых к ответственности за совершение преступлений небольшой и средней тяжести. Из 269 тыс. человек вновь арестованных и поступивших в СИЗО, 107 тыс., или 39,6%, относились к указанной категории лиц.

По решению Минфина России финансирование Федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 05.09.2006 № 540, сокращено на 17,7 млрд рублей. В результате этого количество объектов, запланированных к вводу в эксплуатацию в 2015–2016 годах, сократилось на 56,9% (с 365 до 157), в том числе 3 новых следственных изолятора на 1,3 тыс. мест, 17 режимных корпусов на 3,5 тыс. мест, 126 объектов жизнедеятельности учреждений. Это не позволит привести условия содержания подозреваемых и обвиняемых в них в соответствие с законодательством Российской Федерации и международными стандартами.

В учреждениях уголовно-исполнительной системы нарушаются **права осужденных на охрану здоровья и оказание надлежащей квалифицированной, в том числе высокотехнологичной медицинской помощи.** По-прежнему не хватает современных лекарственных средств и медицинского оборудования. Назрела острая необходимость его обновления либо замены ввиду истечения срока эксплуатации. Многие здания и сооружения лечебных учреждений УИС требуют ремонта, в том числе капитального. Средств, выделяемых ежегодно для замены полностью изношенной медицинской техники, явно недостаточно. Значителен удельный вес вакантных штатных единиц в подразделениях медицинской службы, в особенности врачей-специалистов. Имели место многочисленные факты несвоевременного проведения лицам, содержащимся под стражей, и осужденным обязательного медобследования. Все это приводит к стабильно высокому уровню смертности среди содержащихся под стражей лиц и осужденных. За истекший год в пенитенциарных учреждениях всего умерло 4063 человека, из них 3542 в результате заболевания.

Во многих следственных изоляторах и исправительных учреждениях требования уголовно-исполнительного и другого законодательства о поддержании должного правопорядка не выполнялись. Не перекрыты каналы поступления к заключенным под стражу и осужденным большого количества запрещенных к использованию предметов, телефонов мобильной связи, алкогольных напитков, наркотических средств, колющих и режущих предметов. Нередко с их помощью совершались убийства, причинение тяжкого вреда здоровью, в том числе со смертельным исходом, побеги. В 2014 году в учреждениях уголовно-исполнительной системы лицами, заключенными под стражу

и осужденными, совершено 861 преступление, в том числе 17 убийств, 50 причинений тяжкого вреда здоровью, а также 408 самоубийств.

Не соблюдались должным образом требования уголовно-исполнительного законодательства об обязательном привлечении осужденных к труду. В прошлом году органами прокуратуры выявлено свыше 14,5 тыс. нарушений закона в данной сфере. Основными из них являлись недостаточное количество в ИУ рабочих мест для осужденных; отсутствие у многих из них специальностей, дающих возможность трудиться по профессии; предоставление неквалифицированной работы; низкая заработная плата и ее несоответствие установленному минимальному размеру оплаты труда; привлечение осужденных к выполнению работ без оплаты сверх установленного законом времени. Значительное количество таких нарушений вскрыто в исправительных учреждениях Республики Карелия, Забайкальского, Красноярского, Пермского и Хабаровского краев, Ростовской, Иркутской, Кемеровской и Архангельской областей.

Согласно данным ФСИН России среднесписочная численность осужденных, подлежащих обязательному привлечению к труду, составляла 541,8 тыс. человек. Фактически же было привлечено к труду немногим более 222,5 тыс. Средняя зарплата за один отработанный человеко-день в прошедшем году составляла 220,41 руб.

Из 164,8 тыс. осужденных, имеющих исполнительные листы на сумму 53,5 млрд рублей, погашали иски 99,3 тыс. человек. В истекшем году ими было возмещено 1,7 млрд рублей, что составило не более 3% от общей суммы. Отсутствие у осужденных возможности трудиться не только не позволяет им погасить задолженность по исковым требованиям потерпевших и выплачивать алименты, но и возмещать затраты на их содержание в учреждениях УИС, как это и было предусмотрено законом.

По-прежнему отмечаются проблемы с соблюдением норм законов в деятельности уголовно-исполнительных инспекций при **исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества**. Ненадлежащее осуществление сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций контроля за подучетными лицами и профилактической работы с ними, а также низкая эффективность ведомственного контроля за деятельностью подчиненных со стороны руководителей территориальных органов уголовно-исполнительной системы стали одними из причин и условий, способствовавших уклонению осужденных от отбывания наказания и от контроля за их поведением.

Неисполнение работниками уголовно-исполнительной системы требований законов, регламентирующих данную деятельность, способствовало совершению новых преступлений осужденными, состоящими на учете в УИИ. В 2014 году за совершение повторных преступлений осуждено свыше 19 тыс. лиц такой категории. В отношении 29,1 тыс. таких лиц возбуждены уголовные дела за совершение повторного преступления после постановки их на учет в уголовно-исполнительных инспекциях, 29,7 тыс. уклонялись от контроля за поведением, 13,4 тыс. были объявлены в розыск.

Материалы прокурорских проверок свидетельствуют о том, что в минувшем году допускались многочисленные нарушения действующего законодательства в отношении осужденных к обязательным работам и осужденных к исправительным работам. Нередко контроль за поведением условно осужденных и соблюдением осужденными условий отсрочки отбывания наказания носил формальный характер. Не везде надлежащим образом был организован надзор за поведением осужденных к ограничению свободы и контроль за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений.

Несмотря на положения п. 10 ст. 107 УПК РФ об использовании в целях осуществления контроля за поведением лиц, находящихся под домашним арестом, средств электронного мониторинга подучетных лиц, эти средства в ряде случаев не использовались из-за их отсутствия в распоряжении УИИ. Обеспеченность УИИ техническими средствами не превышала 80% от потребности. Значительно хуже ситуация с контролем за поведением осужденных к ограничению свободы, в отношении которых применение средств электронного мониторинга охватывало всего 42,2%.

Серьезные нарекания вызывает деятельность органов внутренних дел, которые в соответствии с Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» обязаны участвовать в осуществлении контроля за поведением осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы. В прошлом году прокурорами выявлены факты, когда сотрудники полиции несвоевременно представляли в УИИ сведения о поведении условно осужденных и совершенных ими правонарушений. Более того, в Ставропольском крае, Архангельской, Кемеровской, Мурманской, Ростовской, Тамбовской областях сотрудниками полиции с целью создания видимости активной деятельности фальсифицировались материалы о проведении профилактических мероприятий.

Имеются проблемы в подборе кадрового состава уголовно-исполнительной системы. В истекшем году 147 сотрудников осуждено за совершение преступлений при злоупотреблении служебным положением, в том числе 138 человек – за коррупционные преступления. Такие случаи наиболее характерны для территориальных органов УИС Самарской, Свердловской, Ростовской, Челябинской и Иркутской областей.

Таким образом, в деятельности УИС имеется комплекс проблем, для решения которых ФСИН России требуется принять дополнительные меры, направленные в первую очередь на соблюдение конституционных прав и законных интересов граждан, содержащихся в учреждениях пенитенциарной системы»⁹.

*Составил А.Н. Сухаренко,
директор Центра изучения новых вызовов и угроз
национальной безопасности РФ (Владивосток)*

⁹ Доклад Генерального прокурора России «О состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации и о проделанной работе по их укреплению за 2014 год». М., 2015.

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (апрель – май 2015 года)

Иркутская область

1 апреля 2015 года

В Иркутской области взбунтовалась Ангарская воспитательная колония для несовершеннолетних (АВК) – из-за систематических издевательств со стороны сотрудников и заключенных, находящихся на привилегированном положении, а также нехватки еды. Об этом говорится в заключении региональной ОНК. Иркутский правозащитник Святослав Хроменков и адвокат Сергей Беляк поделились с Открытой Россией подробностями существования несовершеннолетних заключенных в Ангарске.

Подростки подняли бунт в ночь с 14 на 15 марта, а днем в колонию был введен спецназ. После избиения большую часть заключенных погрузили в автозаки и развезли в другие исправительные учреждения, в том числе в спецбольницу. До сих пор их точное количество правозащитникам установить не удается: в нарушение закона сотрудники АВК не предоставляют такой информации. <...>

Владивосток

3 апреля 2015 года

Арестованные **несовершеннолетние в ночь на пятницу устроили акцию неповиновения в СИЗО №1** Владивостока: они забаррикадировали двери в камеры и не впускали сотрудников следственного изолятора.

Как сообщает «Медиазона» со ссылкой на «Блокнот», поводом для бунта стало недовольство арестованных условиями содержания. По данным издания, шум в СИЗО-1 слышали даже жители окрестных домов, которые вызвали полицию.

По данным VL.ru, двое участников беспорядков вскрыли вены, еще один арестованный пытался нанести себе увечья, но его остановили. Наутро в изоляторе был ужесточен режим, проведены обыски и изъяты телефоны. Арестованных держат в камерах и не выводят на прогулки.

При этом в пресс-службе ГУ ФСИН России по Приморскому краю и в региональной прокуратуре изданию сообщили, что никаких конфликтных ситуаций и нарушений режима на территории СИЗО-1 зафиксировано не было.

Нижегородская область

7 мая 2015 года

В лечебно-исправительном учреждении (ЛИУ) № 3 УФСИН России по Нижегородской области в среду **заклученные подняли бунт и начали поджигать деревянные бараки**. По информации, которую бунтовщики успели сообщить родственникам, сотрудники колонии регулярно избивали их, насиловали, устраивали поборы. Колония оцеплена сотрудниками правоохранительных органов, передает Lifepnews.

В этом учреждении содержатся осужденные с серьезными инфекционными заболеваниями, главным образом ВИЧ и туберкулезом. Колония расположена в поселке Пруды Краснобаковского района.

На место выехали начальник ГУ ФСИН по Нижегородской области Виктор Дежуров и сотрудники службы собственной безопасности ФСИН России. «Произошел конфликт между двумя группами заключенных на бытовой почве. Для выяснения обстоятельств произошедшего выехала комиссия», – сообщили агентству ТАСС в пресс-службе ФСИН.

Представитель пресс-службы Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний (ГУ ФСИН) по Нижегородской области

Елена Никишова заявила журналистам, что никакого бунта в лечебно-исправительном учреждении № 3 в Нижегородской области нет.

«Группа отрицательно настроенных осужденных, прибывших из ЛИУ № 10, затеяла драку с другими осужденными, но ситуация находится под контролем», – сообщила Никишова.

Ранее часть осужденных, которые уже вышли на свободу, записали видеообращение, в котором рассказали о ситуации в учреждении и обратились в Комитет против пыток. Однако это нисколько не повлияло на ситуацию, которая, как утверждается, длится на протяжении 15 лет.

«Главное требование заключенных: чтобы во ФСИН занялись лечением заключенных, прекратили избивать, чтобы больные туберкулезом не работали по 10–12 часов в день на тяжелых работах», – сказал один из бывших заключенных портала «Медиазона».

«Из сообщений родственников следует, что в ФКУ ЛИУ-3 построена со стороны администрации отлаженная система поборов и вымогательства взяток на основе постоянных избиений, издевательств и пыток. Также в учреждении проводятся регулярные опыты над больными с использованием неизвестных препаратов», – пишет координатор горячей линии «Гулагу.нет» Игорь Голендухин.

Правозащитник требует от руководства пенитенциарного ведомства разобраться в ситуации и опросить заключенных «на предмет выявления фактов поборов и вымогательства взяток, а также избиений, пыток и незаконных медицинских опытов».

Сотрудники горячей линии направили во ФСИН РФ письмо с требованием провести проверку с участием сотрудников управления.

Представитель общественной наблюдательной комиссии Нижегородской области сообщил агентству «Интерфакс-Поволжье», что в последнее время правозащитники неоднократно получали жалобы от осужденных из этой колонии и выезжали на место. «Жалоб много, но проверенных данных нет», – сказал собеседник агентства.

Башкирия

12 мая 2015 года

Более 100 осужденных ИК-2 в башкирском городе Салават участвовали в волнениях, 23 их них забаррикадировались на крыше здания одного из отрядов. «Протестующие нанесли побои 11 осужденным, шестеро из них госпитализированы в медицинскую часть учреждения», – сообщает РИА «Новости» со ссылкой на представителя ФСИН.

Беспорядки произошли в исправительной колонии строгого режима ИК-2, где содержатся осужденные, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления, впервые отбывающие наказание в местах лишения свободы. Всего в колонии отбывает наказание более 1200 человек.

Следователи в связи с избиванием заключенных в ходе бунта в исправительной колонии строгого режима № 2 в башкирском городе Салават проведут судебно-медицинские экспертизы, как сообщает Newsru.com со ссылкой на СУ СКР по Башкирии.

По версии следствия, утром 10 мая 2015 года более ста осужденных отказались выполнять «законные требования администрации». «Около 20 осужденных, избив 23 соблюдавших режим активистов в возрасте от 22 до 59 лет, забаррикадировались в помещении одного из отрядов, где находились до вечера, призывая осужденных к массовым беспорядкам, сопровождавшимся насилием, погромами и уничтожением имущества», говорится в сообщении.

По данным СКР, медики зафиксировали у избитых телесные повреждения в виде ушибов и ссадин, а также черепно-мозговые травмы и переломы костей. Несколько человек, получивших наиболее тяжкие повреждения, продолжают оставаться в лечебной части учреждения.

Всего в колонии отбывают наказание более 1200 человек, сообщает ТАСС. Как считают в УФСИН, акцию заключенные устроили с целью послаблений режима. Зачинщиками беспорядков стали 12 осужденных на сроки от 4,5 до 20 лет, в том числе приговоренный к 18 годам лишения свободы житель Ставрополя.

В настоящее время назначены судебно-медицинские экспертизы для определения степени тяжести вреда здоровью потерпевших. Следственное управление по Башкирии разработало план расследования уголовного дела. Устанавливается круг подозреваемых.

Ранее пресса сообщила, что в исправительной колонии в Салавате 11 заключенных были избиты, шесть из них были отправлены в медицинскую часть учреждения.

После этого в колонию прибыл прокурор Башкирии Андрей Назаров. Также в регион выехала комиссия центрального аппарата ФСИН России для проведения служебной проверки и выяснения обстоятельств случившегося.

Следственные органы Башкирии возбудили два уголовных дела по факту беспорядков: по ч. 3 ст. 212 УК РФ (призывы к массовым беспорядкам) и ч. 1 ст. 321 УК РФ (дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества).

Вечером 10 мая ситуация в колонии была урегулирована «методом убеждения», сообщает «Интерфакс». Все осужденные вернулись на свои места. Около 40 осужденных были лично приняты прокурором Башкирии Андреем Назаровым и начальником УФСИН Виктором Шалыгиным.

Волгоград

19 мая 2015 года

Сотрудник колонии задержан за взятку в 1000 рублей. В апреле этого года заключенный, отбывающий семилетний тюремный срок, обратился к сотруднику колонии с предложением принести ему сотовый телефон. За это он обещал дать ему 1000 рублей.

Как стало известно корреспонденту «Волгоградского репортера», при передаче мобильного устройства он был задержан. Отпираться не было смысла, и сотрудник ФСИН признался в преступлении. Сейчас против него возбуждено уголовное дело по ст. 290 УК РФ. Ему грозит до трех лет либо штраф в пятидесятикратном размере от суммы взятки.

Томская область

20 мая 2015 года

Арестован прокурор, получивший взятку за освобождение заключенного по УДО. Следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Томской области возбуждено уголовное дело в отношении заместителя Томского прокурора по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях прокуратуры Томской области, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (получение взятки должностным лицом через посредника в крупном размере).

Уголовное дело возбуждено на основании материалов, поступивших в следственное управление из УФСБ России по Томской области.

По предварительным данным, обвиняемый получил через посредника взятку в виде денег в крупном размере за выполнение действий в пользу взяткодателя. Он был задержан с поличным сотрудниками регионального УФСБ России в момент получения денег.

По ходатайству следователя суд избрал в отношении задержанного меру пресечения в виде заключения под стражу. При предъявлении обвинения он частично признал вину в совершении инкриминируемых деяний.

Для расследования уголовного дела создана следственно-оперативная группа. В настоящее время проводится комплекс следственных действий, направленных на сбор и закрепление доказательственной базы. Расследование уголовного дела продолжается.

Амурская область

20 мая 2015 года

Заключенные ИК-2 сообщают, что **в колонии вскрыли вены 100 человек**. Заключенные ИК № 2 в селе Возжаевка Белогорского района Амурской области сообщают об акции протеста, участники которой вскрыли вены. В региональном УФСИН ничего не знают о массовых попытках суицида, в прокуратуре сообщили, что проверяют колонию, но проверка является плановой.

О том, что 100 осужденных вскрыли вены в ИК-2, в редакцию «Амур.инфо» сообщил человек, назвавшийся заключенным колонии. Аналогичное сообщение поступило в Амурское региональное отделение общественной наблюдательной комиссии, правда, в нем говорилось о 60 вскрывших вены осужденных. Также, по информации ОНК, заключенные отказываются от пищи. Причиной акции неповиновения стала работа в ИК-2 спецподразделений ФСИН, бойцы которых якобы избивали заключенных.

В среду члены ОНК Амурской области планируют посетить возжаевскую колонию.

В самой ИК-2 изданию отказали в комментарии, в амурском управлении УФСИН ответили, что ничего об этом не знают. В прокуратуре Амурской области сообщили, что и. о. прокурора по надзору выехал в Возжаевку для проведения плановой проверки.

Москва

21 мая 2015 года

Начальника оперативного отдела СИЗО «Матросская Тишина» арестовали по делу о вымогательстве. По постановлению Преображенского суда Москвы санкционирован арест начальника оперативного отдела СИЗО «Матросская Тишина» Михаила Захарова, обвиняемого по делу о вымогательстве у заключенных около 10 млн руб., сообщает РИА «Новости». «Избрать в отношении Михаила Захарова, 1978 года рождения, меру пресечения в виде заключения под стражу», – отметила судья Алена Лысенко.

Рассмотрение ходатайств об избрании меры пресечения в отношении фигурантов дела проходило в закрытом режиме. Срок ареста Захарова определен до 9 июля. Адвокаты, в свою очередь, ходатайствовали о его освобождении за \$5 млн.

По версии следствия, Захаров и его коллеги «договорились с криминальным авторитетом Векуа, также находящимся в СИЗО «Матросская Тишина» и угрожали одному из заключенных, которого также зовут Михаил Захаров, «физической расправой». За безопасность они потребовали у него 11 млн 500 тыс. руб. В итоге отец арестанта перечислил на карточки членов организованной группы, организатором которой был начальник оперативного отдела СИЗО, 1 млн руб. По данным РИА «Новости», в деле имеется семь фигурантов – Захаров, его доверенное лицо, трое оперативников из СИЗО, криминальный авторитет и его доверенное лицо.

Ранее следственными органами СКР возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ (вымогательство) в отношении пятерых сотрудников столичного СИЗО.

Следствием установлено, что сотрудники ФГУ СИЗО № 1 вступили в преступный сговор с криминальным «авторитетом», содержащимся в указанном изоляторе для вымогательств денежных средств с арестованных, проходивших по уголовным делам экономической направленности. Преступники требовали передачи денежных средств в размере более 10 млн руб. путем зачисления на банковские карты, ранее оформленные на подконтрольных им сообщников. В рамках уголовного дела в изоляторе, а также по месту жительства подозреваемых были проведены обыски. Сообщалось о задержании троих действующих сотрудников изолятора, а также двоих мужчин, ранее работавших в указанном учреждении.

Два рассказа

Крещенский вечер на этапе

Утром двадцать второго декабря через полуоткрытый кормяк прапор-продольный нехотя прорычал мою фамилию со стандартным до-веском:

– Вечером на этап...

В конце последнего месяца года в среднерусской полосе в помещении с плохим освещением вечер начинается едва ли не в полдень. Естественно, я попробовал уточнить слишком абстрактное понятие «вечером». В ответ услышал выдавленное сквозь неразжатые зубы:

– В шесть...

В российских СИЗО конечный пункт этапирования для арестантов – информация секретная. Все равно на всякий случай полюбопытствовал:

– Старшой, а куда этап будет?

По свойственной всякому первоходу наивности добавил совсем не тюремное, слишком человеческое:

– Скажи, пожалуйста...

Разумеется, получил в ответ обычное в Бутырке, как, впрочем, и в любом другом СИЗО моей Родины:

– Куда повезут...

Куда повезут... С учетом масштабов страны и непредсказуемости милицейского, тюремного и прочих судьбоносных российских ведомств это никому не ведомо. Можно плавно спланировать в соседнюю область, куда из столицы «автолайны» каждые полчаса бегают. Можно загреметь в Коми или в Сибирь, куда поезд несколько суток идет только до станции, от которой до зоны еще не одна сотня километров. Благо на Колыму теперь из Москвы, кажется, не отправляют.

Впрочем, и без Магадана список регионов «вечно зеленых помидоров» Отечества нескончаем.

Только в тот день не повезли вовсе. Ни на близкое, ни на далекое расстояние. Ни в шесть, ни позднее.

За час до отбоя заступившая на смену сердобольная прапорщица Екатерина, одаренная шоколадкой из моей последней дачки, шепнула в кормяк:

– Не будет сегодня этапа... Точно не будет.. Теперь уже после праздников...

Радости по поводу такой новости не было. Один Новый год в тюрьме я уже встречал, потому и знал, какое это тягостное и беспросветное событие. На период тюремного новогодья всякий огонек-доходяга надежды на какие-то перемены к лучшему решительно задувался хотя бы потому, что суды не работали и почта не приходила. Снова он начинал теплиться не просто с календарным окончанием щедро отпущенных государством каникул, а лишь после неминуемого в подобных случаях послепраздничного отходняка, что порожден пьянством, обжорством, ничегонеделанием и прочими формами оскотинивания, которому так подвержен российский чиновник.

Значит, еще один Новый год в четырех стенах в самом конкретном и самом худшем смысле сочетания этих слов. На этот раз ко всем ничуть не праздничным ощущениям прибавится сверлящая тревога: куда отправят, где придется отбывать?

А еще на собственном прошлогоднем опыте я знал, что праздники в СИЗО – это всегда усиление режима, а значит, бесконечные шмоны с безжалостным перетряхиванием нашего нехитрого скарба в поисках браги, мобильников и прочих запретов. Вечное арестантское неудобство, вечный повод к беспокойству и унижению.

Словом, ничего доброго за перспективой Нового года в стенах самого знаменитого в России СИЗО не было.

Именно так все и случилось. Три недели новогодних бутырских каникул были густо вымочены в безысходной арестантской, особенно ощутимой в праздники тоске. К тому же, видимо, все, кто следил за моей судьбой с воли, были оповещены, будто я уже уехал, отправился к месту отбывания наказания. Соответственно, ни свиданий (пусть коротких через коридор и две решетки), ни писем, никаких приветов. От этого тоска становилась еще черней и гуще.

Лишь утром пятнадцатого января через приоткрытый кормяк снова грянуло слово «этап». И... струнулось скрипучее колесо арестантских перемен.

В семь вечера из камеры, стены которой жадно впитывали мою жизнь последние полгода, я перекочевал на сборку. Уже с баулом, уже попрощавшись с теми, с кем делил скудное бытырское пространство, уже готовый к этапу и ко всему, что с ним связано.

Сборка – тема отдельная. В принципе это та же самая тюремная хата, где железные двухэтажные шконки заменены скамьями вдоль стен. Впрочем, замена мебели вовсе не обязательна. Порою набившиеся в сборку и ожидающие вызова (кого на этап, кого на встречу с адвокатом, кого на вызов к следователю) сидят на голых железках тех же самых двухэтажных шконок, что являются главной мебелью в общих камерах. Главной вечной достопримечательностью сборки всегда был табачный дым. Такой густой, что казалось, будто его верхние слои можно пилить на кусочки.

После сборки пришлось пережить еще один шмон. Возможно, и не такой дотошный, но все равно неприятный. «Последний бытырский шмон...» – отметил про себя. Ни жарко, ни холодно от этого открытия не было. Знал, что в самом ближайшем будущем на смену шмонам тюремным придут шмоны лагерные. Вряд ли грядущие шмоны будут приятней и человечней, чем шмоны предыдущие.

Удивило, что перед посадкой в автозаки, призванные доставить нас на вокзал, отправлявший нас капитан-уфсиновец предложил желающим взять новенькие черные телогрейки и такие же черные штаны. С одной стороны, такое предложение имело знак «плюс»: администрация проявила заботу об арестантах. С другой стороны – веяло от такого «плюса» замогильным холодом и перечеркивался он жирнящим «минусом»: если сами мусора ватную одежду в дорогу выдают, значит, везут непременно куда-нибудь в лютое Заполярье, где не то что срок отбывать, но и просто жить человеку совсем несладко.

Впрочем, тут же подтвердилась репутация всякой тюремной сборки как рассадника всех возможных слухов и новостей, ибо заметалась в этапной группе то ли переданная с воли, то ли утекшая из мусорской среды информация: повезут нас в Мелгород. Это никак не соответствовало только что предложенным ватным штанам и телогрейкам. Пункт нашего следования располагался почти в шестистах километрах к югу от Москвы, в местах, где абрикосы не только растут, но и вызревают.

Конечно, абрикосовые края – это лучше, чем Архангельск или Томск, только радость отбывать срок в теплых местах – совсем малокалиберная. Потому что климат, среднестатистическая температура и прочие погодные штучки – не самое важное. Самое важное – это полужуха, обстановка в той зоне, где придется отбывать срок. Этот фак-

тор из массы показателей складывается. Ответы на вопросы: «Бьют ли мусора в зоне?», «Можно ли качать права?», «Как кормят?», «Сложно ли с мобильной связью?» и т. д. – только очень немногие составляющие.

Увы, не нашлось в этапной группе тех, кто по прошлым срокам отбывал в мелгородских местах. Зато немало обнаружилось других, у кого кто-то из близких в этих местах сживал. И тут мнения противоречиями клубились.

Кто-то со ссылкой чуть ли не на родного брата утверждал, как гвозди заколачивал, что положуха в мелгородских зонах – «сто пудов», что мусора там не кровожадные, что козлы свое место знают, словом, сидеть можно.

Другие, опять же со ссылкой на очень близких и очень уважаемых, заверяли, что в тех краях одна зона красней другой, что на каждой встречают «через дубинал», что там в любой день без причин запросто могут «подмолодить». Понизив голос до трагического шепота, добавляли: ежегодно на мелгородских зонах по причине мусорского беспредела кто-то вздергивается или вскрывается.

Правильней всего в подобной ситуации не верить никому, не принимать ни одну точку зрения, а расслабиться и дожидаться уже совсем недалекого попадания в зону будущего сидения, чтобы собственными глазами, а возможно, и собственной шкурой во всем убедиться, все оценить, все прочувствовать. Самые мудрые так и делали: покуривали, в общем разговоре участвовали кивками да универсальными обтекаемыми фразами.

Инстинкт арестантского самосохранения подсказывал мне, что следовать этому полумолчаливому примеру, что слушать и кивать, никого не поддерживая и ни во что веря, сейчас – самое верное.

Словом, хотел и я так же безучастно и безразлично слушать всех, не задавая вопросов. Хотел, да, похоже, не сильно это получалось. Потому что главный вопрос: «Каково будет там, куда скоро привезут?» – оставался без ответа. Думаю, что и те, кто якобы равнодушно покуривал в это время, думал о том же самом. Потому что предмет этих раздумий был вовсе не призрачно-абстрактным, а напрямую касался нашего здоровья, настроения и всей нашей жизни на ближайшие, для большинства из нас очень долгие годы.

Ближе к полуночи приехали на Курский. Не выходя из автозака, ждали другие машины из прочих московских СИЗО. По мере приближения момента загрузки в «столыпин» напряжение нарастало. Те же бывалые, уже сидевшие, нагоняли жути про вологодский конвой, под который в дороге не дай бог попасть. Тем же трагическим голосом

рассказывали, будто тот конвой лупит всех почем зря ни за что, а ради общего смирения и дисциплины.

Молча отметил про себя, что про кровожадный вологодский конвой я уже где-то слышал. Напряг память и вспомнил, что читал об этом у великого Шаламова. Только и оставалось удивиться, как с гулаговских времен, из прошлого века, этот диковинный миф-образ не забылся, не затерялся, а дожил до эпохи воровато победивших либеральных ценностей. А может быть, и не миф это, а вечная примета нашего государства, нашего общества?

Только и с конвоем опасения были напрасны. Ни при посадке в столыпин, ни за все время дороги никого не тронули. Даже давали кипяток (пусть остывший) на чай и по нужде (пусть не по первой просьбе, но все таки...) выводили. Словом, конвой оказался очень даже с человеческим лицом.

Конечно, купе утрамбовалось под завязку. На пространство, в котором вольные люди путешествуют вчетвером, набилось двенадцать человек. Чтобы вместимость увеличить, на верхний ярус (между верхними полками) были положены доски. Разумеется, при такой плотности дышать в этом самом купе (некурящих здесь, кажется, было только двое) было трудно.

Еще одна неожиданность в самом начале пути обнаружилась. Не проблема, а скорее вопрос без ответа. Когда купе набилось, кто-то из бывалых, наугад примеривший на себя обязанности смотрящего (пусть на недолгое время дороги, пусть на кургузой площади столыпинского купе) поинтересовался:

– У всех все по жизни ровно?

Вопрос по арестантским понятиям не дежурный, а более чем актуальный. Смысл его прост: уточнить, не затесались ли в стихийно образовавшийся коллектив обиженные, безсники, баландеры по прошлым срокам и прочие попадающие под нерукопожатную по тюремным понятиям категорию «непорядочных».

Между прочим, согласно мусорским инструкциям, такие в одно купе с «порядочными» категорически не должны попадать. Чтобы потом тем же мусорам лишних проблем не разгребать. Только на то и существуют инструкции, чтобы те, для кого они писаны, про них забывали. Так что прозвучавший вопрос был вполне актуальным. Тем более что прозвучал он как раз перед тем, как кругалю с цифиром в путь по кругу двинулся.

По жизни у всех вроде как и ровно оказалось, но один парень, лет тридцати, худущий, со стылым взглядом, кого подвезли на вокзал, ка-

жется, из «Медведя» и кто сидел справа от меня, выдал с хрипотцой с некоторым вызовом:

– Вичевой я...

Выдержав почти эффектную паузу, пояснил чуть поспешней:

– Через посуду не перепрыгивает...

– Знаем, знаем... Это не по жизни – это так, – почти успокоили его сразу с нескольких сторон.

Правы были успокаивавшие, но...

Кругаль с чифиром, уже пущенный по кругу, должен был попасть в мои руки аккуратно после этого худющего со стылым взглядом.

Вроде бы и ничего нового, вроде бы давно усвоены почти научные выкладки про пути-дороги СПИДа, вроде бы и общеизвестно, что с его носителями можно и из одной посуды поесть, и одну сигарету покурить, а все равно внутри екнуло-торкнуло. Там же внутри четкий голос глухо зароптал: «Мало того, что по беспределу семеру огреб, так еще и спидоноса судьба в сотрапезники подкинула... Не много ли одному?»

Правда, это на мгновение, на долю секунды. И чифир после этого вкуса не потерял, и зубчик шоколада, откушенный опять же после моего соседа справа, я проглотил без усилий и сомнений. Да и как иначе, когда все эти неудобства на фоне грядущих, предназначенных нам перемен – пустяки, внимания недостойные.

Сколько мы ехали, сколько стояли на неведомых станциях, сказать невозможно. Это потому, что часов у нас не было (в изоляторах наручные часы почему-то запрещены), а окна в столыпинском, воспетом еще Солженицыным, вагоне, мало того что закрашены вроде бы и белой, но непроглядной краской, так еще и задрапированы жалюзи. По нашим самым приблизительным прикидкам на основе обрывков разговоров конвоиров и фрагментов радиообъявлений на станциях получалось, что на дорогу ушло где-то около суток.

Впрочем, сутки ли, двое, неделю – никого всерьез это не волновало. Какая разница, сколько ехать! Ведь в дороге не бьют, не шмонают, в вагоне тепло, есть возможность попить чаю, в баулах остается еще что-то сладкое к этому чаю. Значит, ехать терпимо, ехать можно. Важнее, куда едем, что там нас ждет, какие тонкости таит в себе емкое слово «положуха», адресованное к той зоне, что очень скоро станет нашей.

Только приехать в город, в котором расположена твоя зона, – это еще не значит сразу попасть в эту самую зону. Зоне непременно предшествует период нахождения «под крышей». «Под крышей» – это пересыльная тюрьма. По атмосфере и обстановке – это что-то вро-

де следственного изолятора. Те же самые двухэтажные шконки, те же сорокаминутные прогулки в крытом дворе, та же сечка на завтрак. Плюс ко всему уже упомянутая тревога на тему, как оно там все в лагере сложится.

С этой тревогой пережили мы первый день в мелгородской пересылке.

За первым днем неспешно потянулся второй, к которому пристегнулся такой же нестремительный, бедный на цвет, звуки и запахи, день третий. Имевшие лагерный опыт говорили, будто переходный период между тюрьмой и зоной может затянуться чуть ли не на месяц, что это в порядке вещей, что в этом нет ничего плохого. Последний вывод подкреплялся единственным аргументом: мол, срок идет, какая разница в каких стенах это происходит, если условия в этих стенах сносные, что есть что курить и есть что заварить.

Тревожного напряжения от этих разговоров не убавлялось.

На четвертый день «подкрышного» сидения кто-то неспешно вспомнил:

– А сегодня Крещение...

Все двенадцать человек, составлявших население нашей камеры, никак не отнеслись к этой новости. И я не был здесь исключением. Дело здесь даже не в тревожной перспективе наваливающегося лагерного будущего.

Откуда взяться должному отношению к православным праздникам, когда большая часть жизни пришлось на годы остервенелого атеизма, когда глупенький тезис «летали – ничего не видели» был чуть ли не начинкой государственной политики, когда из всех этих праздников я и большинство моих сверстников знали только Пасху, да и то благодаря съедобному приложению в виде вареных яиц в нарядной скорлупе.

Конечно, после ареста отношение к вере изменилось. За год, поделенный между тремя московскими изоляторами, многое внутри встряхнулось и сдвинулось. Во всяком случае «Отче наш» к концу этого года я знал наизусть. А еще я, кажется, стал понимать смысл, скрытый в откровении, которое имел мужество в свое время сформулировать один из гулаговских сидельцев: «в тюрьме и в лагере я был ближе к Богу».

Тем не менее о том, что на сегодня пришелся большой православный праздник, я не вспомнил сам, а узнал от случайного, по сути, человека.

– А ведь сегодня Крещение, – еще раз прозвучало в хате уже после обеда.

– Заварим по этому поводу, – с удовольствием поддержал тему дед Василий, арестант с громадным стажем, бобыль, которого с воли никто не грел и который сам о своем достатке говорил без всякого преувеличения: «У меня, как у латыша, только хрен да душа». Заваривать он готов по любому поводу, в любое время суток, только бы нашелся для этого чай.

Я так и не обратил внимания на того, кто в камере вспомнил о Крещении, зато услышал совершенно неожиданное в этой обстановке.

Витя Студент, подмосковный парень, попавший в неволю за то, что курнув анаши, ударил ножом донимавшего его придирками и поборами участкового, предложил:

– Поведут на прогулку, возьмем воды в полторашках, обмоемся, друг другу польем...

– Конечно, возьмем, – поддержал я Студента и тут же смолодушничал, засомневался: – А мусора?

– Что мусора? Рожи их видел? Вроде не чурки... Поймут...

В этой обстановке предложение Студента было самым мудрым. И по поводу мусоров он не промахнулся...

Ближе к пяти лязгнули тормоза в хате и призванный вывести нас на прогулку мордатый рыжий прапор сразу метнул толстый палец в сторону двух полиэтиленовых, наполненных водой из-под крана фляг, которые Студент уже держал под мышкой.

– Это что?

– Разреши, старшой.. облиться... Крещение сегодня, – уважительно, но без подобострастия объяснил Студент. Выждав паузу, добавил в качестве последнего аргумента: – Небошь сам крещеный...

– Все мы тут крещеные, – буркнул мордатый, но руку с оттопыренным пальцем-сарделькой опустил и голову, увеличенную форменным уфсиновским картузом, отвернул. Выходит, разрешил...

Прогулочный дворик на Мелгородском центре выглядел так же, как выглядели прогулочные дворики в столичной Бутырке, в столичной «пятерке», в столичных «петрах». В каждом из них я был, так что свидетельствую лично. Все там одинаково как под копирку: стены в «шубе», потолок в решетке, над решеткой между верхушкой стен и крышей, что опирается на железные балки, зазоры, в которых торчат куски очень далекого неба.

Арестанты, имевшие по три-четыре отсидки в разных местах, утверждали, что такой тип прогулочного дворика – единый для тюрем всей России. Единый – так единый. По-другому оно уже и не представлялось.

А дальше все пошло так, будто этот сценарий я и Студент репетировали много раз. Едва тот же рыжий прапор захлопнул за нами железную дверь прогулочного дворика, мы разделись по пояс.

Крещенские морозы в этих местах до сих пор не грянули. Возможно, их и вовсе здесь не бывает в привычном смысле слова. Только январь – он и в шестистах километрах от Москвы все равно январь. Напоминали об этом и совсем неласковый сквозняк, и крупные редкие снежинки, что попадали сюда через зазоры между крышей и верхушкой стен.

Потом мы по очереди вылили друг на друга по полбутылки воды. Лили неспешно, малыми порциями. Вода глухо шмякалась на шею, бесшумно сбегала по позвоночнику, щекоча, сползала по бокам вниз к животу.

Наши соседи по прогулочному дворику, кажется, не очень понимали, что мы делаем. Возможно, наше занятие представлялось им не более чем санитарно-гигиенической процедурой. Впрочем, большинство из них смотрело на нас с предельной безучастностью. И вовсе не по причине тупого безразличия. Просто вообще все, что творилось сейчас на территории прогулочного дворика, представлялось им недостойным внимания пустяком на фоне грядущей, вот-вот готовой начаться смены декораций. Вопросы, всерьез волновавшие их в этот момент, были известны и понятны: в какую зону попадем, как встретят, какие там порядки?

Между тем вода, вылитая на шею и спину, хотя и вызвала сначала дрожь, оказалась нехолодной. Она вовсе не жалила, не впивалась своими иглами и колючками в кожу, а только бодрила и освежала ее.

– Нормально? – спросил Студент.

– Хорошо! – несколько не преувеличил я.

Взгляд Студента скользнул вниз и уперся в неиспользованную полторашку с водой.

– Давай по новой...

Я молча кивнул и вдруг почувствовал неясное беспокойство:

– Что-то мы не так делаем...

– Да ладно, – в очередной раз попытался отбиться Студент универсальной арестантской формулировкой и уже потянулся за бутылкой.

– Давай с молитвой попробуем...

Мой подельник по крещенскому таинству вскинул глаза, в которых удивления, растерянности и виноватости было поровну:

– Ни одной не знаю... – И уже совсем огорченным тоном пояснил: – Хотел на тюрьме выучить... Там в хате над дубком много висело, не собрался, заканителлся...

– Я «Отче наш» знаю!

– Что ж ты раньше молчал... Давай...

Студент снова подставил свою крепкую, еще хранящую вольный ровный загар спину. Я ливанул из бутылки, дождался, пока растекшая вода захватит максимум территории тела, начал торжественным шепотом:

– Отче наш, иже еси на небеси...

Пришлось читать молитву и во второй раз, когда обязанности поливающего взял на себя Студент.

Верно, повторять слова самого сокровенного из всех известных человечеству текстов полуголым, нагнувшись, ощущая холодные тычки падающей воды, не очень удобно, даже не очень правильно. Только разве был у меня выбор?

Наверное, в этот момент должно было случиться что-то особенное. Близкое к событиям из разряда парящих над повседневностью, которая в этот момент обступала нас серыми, одетыми в «шубу» стенами, заплеванным полом, железной, исписанной скабрзностями дверью. Ничего даже похожего не случилось. Шаркали, поднимая едкую пыль, ноги товарищей по этапу, раскатывался извечный спутник арестантского общения – рулон табачного дыма, плескалась неспешная, опять же арестантская беседа, где не столько слов, сколько междометий, матерных связок да порою не имеющих особого смысла похахатываний.

Кажется, все было, как и было. Как и должно было быть. Быть по-другому вроде и не могло. Ничего торжественного. Никаких знамений и откровений.

Совсем обычная вода только что сбежала по шее, лопаткам и спине к пояснице. И тасовалась в памяти колода картинок вовсе не возвышенных, а простецко-житейских.

Вот что-то из очень давнего. Моет меня, очень маленького, мать. Мне от силы года полтора. Таз, в котором я сижу, на табурете стоит, под которым еще один табурет размером побольше. Намылила мне мать голову, и, естественно, всплакнул я, потому как сколько не зажмурился, а все равно дозу мыльной горечи в глаза получил.

Вот и ковшик алюминиевый с погнутой ручкой, на которой заводское клеймо – цифра и звезда с вытянутым лучом, вспомнился. Из этого ковшика мать мне голову смывала. При этом что-то нашептывала и сплевывала. Не запомнил я тех слов. А жаль. Ведь не сама их мать придумала, а выучила-подхватила от своей бабушки, которая в свою очередь еще от кого-то из прошлых поколений приняла. Сокровенным смыслом и великой силой такие слова обладают.

Помню и полотенце бело-розовое, которым мать меня, уже перенесенного из таза на кровать, вытирала, точнее, промокала с меня водяные капли ласковым махровым пространством.

И еще один далекий сюжет на очень ныне близкую водно-помывочную тему.

Я – уже постарше, но все равно маленький, потому что держусь за руку отца, а крепкая эта рука почти на уровне моей головы. Мы пришли в баню. Отец окатывает кипятком из цинковой шайки мраморную лавку. Я стою в стороне и глазею по сторонам. Отмечаю, что среди массы голых мужских тел встречаются тела украшенные диковинными картинками: орлы, несущие в когтях похожих на кукол женщин, сердца, пронзенные стрелами, профили людей, чьи портреты украшают здания на майские и октябрьские праздники. Конечно, я что-то спрашиваю у отца по поводу мужчин, украшенных орлами, сердцами и ленинами-сталинами. Слышу в ответ:

– Это те, кто в тюрьме сидел...

Ясности по поводу странно украшенных людей от этого ответа у меня не прибавилось, но что-то тревожное, опасное и запредельно далекое по поводу слова «тюрьма» в сознании тогда отложилось. Кто знал тогда, что спустя столько лет это запредельно далекое станет не то что близким, а собственным и личным.

Вспомнилось и еще что-то почти библейское, но совсем недавнее. Только библейское больше в географическом, а не в духовно-назидательном плане.

Года за три до посадки довелось мне оказаться в Израиле, в туристической поездке по христианским святыням. Среди прочего программой предусмотрено было посещение реки Иордан, чуть ли не того самого места, где крестился Иисус Христос. За отдельную плату желающие могли и сами, предварительно облачившись в длиннющие белые рубахи, погрузиться в священные воды. Я был в числе тех пожелавших. Даже получил аляповатый, похожий на боевой листок, диплом, подтверждающий факт погружения моего тела в Иордан.

Удивительно: палестинские ощущения вспомнились здесь, в Мелгородском центре. Еще удивительней, что вспомнились не памятью, что порою сродни камере хранения с полками, на которых таблички «хорошо» и «плохо», а... кожей. Именно кожа помнила объятия такой же холодной, но так же не жалящей своим холодом воды. Помнила эта кожа и назойливые пощипывания каких-то размером в ладонь, сильно смахивающих на сомов рыб. Этих губастых и усатых существ в месте нашего то ли крещения, то ли купания было великое множество.

Да все это вспомнилось сейчас кожей, точнее кожей спины, по которой вода, сбегавшая по лопаткам и позвоночнику, пыталась теперь пробраться ниже, найдя зазор между телом и прилегающим к телу брючным поясом и резинкой трусов.

Хотел было поделиться замельтешившими воспоминаниями со Студентом. В последний момент тормознул, остерегся. Понял, что не к месту и не вовремя. Правильней было поинтересоваться:

– Ты на воле в прорубь в Крещение не пробовал?

– А когда? – очень искренне удивился мой подельник по крещенскому таинству. – Помолчав, пояснил: – До армии я к церкви и ко всему, что по этой теме, и не присматривался... После армии год погулял – сел. Хотя был там храм, рубленый, при мне ставили, братва с воли помогала, я туда потом порой заходил...

Не хотелось, чтобы в моем вопросе прозвучало хотя бы что-то похожее на снисходительные интонации наставника.

Верно, я старше Студента почти в полтора раза. Только я – первоход, а у него эта ходка – вторая. Лагерный опыт с общежитийским сопоставлять просто бессмысленно. Здесь пропорции не один к двум, а один к бесконечности, потому что тем опытом, кроме как на собственной шкуре и собственных нервах, никак не разжиться. Учебников, инструкций и прочих шпаргалок здесь нет.

Верно, так сложилась моя жизнь, так старались мои родители, что получил я в свое время «верхнее», точнее, два «верхних» образования. Соответственно, имел сытную работу, имел возможность увидеть дальние страны и получить всякие прочие блага и ощущения, простым смертным недоступные. Только разве можно отнести это обстоятельство к числу моих достижений и достоинств? Что значит диплом, деньги и прочие, рожденные суетой, напичканные суетой и обреченные очень скоро бесследно раствориться в этой суете штучки в сравнении с такими понятиями, как Вера и Бог? Здесь я со своими «верхними» образованиями (плюс сданный когда-то кандидатский минимум) и Витя Студент со своим неоконченным строительным колледжем, прошлой отсидкой за пьяную хулиганку и недавно подрезанным ретивым участковым (за что сидеть ему минимум лет восемь) – почти на равных. Глупо цепляться здесь за былые, очень относительные в масштабах Вечности, достижения. Потому что, кто окажется на тех самых главных ступенях выше и ближе, кто будет предпочтен, а кто отодвинут, а то и сброшен вниз, неведомо и непредсказуемо. Объяснений по этому поводу не последует никогда.

Только вслух и на эту тему я ничего говорить не собирался.

Молча разобрали мы свои вольные, доживающие последние дни вещи. Молча оделись. Напоследок почувствовали, как испаряются с наших тел остатки вылитой недавно, не успевшей затеряться на этих телах воды. В обоюдном молчании был особенный смысл. Потому что говорить о пустяках, просто о чем-то, ни у меня, ни у Студента не поворачивался язык в самом натуральном смысле этого выражения. Чтобы говорить на высокие, подсказанные самим смыслом православного праздника темы, у нас подходящих слов не находилось. Честнее было в этот момент просто молчать. Что мы и делали.

Не приходило в голову даже поинтересоваться, что каждый сейчас испытывает. Впрочем, и не было в этом необходимости.

Уверен, что в этот момент у Студента, так же как и у меня, прибавилось внутри ощущения какой-то светлой правильности и определенности, за которыми явственно угадывались и Вера, и Надежда. Очень важное ощущение для арестанта, начинающего свой срок. Как, впрочем, и для любого другого в любой другой ситуации человека.

Не полетят сегодня гуси

К концу третьего года из начисленного судом червонца Лехе Найденову стало казаться, будто самый конкретный выход из обступивших его проблем – сойти с ума.

Нет, не косматить, не имитировать бред, припадки и прочую положенную в подобных случаях канитель. А реально, по-настоящему. Чтобы всерьез переместиться в то измерение, где потребности и ценности – совсем иные, где положено или загадочно улыбаться, или мучительно размышлять о чем-то сверхсерьезном, или безрассудно чудить в твердой уверенности, что никто с тебя за это не спросит.

Сильно хотелось Лехе спрятаться в этом измерении. Правда, с оговоркой, с поправкой. Чтобы со стороны не позорно было, чтобы не запачкаться, чтобы не так, как у Васьки Цыгана с пятого барака. Тот заехал в позапрошлом году с семерой по народной¹, и все поначалу было у него ровно и правильно: шконка² на уважаемом месте, семейники³ достойные, в мужиках с первого дня.

¹ Народная статья – статья 228 УК РФ (незаконное производство, сбыт, нарушение прав оборота и т.д. наркотических средств).

² Шконка (*тюремн.*) – тюремная койка.

³ Семейник – в колонии сосед, с которым пьют чай, помогают друг другу в мелочах арестантской жизни и т.д.

Когда-то у Лехи с Цыганом свиданки по времени совпали. К Лехе жена приехала, и к Ваське супруга пожаловала. Цыганова баба – фактуристая: глазища в пол-лица, волосы черными ручьями по плечам. То ли Кармен из кино, то ли солистка из ансамбля «Ромэн». Муж рядом с ней, несмотря на арестантскую робу, вполне достойно выглядел: осанка горделивая, нос орлиный с нервными ноздрями. Если волосы отпустить да гитару в руки – в пору семейным дуэтом «ай-на-нэ» с эстрады петь.

Только все это полгода назад было, а на прошлой неделе видел Леха, как Васька у входа в лагерную столовую из урны бычки выбирал и суетливо их по карманам рассовывал. По инерции окликнул Леха Цыгана, но, едва увидел его лицо, понял, что не надо было этого делать. Потому что глаза, особо заметные на фоне обострившихся скул, были у Васьки совершенно отъехавшие, ничего не понимающие и никого не узнающие.

В тот же вечер знакомые арестанты из пятого барака рассказали Лехе, как у Цыгана все начиналось. Сначала соседи по проходняку⁴ отметили не свойственную ему задумчивость, потом услышали, как он сам с собой разговаривает. Когда обнаружилось, что Васька пропускает бани и докуривает за обиженными, стало ясно: пропал человек. С промки⁵ Цыгана вмиг списали, с уважаемого близкого к «углу» места в бараке переложили к обиженным.

Никто из говоривших гжучей ненависти к бывшему товарищу не проявлял, но ничего похожего на сострадание не обнаруживал. Только праздное любопытство (как же так, мигом из нормального в сумасшедшего можно переключиться?) и брезгливое пренебрежение (как же можно вот так запросто с обиженными полоскаться?).

Пытался представить Леха Найденов себя на месте Васьки Цыгана, но не слишком это получалось. С одной стороны, очень заманчиво на всем прошлом крест поставить и ничего не помнить, будто с тобой ничего не было, ничего не происходило. Соответственно и нынешних проблем не ощущать, не чувствовать, как твой срок тебя плющит и раскатывает. С другой стороны, как угадать и предвидеть, в каком направлении все события дальше пойдут? И уж никак не лезло в сознание, как арестант, еще вчера нормальный и порядочный, сегодня в зачуханной робе за обиженными окурки домусоливает. Жутко было даже

⁴ Проходняк – участок барака между двумя рядами коек.

⁵ Промка (тюремн.) – здание или участок зоны, на котором размещены производства, где используется труд заключенных.

представить, как все те, с кем раньше хлеб ломал, насущным делился, от тебя нос воротят. В переносном и самом прямом смысле этого выражения, потому что пахнет от тебя откровенной падалью.

Кстати, редко, но бывает, что сумасшедшие выздоравливают, что в мозгах у них что-то выпрямляется и налаживается. Тогда как? К нормальной жизни возвращаться? Но тому, кто общением с обиженными себя запятнал, прощения нет. Тут движение только в одну сторону, и обратного хода просто быть не может. Справка о прошлом душевном расстройстве здесь не сработает.

Еще немного пофантазировал Леха, прицеливая в себя судьбу Васьки Цыгана, и в молчаливом споре с самим собой решительно мотнул головой: нет, не годится для него этот путь. И не по причине его, Лехи Найденова, высоких жизненных принципов, на которые он, сын штукатура и школьной уборщицы, с грехом пополам окончивший в свое время только девять классов, никогда и не претендовал. И не потому, что трепетно уважал неписанный кодекс порядочного арестанта, отводящий в эзковской иерархии обиженным низшее место со статусом неприкасаемых. Просто здесь на первое место выступали... санитарные нормы, которые он с детства усвоил в самом элементарном виде (утром надо обязательно умываться, одежда у человека должна быть всегда чистой, ходить с черной каемкой под ногтями – неправильно).

Тут же вспомнилось, что, исходя из тех же лагерных примеров, с ума можно сойти и совсем по другому, не как у Цыгана, сценарию. Вот совсем недавно подвинулся разумом Витя Святой. Погоняло он свое «высокое» получил за то, что все свободное время в лагерной церкви проводил. Сумасшествие у Вити было мягким, незлобивым, даже не каждый день о себе напоминающим. Только все равно заметным. Сначала он, как и Цыган, сам с собою начал разговаривать. Говорил тихо, но отчетливо. Удивительно, по отдельности каждое слово различалось, а общий смысл, о чем он говорил, уловить было невозможно. Потом вся зона увидела, как Святой несколько часов кряду ходил по лагерному плацу взад-вперед с громадной клетчатой, свернутой в рулон сумкой под мышкой. Любого, кого только встречал на пути, пусть даже совсем незнакомого арестанта из чужого отряда, Витя доверительно и не без гордости информировал: «За посылкой иду... Мои мне собрали... Заходи вечером – заварим, угощу...»

Почему родился в его, как всем теперь было уже ясно, нездоровой голове, такой сюжет, сказать трудно. Одно было ясно: фантазия это была стопроцентная, ибо весь лагерь знал, что Витя – детдомовский,

никаких родственников у него и в помине нет и посылки присылать ему просто некому.

Верно, неопасным и невредным было помешательство у Святого. Соответственно, сохранил он свое место в бараке среди «порядочных», с ним также продолжали здороваться за руку. Кажется, все прежним осталось после того, как «это» началось. Прежним – да не совсем. Все чаще смолкали арестанты в откровенных разговорах, едва рядом появлялся Витя, все реже приглашали его «попить чаю». Плюс ко всему списали Витю с промки. Сам смотрящий за сменой и посоветовал мастеру-мусору: «У него... это, того... гуси полетели, а тут механизмы, электричество, как бы чего не вышло...»

Получалось, что хотя и невинным было помешательство у Вити, но и такого помешательства было достаточно, чтобы угодить его носителю во второй сорт в непростом и непререкаемом арестантском табеле о рангах. Такая перспектива не устраивала Леху Найденова. Как же так – три года с репутацией, о которой в лагере принято говорить «респект и уважуха», а потом кувырком в фигуру, над которой не зло, но вовсе и не по-доброму хихикают, на которую пальцем показывают и у виска тем же самым пальцем крутят? Не годится!

И о другом всерьез подумалось. Ведь любой срок кончается, рано или поздно, и ему после его червонца, что только ныне представляется нескончаемым, придет время возвращаться. Если не в семью (редкому арестанту-тяжеловесу эту семью сохранить удастся, потому как редкая жена за десять лет мужнина срока съта будет одними свиданиями раз в четыре месяца и не скурвится, не загуляет), так просто в тот город, где его еще хоть кто-то помнит, где может мерцать чухлый огонек надежды на обустройство, работу и все прочее, так необходимое вчерашнему арестанту. Запросто могут обнаружиться здесь люди, когда-то сидевшие в той самой зоне и наверняка способные припомнить, как некогда у него, Алексея Найденова, «полетели гуси». Стыдно!

Кстати, синонимов понятия «сошел с ума» в лагерном лексиконе великое множество. Помимо самого колоритного про полетевших гусей было здесь: «у него бак потек», «крыша поехала», «маргарин закапал» и много чего еще. Всегда в таких словах колючего, едкого и хлесткого хватало с избытком. Как представлял Леха, что все это может звучать рядом с его именем и самым непосредственным образом к нему может относиться, становилось не по себе. Не читал он новомодных изысканий о вполне материальном эффекте слов, но нутром своим всегда четко чувствовал, что слова эти не только звучат, но и лупят, ранят,

калечат. Не хотелось, ох как не хотелось, чтобы такое произошло пусть в его отсутствие, пусть за его спиной, но именно про него.

Не мог Леха не вспомнить в этой ситуации и самого заметного, самого знаменитого сумасшедшего лагеря – Бенью. Тот сидел так давно, что никто, включая старожилов-тяжеловесов, уже отмотавших по червонцу, не помнил, как заезжал он на зону. Всем казалось, что сидел Бенья здесь всегда. Будто всегда с любого места на плацу была видна его долговязая фигура, неизменная эковская ушанка с оторванными тесемками, а в придачу к ней – то громадная, свернутая чуть ли не из половины газеты козья ножка, то взятая из столовой зеленая арестантская шленка⁶, полная хлебных корок, то еще что-то необычное, но так же конкретно напоминающее о его душевном нездоровье.

Почему Бенью с его откровенными признаками ненормальности держали в обычной зоне, а не отправляли туда, куда полагалось отправлять в подобных случаях (спецбольницу, принудительное лечение и т. д.), было непонятно.

Разумеется, гуляло по лагерю и свое, эковское, тому объяснение. По-своему очень жизненное и логичное. Будто прибыл Бенья со своим громадным сроком абсолютно здоровым, мыслящим, нормальным, а потом случилось так, что закусился⁷ он с кем-то из самой верхушки лагерной администрации, да настолько всерьез, что вызванному в срочном порядке с вахты наряду была поставлена задача: угомонить распоясавшегося арестанта.

Угомонить – значит подмолодить⁸. Подмолодили, и... перестарались. Дальше – несложный выбор: или отправлять свихнувшегося не по своей воле арестанта куда надо, но при этом быть готовым к неприятностям и разборкам (как же так, принимали в зону нормального, а выпихиваете из зоны откровенно сумасшедшего, как и почему и т. д.), или оставлять в лагере, но при этом прятать от глаз проверяющих.

Администрация зоны второй путь выбрала. Потому и для всего лагеря Бенья роль своего рода барометра выполнял. Гуляет он по плацу в ушанке, неподражаемо выворачивая и выбрасывая ноги, – значит, все нормально в лагере. Не видно Бени – значит, спрятали его мусора (в подвал изолятора, в кладовку при столовой). Верный признак, что в зону того и гляди комиссия, проверка или ревизия нагрянет.

⁶ Шленка – тарелка.

⁷ Закуситься – повздорить.

⁸ Подмолодить (*тюремн.*) – поколотить, избить.

Жила и никем не опровергалась еще одна версия причин сумасшествия Бени. Не менее логичная и не более фантастичная, чем предыдущая. Оказывается, на момент посадки умерла у него мать, и оказался Бенья единственным наследником и, соответственно, владельцем замечательной квартиры в добротном сталинском доме в самом центре города. На эту квартиру и положил глаз большой мусорской начальник. Пробовал он через посредников уговорить вступившего в наследство и уже успевшего сесть Бенью уступить – продать жилье. Понятно, за бесценок, как это нынче в мусорской среде принято. Когда Бенья наотрез отказался, тогда и была организована в лагере ситуация, главной целью которой было настучать несговорчивого арестанта как можно сильнее по голове, чтобы ничего здравого там не осталось. Кажется, с поставленной задачей исполнители справились. Что такое «дом» и что такое «собственность» Бенья на сегодняшний день, похоже, уже и не представлял. Даже слов таких в своем и без того небогатом рычаще-мычащем лексиконе не имел. А квартира его после нескольких условных продаж-перепродаж оказалась в собственности аккурат у дочки того самого мусорского начальника.

Гуляла по зоне и третья версия судьбы главного лагерного сумасшедшего. Менее правдоподобная, но право на существование все-таки имеющая. В первой своей половине версия эта ничем от предыдущей не отличалась, а вот во второй... имела такой закрученный с привкусом романтики и авантюры сюжет, что даже Дюма со своим Монте-Кристо просто заскучал бы от зависти.

Верно, едва оказавшись в зоне, стал Бенья жертвой крутого мусорского беспредела. Верно, по причине того же беспредела был он жестоко избит и бившие его целились исключительно в голову, чтобы отбить и память, и здравый смысл. Только при этом (то ли мусора старались спустя рукава, то ли голова у Бени оказалась несотрясаемой) трезвый разум после всего этого он все же сохранил. Более того, этот самый разум подсказал Бене, что сложившуюся ситуацию пережить правильной будет... дураком. И сделать так не ради того, чтобы выжить, а ради того, чтобы добиться окончательной справедливости.

Арестанты, прежде по воле Бенью знавшие, принесли в зону шумок, будто на этой самой воле в надежном месте под присмотром надежных людей хранятся документы, что неопровержимо свидетельствуют о преступной незаконности всех манипуляций с Бениной квартирой. Будто не просто били специально проинструктированные мусора Бенью головой о стену, сбивая этой самой головой штукатурку с той самой стены. Будто главной целью этой экзекуции было не про-

сто вышибить мозги у «виновника торжества», ввести его в состояние, когда любой, увидевший Бенью со стороны, мог покачать головой: «Да у него гуси полетели...», а вытребовать у него эти документы.

Выходило, что тогда Бенья своих экзекуторов и всех, кто за ними стоял и дирижировал, просто надул. Внешне имитировал стопроцентный крышесъезд и, соответственно, полное безразличие к судьбе материнского наследства, а внутри выковывал жесткую установку: выжить во чтобы то ни стало, чтобы по освобождении, каким бы нескорым оно ни было, непременно найти беспределщиков в погонах и рассчитаться сполна. С кем официально, через суд, с необходимыми документами в руках, опираясь на серьезных юристов. С кем так, как они заслуживают, с учетом всего криминального прошлого и жестокого лагерного опыта. Вот якобы ради этого нескорого, но непременно грядущего момента высшей справедливости и напялил Бенья на свою, возможно, увечную, но все-таки разумную голову колпак сумасшедшего, ради этого и вживался в образ главного дурака зоны, ради этого и утюжил целыми днями в любую погоду лагерный плац, прижимая к груди нелепую миску с хлебными объедками.

Разумеется, и судьбу Бени в обоих вариантах прикидывал на себя Леха Найденов. Первый, искренний, сценарий его просто страшил по уже известным и понятным причинам. Ибо кто знает, что может родиться в сознании искренне сумасшедшего и какие перемены последуют в его поведении? Опять же вспомнился Васька Цыган, в засаленной до нездорового блеска робе роющийся в урне у лагерной столовой и докуривающий бычки за обиженными. По поводу второго, симуляционного, он признавался сам себе: не вытяну. Признавался грустно, обескураженно и в то же время мужественно: вот так я, Алексей Найденов, не смогу. Даже не потому, что такая симуляция требует запредельной концентрации воли, а потому что человеку вот так много лет подряд по двадцать четыре часа один на один только с собою, а с другими – ни словом ни полсловом – просто невозможно.

Вот и наваливался вывод, что перспектива сумасшествия оказывалась привлекательной только издалека. Совсем как конфетка в нарядном фантике, которая после надкусывания могла оказаться не только невкусной, но и откровенно ядовитой. Движение по маршруту «полетевших гусей» всерьез грозило обернуться будущими проблемами, по сравнению с которыми нынешние проблемы могли показаться сущими пустяками.

Подумав, или, как принято здесь говорить, покубатуривав, на эту тему еще немного, Леха вдруг обнаружил внутри непонятную тихую и очень

светлую радость. Чуть позднее уже вдогон растеклось по сознанию объяснение этому состоянию, которому, казалось бы, и взяться было неоткуда. Будто какой-то тихий, но очень уверенный и даже жесткий голос то ли успокаивал, то ли инструктировал, а скорее все-таки командовал: «Не дергайся! Все у тебя будет ровно, все будет нормально, только со своей головой не шути, не для того голова человеку дается, чтобы он над ней эксперименты ставил, со своими мозгами в прятки играл, пригодится она еще, эта голова, и здесь, за колючкой, и на воле... Нельзя, никак нельзя человеку без головы...»

А еще вспомнилось, что очень редко, но бывает, что вытаскивает арестант счастливый билетик из лотерейного барабана судьбы: то амнистия, то жалоба в Верховный суд выстрелит, то еще какая-то совсем нечаянная радость.

Впрочем, и без лотереи судьбы остававшийся срок уже не казался громадной, нависшей, способной раздавить глыбой. Верно, семь лет в переводе на месяцы – это очень много. Верно, если все это в дни перевести – ужаса еще прибавится. Только зачем такой арифметикой заниматься? Те же самые семь лет в пропорции к уже прожитому – не то чтобы пустяк, но вполне преодолимая дистанция. Кстати, есть и какая-то средняя продолжительность жизни в стране, которая, по международным меркам, ничтожна, но в целом, в сравнении с теми же семью годами, очень даже прилично смотрится.

Вот с учетом всего этого и щелкнул неведомый тумблер внутри Алексея Найденова, и он, неожиданно для себя самого, вслух тихо, но отчетливо произнес:

– Вывезу... – Оглянувшись, не видит ли кто его, говорящего с самим собой, чуть громче и гораздо уверенней повторил: – Вывезу...

И рубанул ладонью левой руки по предплечью руки правой, уже сжатой в кулак. Жест не очень приличный, но, с учетом настроения и обстановки, ему вполне простительный.

Дневник обвиняемого. Часть первая

«Все люди изнашиваются и – погибают, это естественно; но нигде они не изнашиваются так страшно быстро, так бессмысленно, как у нас, на Руси...»

Максим Горький. В людях.

10.08.2013. Фабула и сюжет

Я веду этот дневник уже почти десять месяцев. Получается безумно длинный неструктурированный текст. Не знаю, даже кому он может быть интересен, но сокращать нельзя – из смерти слов не выкинешь. Если вы это читаете – хеппи-энда нет. Хеппи-энд превратит эту буквенную кашу в семейное чтение у камина. Но здесь вам не Голливуд. Это Россия, здесь вампиры всегда побеждают. Или не «всегда», или – «пока». В общем, если вы это читаете, с высокой вероятностью, автор мертв или в тюрьме. К этому все идет. Свет моих очей Натали не верит, говорит, повторяет к месту и не к месту: «Все в конце концов, будет хорошо». Когда только – не говорит. Ну да – в конце мы все умрем. И будет – хорошо.

18.10.2012.

$365 \times 3 = 1095 + 1$ (за високосный набежал) + 11 в августе + еще 48. Итого: с 20 августа 2009 года 1155 дней как я – обвиняемый, а с утра 21 августа еще и безработный (без шансов трудоустроиться на малой, к которой подписан подпиской о невыезде, родине). Я – бывший главный редактор областной газеты. Уголовных дел сейчас – три: взятка (290 часть один, до пяти лет), растрата в особо крупных (160 часть четыре, до десяти) и злоупотребление служебным положением (285 часть один, до четырех). В сумме – до девятнадцати лет лишения свободы, но

в юридическом максимуме – до пятнадцати, кажется. Нижнего предела ни по одной статье нет, к слову. И если повезет, то теоретически можно отделаться «условным» испугом. Из плохого – в деле ФСБ и Следственный комитет. «Пять мультов надо. Если бы раньше спохватился, то за мульт можно. Нам – пятьсот, прокуратуре – пятьсот. А теперь, когда ФСБ подключилось, все сложнее: им – четыре надо», – решальщики свои сказки сочиняют мне. А через них меня менты прощупывают – готов ли я полдома свои продать. Не дождетесь.

Еще «менты» (я их всех, которые на одно лицо, – одним именем их поганым) предлагают на так называемом «особом порядке», без судебного разбирательства, – «три условно». Но эта красота предполагает полное признание вины и возмещение «ущерба» (присядьте) – два-дцать миллионов. «У тебя официальная зарплата восемь – вот по две тысячи в месяц и будешь платить. А цацки мы жене в качестве жеста доброй воли вернем, только пусть перепрячет сразу». Цацками стриженный под ноль полковник Ф., начальник отдела следственного комитета, называет ювелирные украшения, арестованные год назад, их по закону и так им теперь возвращать надо – но ни мне, ни им сейчас не до цацок. Дело в тупике по полной, на контроле Москвы, все доказательства по растрате и злоупотреблениям признаны незаконными. А взятка так называемая – смех сквозь слезы. Однако ж, третий раз пытаются всунуть в суд. Полковника из-за меня лишили премии – тысяч сто, я думаю. Естественно, бесится. Облпрокуратура – первый зам «генерал Вася» Х., заказчик моего дела, и подчиненный ему отдел по коррупции дружно в конце сентября ушли в отпуск. Весной так же было. Когда второй раз мое дело в суд пихали, они на страстной неделе все в отпусках оказались. Грехи, что ли, так усердно замаливали, что сажать было некогда и некому. Тогда нашли крайним нового зампрокурора с мордой боксера Валуева – тот подписал обвинительное. А сейчас дураков подписывать чужое говно ни одного нет – погонями, а тем более лампасами рисковать никто не хочет. Мой оправдос, к моему несчастью, – это автоматически конец нескольким карьерам. И вот месяц как мою «взятку» сунуть в суд никто не решается. Вчера узнал, что эта часть дела лежит без дела месяц у зама в СК. До прокуратуры не доехало. «Забыли», говорят. Ну-ну. Договорятся в итоге – им сейчас надо не просто судью найти, но и с апелляцией сразу договориться, ну а дальше «президиум – это понятно» – там у них все схвачено. Дальше Верховный суд, там как повезет – могут и по закону, а могут и отписку прислать. Эдак года на полтора вся эта эпопея, больше половины которой после первого

приговора можно провести за решеткой. И если повезет в Верховном суде, то все начнется по новой. «А у нас ресурсы безграничны», – любит стращать меня «мой» следователь по особо важным (всегда требует от меня свои «особо важные» в ходатайствах писать) Г., майор 30 с лишним лет, похожий на изрядно перекормленного червя, разрубленного пополам. Всегда самодовольный качок-червячок, костяшки пальцев сбиты – об кого?

Я уже выучил не только золотое, единственно спасительное: «Не верь – не бойся – не проси!», но и цинично-адвокатское: «Признаться никогда не поздно». Мы не гордые, надо – признаемся, лишь бы отвалили. Но тут – тупик. Навесили тяжкую статью – растрату в особо крупных. Она – без «деятельного раскаяния». Есть такая процессуальная уловка – и ментам плюсики, и ты без судимости. Г. – реалист, в открытую при полковнике Ф. говорит, что растрату уберет на что-нибудь полегче. Ф.: «неуплата налогов не получается – у тебя же все проверки в идеале»; Г.: «Можно еще одну, 285-ю, попробовать». Лишь бы выкрутиться всем, но генералы наверху не дают. У них одно решение: если рыпается, закатать в лагерную пыль его. Генералам унижительно – им каждый раз судей уговаривать, включать приводного ремня. Пока всё – и мои жалобы, и следовательские представления – сплавляется судье К., бывшему прокурору. Он, по мне, уже имеет одну отмену в кассации (тоже без премии) – и вот еще на неделе на него жалобу на незаконный обыск подали. Посмотрим. В прошлую пятницу затемно были обыски у нас дома и у тещи. Завтра – допрос.

Всего по делу – это четвертый и пятый обыски были. Привыкать не привыкнешь, но куда засунуть ноутбук, чтобы не изъяли, – это уже знаешь на автомате. Количество допросов – не упомнишь. Счет на десятки. Просторечно любой вызов к ментам – следственный комитет, в моем случае – человек называет «допрос».

Каждый в России знает: пошел к ментам, не факт, что вернешься. Прошлой осенью я один раз по-настоящему уже СОБИРАЛСЯ. Все к тому шло, да и гэбня старалась: через всех кого только можно передавали, что закроют. Сумку я, конечно, старался совсем поменьше, чтобы Г. не догадался. Суну ли я завтра в карман зубную щетку с пастой – не знаю. Не думаю – противно ведь, унижительно – с зубной пастой-то в логово врага. Трусливо, что ли.

Я, собственно, и писанину эту, «ДНЕВНИК ОБВИНЯЕМОГО», начинаю из трусости: закроют – будет Натали искать, кто напечатает. А так, я давно живу в полном молчании и уединении. Визг в прессе поднимать можно только в самом крайнем случае. Если не докричишься,

прокурорско-судебная система тебе не простит и проглотит. Остается только терпение, которое паче чего там?

«Господь – Спаситель мой. Кого убоюся?»

Как бы не так.

19.10.2012. Страх

Страх для обвиняемого, то есть человека, которого в любой момент могут прийти и забрать, для человека, ждущего от внешнего мира только зла – это состояние, близкое к состоянию покоя. Иногда границу страха и покоя не различить, как границу сна и бодрствования. Принято считать, что страх рождает панику, парализует волю, но если ты во что-то «вперся» – страху тебя уже с места не сдвинуть. И повторяешь, и повторяешь: «Господь – Спаситель мой...»

Год назад во время третьего обыска стало ясно, что в дополнение к развалившейся взятке СК будет фабриковать что-то новое. Через два дня после обыска Г. вызвал меня к себе без адвоката. Что понятно – незаконно. Тогда еще адвокатствовал «недоступный» Б. – сказал: «Сходи один, послушай». Двое суток мучительных сомнений, подписать ли взятку по «деятельному раскаянию», чтобы они не возбудились по новым делам. Взять на себя клеймо взяточника, уже после того, как ты победил в суде, только чтобы отстали наконец. Унизительно. Так ты в России живешь, здесь все – унижительно. Даже дышать.

Новые дела – это полнейшее беззаконие, нельзя дополнять обвинение, если дело вернулось из суда.

Прихожу, говорю с наигранным спокойствием, чего, мол, изволили вызывать, – о главном не начинаю. «Да вот с результатами экспертизы ознакомиться желаете? Или без адвоката не будете?» Про экспертизу я ни сном ни духом – не уведомляли, что тоже беспредел, но в данном случае для отвода глаз, для повода к разговору. «Не буду». – «Пишите отказ».

Пора расставаться с моим полчервячком. Как-то криво, как про-ситель, выдавливаю из себя – мол, готов «по нереабилитирующим». Отвечает холоп царский: «Летом надо было думать, когда у нас ничего не было и я как дурак два месяца в аренде и полиграфии ковырялся. А теперь все – нашли Мишу, он дал показания». – «На показаниях одного наркомана, который со мной даже не общался, вы “взятку” сфабриковали и провалились».

Чего хотел? Просто поглумиться, показать власть? Прощупать мое состояние – готов ли бороться? Через полтора месяца рещальщики

принесли ответ из СК: «Закрытие по нереабилитирующим стоит пять миллионов». Был ли этот разговор прелюдией или обычные мусорские штучки, желание подавить твою волю, сбить на «признательные»?

После разговора две недели ожидания. Не ешь. Просто не ешь, и все. Лежишь бревном. Иногда через силу вытаскиваешь свое тело во двор, на воздух. Дышишь – противно и дышать. Ничего не читаешь, не смотришь. Ждешь. Минус пятнадцать кг.

Предъявляют обвинение: вы похитили 19 888 888 рублей – жулик Миша сказал. (До десяти лет). А еще электрик у вас дома работал, а зарплату в газете получал. (До четырех лет). Был бред до пяти лет, стало три бреда – до девятнадцати лет лишения свободы. Пошел купил Кафку – матчасть учить.

Натали, читая бред сумасшедшего под названием «Новые обвинения Шурику»: «Все уже случилось, ты все получил, ничего страшнее уже не будет. Все – позади».

В смысле все страшное уже позади – в преднамеренном потоплении «Титаника» вряд ли обвинят. Разве что кило героина подкинут.

Страх не страх – а защищаться надо. Защищаться значит думать, и страх в этом не помощник и поэтому отступает. Физиология, в общем.

Страх и покой – это отливы и приливы. Вода уходит за горизонт, но ты знаешь, что она – всеильная – вернется. Я помню, как стоял во время отлива на Белом море на огромных валунах, которым не страшно ни стихия морская, ни сила притяжения Луны, ни высота, ни глубина. И что внутри, «в душе», у этих валунов – не важно. Важно, что с места их никому не сдвинуть. Хочется, думать, что я и есть такой валун. Пока – да. Но кто знает, может, я просто речная галька и сильная волна, шутя, то ли швырнет меня в море, то ли выплюнет на берег.

– Ты чего, ссышь, что ли? – вечером накануне допроса говорит Натали. – Все будет хорошо.

А утром: «Как выйдешь – сразу позвони», и, не дотерпев до окончания допроса, начинает названивать сама. Я не злюсь, я понимаю, что это не страх – это любовь.

19.10.2012.

Из воспоминаний Лидии Чуковской: «Суд был, разумеется, закрытый. Даже на зачитание приговора пытались никого не пустить. Однако наш заядлый законник Алик Вольпин с раскрытым кодексом в руках доказал охране, что приговор во всех случаях должен объявляться открыто. Алик был первым человеком в нашей жизни, всерьез говорившим о советских законах. Но мы всё посмеивались над ним.

– Ты, действительно, Алик, чокнутый, – говорили мы ему. – Ну, подумай, о чем ты говоришь? Какие же законы могут быть в этой стране? Кто о них думает?

– То-то и плохо, что никто не думает, – отвечал обычно Алик, нимало не смущаясь наших насмешек.

Однако на конвойных солдат Алик со своим кодексом произвел неожиданное впечатление, и ребят пустили послушать приговор.

– Вот видите, – ликовал Вольпин, – мы сами виноваты, что не требуем выполнения законов.

Но все только плечами пожимали. Знали бы мы тогда, что таким вот нелепым образом, со смешного Алика Вольпина с кодексом в руках, словно волшебной палочкой растворившего двери суда, начинается наше гражданско-правовое движение, движение за права человека в Советском Союзе».

20.10.2012.

Наталья Трауберг, переводчик: «Каждый человек позорен. Каждый. И он должен понимать это».

22.10.2012.

Вот три с четвертью года я варюсь-перевариваюсь в этой судебноправоохранительной системе. Сталкивался с полусотней ее представителей. Хоть раз я увидел у кого-то совесть, честь, чувство справедливости или вот хоть уважение к закону? Ни разу. Желание отжать у тебя бабло, услужить полезному или начальственному. Желание подсидеть соседа или начальника. Любовь к ближнему? По другому адресу.

Пьянки, стажерки. На следующий день обсуждение по телефону «вдул-не-вдул» – при обвиняемом (это я с делом так зимой знакомился – два месяца слушал) не стесняются. Он не человек вроде. По утрам – через одного опухшие, неопохмеленные. На последнем обыске один из ментов тупо сидел на кухне, ничего не курочил, молчал. Я сидел с ним – боялся, подкинет чего. Потом попросил воды, потом попросился в туалет. «Вы досматривать будете?» – «Нет. Я так». Пошел и наблевал, по-моему. Звук был очень характерный.

А год назад на обыске сперли початый флакон духов и сотню евро из сумочки Натали. В этот обыск «официально» отняли последние пятнадцать тысяч – ее аванс. Г., не приезжавший на обыск, перевел стрелки на ментов: я, дескать, этих денег в глаза не видел.

Финансы обвиняемого поют романсы. Натали: «А не пойти ли тебе работать наконец?!» Прекрасно понимая, что работы никакой нет.

Можно, конечно, в оппозиционную журналистику местную податься – это ровно то, о чем мечтает местная гэбня и давно рапространяет слухи, что я работаю у Пахолкова. Депутат Пахолков – главный враг губер, издает свою интернет-газету. Эх, я б там развернулся ненадолго – ровно до звонка губернатора председателю облсуда. Тогда эти записки пришлось бы продолжать из СИЗО. Губер три года назад выпер меня с работы в первую же ночь (а кому нужен главред под уголовным делом?), а спустя два года дал команду на безумный гражданский иск в двадцать миллионов, но тем не менее команды закатывать меня не давал – и на том спасибо. Журналистика в нашей деревне теперь только двух сортов – лизать губернатору отовсюду и во все места или мочить губер на бабки Пахолкова. Любопытно, что и те, и те гонят ментовскую джинсу бесплатно, как шлюхи на субботнике. И верят в эту джинсу, как в истину в последней инстанции. Менты (прокуроры, гэбня) в провинциальных СМИ – вторые по упоминаемости после губер. Наверное, провинциальная журналистика – это теперь какой-то филиал ментов, что-то вроде судмедэкспертизы или морга. В общем, работы нет. Бизнес открыть? Ага. Менты два раза в день ходить будут. Как инкассация.

Долг адвокату – двадцать четыре тысячи. Из неотложных, но «отложных» на пару месяцев – ремонт машины, двенадцатилетняя «Жигули»-классика, и поход к зубному – около сорока тысяч всего. Хорошо, что «цацки» под арестом – рано или поздно встал бы вопрос продавать – Натали не простила бы. А так, глядишь, вернут когда-нибудь.

Не в деньгах счастье – лишь бы менты все сдохли.

Господи, помилуй мя, грешного!

А еще молю, чтобы приморских партизан выпустил Ты. И пусть стены рухнут, рухнут, рухнут...

И еще, Господи, генпрокурора поменяй, раз уж Бастрыкина не можешь.

22.10.2012.

Только что позвонила Натали – сегодня встречи с адвокатом не будет. Он сам напишет жалобу-двухходовку в прокуратуру на незаконное следствие и невыполнение решения суда. Первый темп – облпрокурору с прогнозируемым отказом, а затем уж – генпрокурору. В принципе, выше инстанций не будет. В пределах нашей миллионной деревни закона я не дождусь 100%. Движуха началась. Наверное, догадываясь об этом, кошки просто летают по моей голове и остальным

частям тела. Продырявили мне ногу и раздолбали монитор ноутбука. Кошек у нас – восемь. Шестеро живут с нами – Кася, Бруна, Муля, Хонда, Ива и Щепка. Хонда – чемпионка, звезда нашего сиамоориентального питомника, драчунья, как и Бруна. Ива со Щепкой, самой маленькой, еще подростки. Щепка спит со мной – я ее защитник. Остальные – с Натали. Еще два кота – Силантий и Шон – живут и метят на мансарде. Если бы не было кошек, я бы сошел с ума.

Год назад во время обыска один опер ударил Хонду по морде – она была еще ребенком. Натали этого не видела, потом, когда я рассказал, обещала мента того разорвать. Миша его зовут, низенький, жирненький, перед Г. пресмыкается: «Вам за это дело генерала дадут», – шутит. И всерьез начинает рассуждать, что у Г. будет генеральская карьера. В подтексте, я знаю, что ты знаешь, что я знаю, что за Г. стоит гзбня. Я вот ничего ему и не смог сказать умнее, чем: «Это она здесь живет, а не вы» (про кошку) и «Ну, тогда вам адъютантская карьера обеспечена». Миша и Г. – это как одного червя пополам разрезали и вместе поставили – одна плоть, одни мозги, одни ужимки. Весной Мишу посылали грузчиком – 28 томов моего второго уголовного дела в прокуратуру таскать, а теперь повисили – фальшивомонетчиками занимается.

Похмельный мент, который был на обоих обысках, спрашивает: «Вроде “тот раз” больше кошек было?»

Да, тот обыск совпал с родами у Бруны. Просили ментов разуться, Г. запретил разуваться: «А вдруг вы соберетесь сбежать, а мы босиком». Топталось и разносило грязь вокруг обезумевшей роженицы с десятком уродов. Итог: пять трупиков и тяжелейшее заражение крови у кошки. Ох, будут вам мерещиться, мусора, эти котятка. Один – лиловый, другой – кремовый, еще – черно-белый. Еще двоих не помню. Белые, наверное. Перед домом под березками закапывал.

Флеш-бек.

Первый день: 20.09.2009. Ты помнишь как все начиналось?

Все было впервые и вновь. Именно «впервые и вновь» – главные ощущения того заповедного уже дня. Накануне, помню, пришла Бабина и сообщила, что получит полтинник, пятьдесят тысяч, от этого, я уже совсем забыл фамилию, «от Романа» – имя осталось, но тогда я его не знал, а фамилия, ах да – Болдырев. Я ее тогда тоже не знал. Потом, долго пытался вспомнить его, его внешность – видел за десять дней «до того» – секунд тридцать, может, минуту. Расспрашивал тех сотрудников, кроме Бабиной, разумеется, кто его видел больше, – но

никто ничего не запомнил. Кроме: «молодой, и был все время с портфелем». Даже в очках или нет (на фото в паспорте и деле он в очках), не вспомнили. А ведь приходил на «мой» этаж раза три, сидел, ждал по полчаса. Стукачи, хотя этот Болдырев не стукач в прямом смысле, а подневольный агент-provokator – без цвета. Без запаха, без следа. Не потому что умеют маскироваться, а потому что следы от человека оставляет душа. А душу у стукачей отняли. Из наличия портфеля я сделал вывод, что таскался с аппаратурой, был «заряжен». А значит, и опера за ним таскались, где-то рядом торчали. Потом спустя полтора года этого Болдырева я рассматривал в первом суде – конченный наркоман. Как его не одевай в приличную одежду. После каждой фразы: «Я могу уже идти, мне надо укол инсулина делать». Я даже в перерыве его показаний предложил, то есть неофициально, судье Г-ву проверить Болдырева на наркозависимость. Судья только посмеялся: «У диабетиков и наркоманов симптомы одинаковые». Как его Бабина и весь ее отдел мог принимать это чудо за нормального человека, ума не приложу. С одной стороны, бабы-дуры, с другой – заработки халявные. Конечно, я – начальник и мое чутье должно было распространяться и двумя этажами выше – до коммерческого отдела, которым командовала эта круглая дура, которую я же и назначил. С одной целью – больше, больше денег. И никаких других задач.

Болдырев был настолько туп, что прямо в суде – в протоколе не отражено – показал новую повестку в суд. Лжесвидетель на конвейере. Г-в аж привстал на своем судейском кресле: «Дайте-ка посмотреть». И возвращая: «Да-а». В каком-нибудь Голливуде он бы тут же стукнул молотком по столу, что мое дело закрыто, а лжесвидетель ответит по закону. Но тут свой Голливуд – такие сюжеты не проходят.

Итак, четверг. 20 августа 2009 года был четверг, можно никуда не торопиться – день не газетный. Это был первый день в прокате тарантиновских «Бесславных ублюдков», из кино вышли с сыном в полвторого примерно. Сыну еще тринадцать и я не помню, куда он пошел догуливать свои каникулы. Это потом его, ребенка уголовника, будут футболивать из школы в школу – четырежды, каждый год то есть. Помню, что вечером Натали, когда уже было ясно, что будет обыск, успела отправить его ночевать к бабушке, чтобы не травмировать психику.

Я думаю, что они ЖДАЛИ. Ждали, потому что прослушивали и координировали – я им нужен был в кабинете, чтобы успеть денег подбросить. Иначе все впустую. Я только сел в свое руководящее кресло и не успел еще ничего сделать по работе. Они зашли через минут пять – трое: «Мы из управления “К”» – сбrehали. Что-то еще про преступле-

ние. Я все понял откуда, в смысле что из-за Болдырева. Наверное, даже показали удостоверения. Точнее, кто-то один показывал и изда- лека, так чтобы я не запомнил фамилии. Понятно, что ты в шоке. Рас- чет на это. Секретаршу Олю Симонову закрыли в бухгалтерии и не вы- пускали несколько часов. Двое ушли тут же и оставили для «охраны» П., так он представился – П., даже удостоверение показывал – полу- чается, что поддельное. Никого не впускали. П. отнял у меня моби- льный телефон, не давал говорить по стационарному. О чем говорили? Какие-то обрывки фраз еще вертятся. «Ну, вот видите же, вы сами по- няли из-за чего мы здесь». Сказал – сбрежал опять, что его специально из-за этого дела отозвали из отпуска. Я спросил, кто его начальник. Ответил: «Пл.». Не сбрежал. Этот Пл. приходил потом в последний день моего второго ознакомления (через два с половиной года) в кабинет Г., как бы случайно, – дважды. После первого раза Г.: «Это тот Пл., ко- торый зам начальника оперативно-разыскной части. Он за делом по взятке стоял, хотя и в материалах его нигде нет». Пл. появился еще раз через несколько минут, опять как бы случайно, сказал что-то двусмыс- ленное, что можно воспринимать и как шутку, и как угрозу. Выходя из кабинета, неожиданно и сильно ухватил меня сзади за шею на секунду: «Берегите себя». Наверное, они такой спектакль не раз разыгрывали. Это, чтобы было понятно, так проходило официальное процессуальное действие – подписывали протокол ознакомления с материалами дела перед отправкой в суд – третьей по счету. Естественно, все в присут- ствии адвоката. «Ты тут никто» – это все, что они хотят сказать. Девиз страны ментов, по-другому они не умеют, не учили.

П. сидит рядом. Может, минут пятнадцать прошло, может, полча- са. Он ведет себя так, чтобы я начал нервничать. Я прошу выпустить меня попить воды и в туалет. Собственно, этого он и ждет – хоть на секунду остаться в кабинете одному. В это время П. подсовывает – теперь я это знаю, как и то, что не П. он никакой, – в рекламный буклет, валяющийся тут же сверху на столе, две купюры по десять тысяч. Их найдут на втором обыске глубокой ночью. Именно в момент «обнару- жения» этих подкинутых денег я отчетливо понял, что они – бандиты, а раз они – бандиты, то на моей стороне правда и со мной Бог и все будет хорошо. И начало уже быть хорошо сразу – меня не арестовали, хотя за час до этого на первом обыске, в квартире, заставляли собираться в тюрьму, снимать нательный крест на золотой цепочке.

Через минут сорок появляется адвокат С. Р., быстро Натали успела найти. П. начал явно и слишком заметно нервничать. Потом, может, через час, нас начинают перемещать в здание следственного комитета, старое

еще. П., который не П., отдал мне мобильник и исчез, и больше ни в тот день, ни в какой другой день моей жизни не появлялся. П. оказался М. Этот М., тогда я еще не догадывался, что он был «П.», в первый суд не явился. Потом я совершенно случайно сумел вычислить через своего зама Мещерякова – он ему угрожал, представляясь М., – что М. и П. – одно лицо. Оpoznать М. как П. мне не дали. Я подавал ходатайство Г. – отказ. В областную прокуратуру – отказ за подписью Х., «генерала Васи». В суде отказ на том основании, что нельзя дополнять (восполнять – на юридическом сленге) доказательства после возврата дела прокурору по статье 237 УПК. Мы с Д. были очень довольны таким отказом – если нам восполнять нельзя, то почему следствию можно?

Старое здание следственного комитета – заводской корпус, широкий длинный коридор. Туда же свезли свидетелей: несколько подчиненных Бабиной, бухгалтершу Сулову и саму Бабину. Нас держат в разных концах этого коридора. Начинаю понимать, что это почти войсковая операция – оперов больше десятка.... Приезжает адвокат М-ва из конторы С. Р. – Натали договорилась и об адвокате для Бабиной. Не подпускают. Проходит еще два-три часа в бездействии. Бабину прессуют без адвоката, хотя адвокат вот он, в пяти метрах, не подпускают. Бабина психует, не знает, кто забирал ребенка из детского сада. С. Р. нужно сегодня уезжать в Москву, поезд в 21:00. Решили, что меня будет защищать М-ва, сутки ее работы – два обыска и допрос по 51-й – обошлись мне в 16 тысяч.

Я рвусь что-то рассказать, М-ва методично убеждает отказаться от показаний. Наконец допрос по 51-й – это мое первое знакомство с Г. Я помню сам допрос, и что Г. сразу сказал, что будет отстранять меня от должности, и что зачем-то наутро был назначен второй допрос – и его помню. До второго допроса меня уволили по собственному. На том основании, что меня все равно отстранят. Помню, что Г. во время первого допроса, успел сказать, что Х. сидит весь вечер принимает доклады по моему делу. Или это какой-то опер сболтнул? Помню поздно совсем, но еще до допроса звонила Соколова. Рассказал, что знал. Она: «А деньги где?» – «Да, рассосались по делам – две недели прошло». Сказала, что завтра уезжает в командировку с губернатором, а в субботу ей позвонить. Но в субботу уже трубку не брала – всё, тебя слили насовсем, ты еще не понял?

Помню огромную черную «Хонду Пилот», на которой меня возил какой-то опер. Ничего себе, подумалось, у меня, главного редактора крупной газеты, служебный джип «Киа Сорренто» в два раза дешевле.

Дома громили все подряд – может, часа два, может, больше. И до, и после я видел несколько обысков, но ничего подобного не видел: выкидывали и топтали все; все, что можно без усилий сломать, – ломали, включая – точнее, в первую очередь – детские игрушки. Скрупулезно фотографировали и снимали на видео сцены погрома. Садисты по первому требованию начальства. Созванивались с Х., он одновременно исполнял обязанности прокурора области и был смотрящим за моим домашним обыском. Видео – для него, сказал кто-то из оперов. Время – ближе к двенадцати ночи. Дома мне стало плохо, скакануло давление. Приехала «скорая», давление под 200, что-то вколола понижающее и успокаивающее. Запомнилось, что «скорая» была без врача – может быть, опера перехватили его и не пустили в дом? Была одна медсестра, которой открыто угрожали при мне, чтобы не «помогала этому преступнику косить от правосудия». Ни о каком больничном я даже не вспомнил, но уколы подействовали. Стало все по фигу как бы. В конце обыска личный шмон – очень унижительная процедура. После шмона: «Собирай вещи в тюрьму, нательный крестними, ювелирку и драгметаллы нельзя». Взял свитер, Библию и Псалтырь – больше ничего не придумал. Снял, поцеловал, отдал Натали свой нательный крест, ее обнял. Повезли на обыск в офис.

Этот обыск проходил очень быстро – десять, может, пятнадцать минут. Разыгрывали спектакль, коротенький – видно, находящийся на другом конце провода и дергающий за ниточки прокурор Х. устал. В финале «нашли» две пятидесятирублевые купюры, лежащие в самом верхнем рекламном буклете на моем рабочем столе. По версии следствия, они так десять дней лежали. На самом деле сам буклет для какой-то работы мне принесли утром этого дня. А купюры в деле нагло подменили, вероятно, заставив понятых подписать лишнюю копию. Самое смешное, что сами купюры для «опознания» понятым даже не показывали – распишитесь на копиях, и все. При этом сами вызвали понятых в суд в качестве свидетелей обвинения. При новых делах они эту ошибку не повторяют – ни один из двадцати понятых теперь не вызван.

Утром я успел съездить в церковь, к святителю Митрофану, оттуда к восьми утра вызвали к племяннику губернатора, который «посоветствовал» и спросив, кого считаю заказчиком моего дела (я назвал три варианта – все ошибочные), велел увольняться по собственному: «Все равно они сказали, что тебя отстранят». Через десять минут я написал заявление. Съездил попрощаться с трудовым коллективом, пафосно сказав: «Вы сами знаете, что мы сделали и чего достигли за четыре года совместной работы. Нам есть, чем гордиться».

Начались мрачные будни в статусе обвиняемого, потом подсудимого, потом снова обвиняемого, потом снова подсудимого – так наматало еще четыре с лишним года. Больше, чем я был главным редактором этой злосчастной газеты. Больше, чем Советский Союз потратил времени на победу над Германией и Японией, вместе взятыми.

Теперь все движется к печальной развязке. Впрочем, насколько печальной – этого еще не знает никто. Я все еще отстреливаюсь, но давно уже вхолостую. Правда, последнюю гранату берегу.

27.10.2012.

Думал, что писать буду каждый день или через день, чтобы успеть закончить до начала суда по существу, который все равно непонятно когда, а надеюсь – что и не будет. Но вот не прошло и пары недель, а писать уже нет никакого желания. Журналистская привычка – наутро должно быть опубликовано, иначе «протухнет». Вот кому, спрашивается, эти мои сопли-вопли нужны? Таких, как я, экономических, в российских замкадных городах многие десятки, если не сотни тысяч. Если ты не хочешь работать на дядю, рано или поздно дядя в погонах придет к тебе сам. Сначала с «предложением», потом с выемкой и обыском. Мне еще повезло: «подписка» – не СИЗО и даже не залог. С «подписки» шансы уйти из суда своими ногами гораздо выше. Мой случай, правда, особый – на первую инстанцию рассчитывать не приходится. Но две 237-х будут согревать меня этой зимой. Они – моя путеводная звезда: в кассацию, в Верховный, в Конституционный. Во всякий ЕСПЧ – эти присудят лет через пять тысяч десять евриков, чтобы сиделось слаще. Может, к тому времени все и закончится. Мы – расходный материал, что для «правоохранительной» системы («палка» – строчка в отчете), что для московских VIP-правозащитников (строчка в заявке на грант). Для этих VIP-пассажиров членовоза «Россия» мы даже не плацкарта – теплушка. Вы ездили в теплушках?

* * *

До Нового года – 64 дня. С боем курантов у них истекает двадцать пять месяцев следствия. Запрашивать продление им сподручней, когда следственные действия закончены. Значит, закончить они должны не позднее 1–7 декабря. Грубо – шесть недель. Почему все так «знаю» – а прошлый год все так же шло: по датам чуть ли не день в день.

Позавчера подавал жалобу на незаконность новых следственных действий в облпрокуратуру. Принимала дежурная прокурорша, похожая на английскую фигуристку Джейн Торвилл. Сорокалетняя краше-

ная крольчиха. Долго и «с пониманием» разъясняла мне процедуру обжалования. Оказывается, надо аж три раза получить здесь, в области, отказ, чтобы наконец жаловаться в генпрокуратуру.

Сочувственная прокурорша оказалась женой племянника губернатора. Этот племянничек (он же – главный по госимуществу, он же – кошелек) меня и выгонял с работы наутро после возбуждения дела. Тоже «сочувствовал»: «Ты понимаешь, они все равно тебя отстранят. Поднимайся к Василию (это облначальник по СМИ) – пиши заявление. А оправдаешься – тогда вернем».

Удивительно, что и Натали с этой крольчихой-прокуроршей пересекалась по своей работе. Миллионная деревня. А еще облначальник над зонами был одноклассником Натали. «Блат по передачам обеспечен», – смеется. Или уже не смеется.

Крольчиху пристроил и продвигает муж, но, думаю, по согласованию с губернатором – ему надо свои уши в прокуратуре иметь.

Какая голова дракона главнее: прокурорская, гэбэшная или эскашная? Думаю, какая тебя сегодня жует – та и главнее. Меня пережевывали все по очереди – а желудок общий. Но все рано, как говорится, выхода – два.

И – да! Сорок дней уже не подписывают обвинение по взятке. Стандартный срок – десять дней, максимальный – месяц. Замок облпрокурора, которые могут подписать обвинительное – четверо, один первый – это его функция, он уходил в отпуск специально, чтобы подписал кто-то другой, но, видно, никто не хочет брать на себя. Начинаешь на что-то надеяться.

Опять же слух, что моему Г. дали расследовать новое уголовное дело – по мэру. Мэра наш губернатор посадить пытается уже полгода, если не больше. Если так, то Боливар не вынесет двоих и на меня «забьют». По крайней мере, скорость расследования упадет – одним продлением больше, одним меньше. Что им Гекуба, что они Гекубе? Но это вряд ли. Незримый бой продолжается.

Опять по ночам звонят с неопределяемых номеров. Мне – молчат, дышат в трубку, Наталие – предлагают «сексуальные услуги». Напоминают, дескать, не только СК – но и мы, тупая гэбня, наш почерк, не забывай, с кем связался.

31.10.2012.

Утром отвез сына в школу, поторчал в интернете, это сейчас 90% моего времяпрепровождения, закемарил на полчаса. В одиннадцать звонит Натали: «Чего делаешь? Спишь? У меня в кабинете был обыск».

Помещение служебное, поэтому не судебное решение на обыск, а постановление Г.

Голос у Натали спокойный такой, что хочется начать всех убивать. Обрез, как у Никиты Богрова в «Брате», – и в Следственный комитет. Единственное, забаррикадировались они крепко – любовой атакой не возьмешь.

А ведь еще прокуратура есть – в общем, не разорвешься.

Умом понимаешь, что обыск у Натали лишь способ запугать, скомпрометировать ее перед новым директором (неделю назад пришел – эти уроды специально ждали). Наверное, этот обыск, от бессилия этих тварей. Или месть за обращение в прокуратуру. Понимаешь, что они не отступят, но теперь и я не отступлю. Что ж, они – обыск, я – жалобу. Других «обрезов» у меня нет.

Эти менты едят людей. Настанет время – люди начнут есть ментов.

Вчера звонил в прокуратуру. Узнал, что моей жалобой будет заниматься некто Гр., я его помню: по весне он мне вручал предыдущее обвинительное. То, которое на девятнадцать лет в сумме. Сейчас встречаться отказался: «Я буду изучать документы». Да не нужен ты мне, шестерка. Мне нужен твой незаконный отказ, с подписью, за которую придется отвечать по закону. Когда-нибудь. Когда страна ментов станет (или превратится – фея, ау?) страной людей.

Вчера вечером Натали мечтательно вспоминала, что грядут три выходных. Если менты добьются ее увольнения, как добивались моего с мизерной работы на почте, куда я угодил после начала дела, это будет, по сути, голодная смерть. А еще неплохо бы раздать долги перед этим.

1.11.2012.

Минуту назад начался ноябрь – самый говённый месяц в году. Не случайно у ментов в этом месяце праздник 10 ноября – День мента. В День мента Брежнев очоурился, и понеслось.

Что хуже: первый день месяца или понедельник? Если ты работаешь, притом – на дядю, то, конечно, понедельник. Но если ты ждешь непонятно чего – непонятно когда, то, пожалуй, первое число потяжелее будет. За понедельником – всего пять дней ожидания, а за первым числом месяца – еще тридцать как минимум.

Менты, которые обыскивали кабинет Натали, шепотом попросили пожаловаться на них и на следователя, который в этом позорном обыске опять не участвовал.

– Напишите, что мы вели себя грубо. А то нас ругать будут, что ничего не изъяли в этот раз.

Это те же менты, что у нас дома обыскивали и последние пятнадцать тысяч конфисковали.

Натали сама будет обжаловать обыск в суде – денег на второстепенные действия адвокатов нет. Да и геморройно специально искать нового адвоката и вводить в курс дела. Мой не может одновременно защищать и Натали.

Сыну от обыска прибыль – Натали дала ему деньги на кроссовки, которые он с нас безуспешно и скандально выбивал почти две недели. Нормальную зимнюю обувь носить отказывается. А покупать каждый месяц ему по новой паре обуви нам сейчас не по карману. «Ничего вы не понимаете». В молодежной моде.

Мы тут действительно ничего уже не понимаем. Сорок четыре дня как зависло предъявление обвинения по взятке. Чего тянут? Договориться не могут или ждут перепредъявления новых-старых обвинений? А смысл?

Я такой тупой, что не вижу в их действиях смысла. Наверное, потому что я пытаюсь анализировать, опираясь на закон, а они – на беспредел. А в нем один смысл – раздавить, запугать, затоптать.

2.11.2012.

Натали вернулась с девичника, где утешала подругу, брошенную мужем.

Заглянула в почтовый ящик, а там назначение кассации по обыску на 13 ноября и еще два извещения на письма с уведомлением. Почта ни разу за три года не надорвалась в звонок позвонить. Что за люди? Ехать за письмами за десять остановок, хорошо завтра – выходной, пробок не будет. Не сразу заметил, что нет привычной пометки «судебное». Значит, прокуратура или СК. Жду гадостей, а сердце ноет. Хотя могла какая-нибудь налоговая эти письма прислать.

В принципе, я и на каждый звонок вздрагиваю. У меня-то «контактов» всего шесть: Натали, сын, теть-теща, адвокат да старый друг – однокурсник. Все посторонние звонки – скрытая угроза. Правда, по ним очень легко определить гэбэшных осведомителей. Трех за эти годы насчитал. Вот и еще один странный звонок был с неделю назад от бывшей сотрудницы – а я расслабился и не проверил сразу. Теперь буду мучиться – может, совпадение, а может, и нет.

А «простых» звонков не бывает: я со старой журналистской жизнью покончил почти сразу после начала дела. Хотя когда книжки не

читаю, то слежу за политической жизнью нашего городишки. Там все одно: губер поедает строптивного мэра при помощи ментов всех мастей. С десяток уголовных дел, наполовину высосанных из пальца. Брали бы меня консультантом, граждане новообвиненные. Но они-то надеются откупиться, глупые богатеи. Ну-ну. Некоторые из этих дел скорее всего завершатся раньше моего. Не завидую – вспоминаю свои первые дни-недели-месяцы в статусе «обвиняемый». Что-то вроде «прокаженный». Наивный прокаженный.

Вчера один бывший мой внештатник в комментариях оставил послание (анонимно, но я его вроде вычислил): «А.В.П. как ваши дела, есть ли надежда избежать реального срока?»

Ведь чем плоха «подписка» – она не только о невыезде, но и о «надлежащем» поведении. То есть под угрозой СИЗО я лишен возможности отвечать на оскорбления. Канделябром.

6.11.2012.

Начало недели после праздников – вторник. Ночью писал в суд и в налоговую запросы в связи с абсурдным иском требованием налоговой (это от них письмо было перед выходными) заплатить 167 тысяч рублей. Якобы долги за 2004 год. При этом никакие документы в основание своего иска не прислали. Девять документов числятся как приложение, но их нет. Соответственно, понять, откуда возникли долги невозможно. По всему, хотят засудить заочно. Потом доказывай, что ты не баран. Утром проснулся, звоню. Налоговичка, судя по хамским интонациям, доносящимся из телефонной трубки, – самая мелкая начальница. Не дура – понимает, что действует незаконно. Стараюсь просто добиться получения документов. Моя ссылка на Гражданско-процессуальный кодекс приводит ее в бешенство. После пяти минут откровенного хамства «начальница» завершает разговор: «Я вам пришлю по почте. Разговор окончен».

Она – тоже «менты». Налоговики прочно вписаны в систему фабрики экономических «преступлений», они – младшее звено. Любого налогового клерка, начиная с самой маленькой начальственной должности, втянут в систему махинаций с налогами, подставными фирмами и т.д. В царской России нижним чином «мента» был дворник, для борьбы с преступностью ему выдавали свисток. Теперь вместо дворников – налоговики. Что-то вроде участковых в экономической сфере – рыскают за инфой для высших ментов – где чего «отжать». Если дорастешь до начальника районной инспекции в крупном городе, автоматически становишься долларовым миллионером. Сажает с такой

должности редко – точнее, не сажают вовсе: крышует налоговиков гэбня. За двенадцать лет правления Путина Россия разделилась на сословия, касты. Среди «ментов» наивысшая каста – это гэбня, потом – прокурорские, потом – СК, потом – непосредственно мусора, внизу, на побегушках, – налоговики.

Народ – тоже каста. Неприкасаемые.

Пока я тут писал, сняли министра обороны. Сначала – несколько уголовных дел на приближенных, а через неделю – отставка. Ну уж если на министра обороны ядерной державы не распространяется презумпция невиновности, то что говорить о каком-то провинциальном редакторишке, осмелившемся (по глупости, каюсь, по незнанию) покуситься на козырной ментовской, конкретнее – прокурорский, бизнес – подпольные казино.

Прочитал: в год в России по экономике сажают 160 тысяч человек. Думаю, 80% – заказуха. 2,8 миллиона (каждый третий) предпринимателей подверглись уголовному преследованию. Некоторые непонятливые по два раза. Это не феодализм – это рабовладельчество. «Ха, вы еще стреляете, пацаны? А дела теперь не так делаются».

Вчера через фейсбук познакомился с Аксаной Пановой, редакторшей крупного информ-агентства из Екатеринбурга. Она – звезда, ее уголовные дела свежие и треск по ним – на всю страну. Хищения и вымогательства шьют. С утра читаю, уже отнимают у нее бизнес. Там, в Ёбурге, битва кланов за кресло мэра. За Пановой стоит ее любовник – поэт, политик и народный борец с наркотой Евгений Ройзман. У Пановой есть и работа, и деньги, но против нее – губернатор. Впрочем, это может быть и к лучшему – не будут пытаться устраивать расправу. А еще она беременная от Ройзмана – на маленьком сроке.

Дай Бог ей здоровья. Боюсь показаться грубым: если родит – не посадят.

Если родит. (Читаю через два месяца: не родила – выкидыш.)

Будьте прокляты вы, менты, убийцы невыношенных детей.

Новым министром обороны неожиданно стал, казалось бы, списанный Шойгу. Путин боится и армию, и силовиков. Пошел у них на поводу, выгнав Сердюкова, но из их ментовского-гэбэшного клана никого не возвеличил. Харизматичный тунгус должен защитить Путина от возможного недовольства в среде армейских генералов.

Летом 2010 года мы потеряли нерожденного сына. В больнице Натали пробыла неделю, я еще во что-то верил эту неделю, а она ЗНАЛА с первого дня, что «плод» уже мертв. После нескольких часов страшных, заведомо обреченных родов: «Был мальчик» – смска. Потом плакала,

себя винила, или меня: «Он был такой одинокий в животе, никому не нужный, мы же все хотели девочку». Больше шансов родить – нет. И возраст, и постоянные ментовские угрозы арестовать уже самую Натали.

Чудо было – ведь до этого мы никак не могли забеременеть несколько лет. Что ж, вчерашние страдания – это твоя завтрашняя сила. Кому она только нужна...

<...>

8.11.2012.

Ругаемся с Натали и с сыном Андреем – часто и безобразно. По телефону и очно, из-за денег и не из-за денег. Или опять вчера машинка моя «Жигули» сломалась, а у Натали «Судзука» без пробега шесть лет в гараже пылится, но чтобы мне сесть за руль – и думать не смей.

Нервы ни у кого ни к черту. Правда, миримся моментально. Наша ругань – это единственное, в чем нельзя винить ментов. Потому что повод для ругани может быть любой (у нас же «конечный» повод всегда – менты), а человеческое обличье ты должен сохранять сам. У меня это получается не всегда, далеко не всегда. Раскаиваюсь, но как всегда – поздно.

В процессе ругани – СЛОВА, а после – МЫСЛИ о самоубийстве. Для православного меня НИЧЕГО страшнее нет – душу сгубить. Но в гневе и отходя от гнева – себя не контролируешь. Грехи мои тяжкие, смертные, нераскаянные, цепляются один за другой – подступает отчаяние. Самоубийство – с виду самый рациональный «способ» окончания бесконечного дела. И менты довольны, и семья перестанет быть заложником, и Натали свободна, и разорение не грозит. Может, даже украшения вдове вернут, а то, что моя жизнь и достоинство ничего не стоит, – мне моя гребаная родина с успехом доказывает вот уже тысячу сто с лишним дней. И еще столько же будет – не поперхнется. Так чего же тянуть? За душу зассал? Или диван мягкий?

И зассал, и мягкий.

Все больше ощущений к тому, что как минимум еще на год вся эта канитель. Или вот забота: чинить ли этот ухайдоканный «Жигуль», заведомо выкидывая деньги на ветер, или занимать еще «чуть-чуть», и купить рыдван покрепче? Все надеюсь: закончится, найду нормальную работу, куплю что-нибудь нормальное.

Завтра вторая попытка попасть в приемные часы суда – возражение на иск налоговой накатал. Авось обойдусь без адвоката, если, конечно, не присудят заочно. А ведь там, судя по всему, конвейер.

У нас, в России в смысле, три альтернативы бытия: 1. Ты – быдло, и тебе хорошо настолько, насколько может быть хорошо быдлу. 2. Ты не желаешь быть быдлом, и тогда ты становишься бесправен, и замечательная вторая глава Конституции, которая о твоих правах, читается как грубая насмешка. 3. Ты идешь в менты, сначала понятно в службу, потом в жополизы, потом в «решальщики» – быдлом от этого ты быть не перестанешь, но душу сгубишь гарантированно. Зато бабло, блекджек и шлюхи. Позорная страна. Выбирай: в быдлюки, в рабы или в менты. Ты что-то говорил о свободе? – Мы жас тебе покажем свободу. Тренированная рука быстро хватается за дубинку, за швабру, за целлофановый пакет.

9.11.2012.

Из сегодняшней переписки на ФБ. Некто Чаплин, недавно из госСМИ выгнанный главред: «Как у тебя дела? Более-менее или хуже, чем у меня?»

Отвечаю: «Дела не рассываются сами по себе, если они заказные. Закон на моей стороне – это главное, остальное приложится. А что у тебя так плохо, что ты сравниваешь себя с человеком, которому выкачено обвинений в сумме на 19 лет лишения свободы и исков на 20 млн».

Чаплин: «Ну у меня по совокупности. Я человек харизматичный, но зависимый от настроения, увы. Вроде все хорошо, теперь я руководитель собкорского пункта Федерального интернет-издания, свой журнал запускаю, много чего делаю, больше свободного времени, но как-то все не очень на душе».

Бедный, бедный Чаплин.

Вечером полдевятого, только закемарил, звонок в дверь. Все эти неурочные звонки в дверь! Пульс, вау, вверх – вертикальный взлет. Обьски-то прошли все, да и по ночам не положено. Теперь если ПРИДУТ, то только – БРАТЬ.

Сосед заходил – пульт от общих ворот сломал. Пока он болтает с женой, мой пульс медленно сползает вниз – к норме. Представляю, ЧТО испытала Натали, когда увидела «наших» – с домашнего обыска ментов – у себя на работе под дверью.

Поход в суд с возражениями на иск налоговиков завершился удачно наполовину: документы не увидел пока – через неделю звонить, но возражения сдал и выяснил фамилию судьи, кому направлено, пообщался с помощником. Теперь «заочного» судопроизводства можно

не опасаться. Скорее всего, заседание будет в декабре, предупредят за две недели.

Забавно, что суд этот будет в допфисе, который стена в стену с самым знаменитым в городе казино-борделем. Раньше судейские этажи (верхние) официально пустовали много лет. Думаю, владельцы борделя их использовали по прямому назначению. Теперь персонал поменяли.

<...>

10.11.12.

Вечером ездил на почту, получил отказ из прокуратуры – идиотский и хамский одновременно. Мои ссылки на Верховный и Конституционный суды в ответе не фигурируют, зато «законность следственных действий» подтверждается постановлением судьи К., разрешившим проведение у меня очередного обыска. Судья в своем постановлении, кстати, делает вид, что про возвращение дела из суда ничего не знает. Но цимес в том, что само постановление даже не вступило в силу. Кассация у нас через три дня только. Интересно – сговорились, что ли, заранее? Подпись на прокурорском отказе и.о. прокурора области. Он и есть заказчик моего уголовного дела. Он и «судья», он и палач. Он и решальщик. А те, кто назначены судьями, у него на побегушках. Может и не все, но мое дело попадет к тем, кому нужно. Можно не сомневаться.

Следующая неделя – два процесса по моим жалобам. И эту прокурорскую писульку будем обжаловать у генпрокурора. Светить. Местным уродам – напряг. Конечно, спустят сюда вниз для ответа. Но долбить надо по полной, когда-нибудь и генпрокурор сменится. А переписка – готова.

Обвинительное по взятке не подписывают уже пятьдесят три дня (по закону максимум – месяц). Можно вносить поправки в УПК. Адвокат думает, что хотят засовывать вместе опять два дела в суд. Но как?!!! Им же продляться – на январь, а дела разъединены. И одно полностью завершено. В общем, опять жалобы писать – нарушены мои права: прокуратура злостно уклоняется от подписания мне обвинительного заключения. Очень хочу получить свое новое (третье) обвинительное заключение!!! А потом – четвертое!

Все это бесконечное-да-не-совсем уголовное дело, несомненно, репетиция подготовки к смерти. Приговор, как и смерть, будет еще неизвестно когда, но он неизбежен. И скоро ты с ним останешься один на

один. Как моряк после кораблекрушения остается один на один с морской стихией. Хотя ты в него и не веришь в глубине души – ощущаешь себя как бы бессмертным, а потому беспечным. Ты должен готовиться к приговору, закалять душу. Чтобы только «на заре пойти ко дну».

А ты – чего хорохоришься? Жалуешься чего? Лучше сразу или помучиться? «Лучше, конечно, помучиться». Не сказать, что этот вялотекущий процесс увлекает, но другого-то нет. Вырабатывается медлительный ритм. Энергия жизни куда-то уходит. «Проглянет день как будто поневоле и скроется за край окружающих гор». Все больше всяких свирепых приговоров. На неделе Осиповой подтвердили в кассации повторный приговор – восемь лет (торговля героином – но там открытая ментовская провокация, месть за политику). Вчера Лузянин за беспорядки при инаугурации Путина получил четыре с половиной на «особом порядке» – сдался на милость ментам, и кинули. Сейчас беспредельные дела посыплются как из рога изобилия, мою эпопею никто и не заметит.

11.11.12.

В СССР муж убивал каждую двадцатипяти тысячную жену, а в России уже каждую двенадцатитысячную. То ли телевидение, то ли развитие мобильной связи (хотя это бабы смски чужие читают, а не мужики), то ли алкоголь бутореный, а от него – буйство, то ли рост депрессии и стрессов. Но против статистики не попрешь – при научном атеизме первая заповедь соблюдалась в два раза лучше, чем при господдержке Церкви.

Накануне в Москве 29-летний юрист аптечного склада Виноградов из-за неразделенной любви застрелил шестерых сослуживцев. «Возлюбленная» успела сбежать со склада за секунду до начала расстрела. Убийца сдался ментам.

Еще вчера арестовали замминистра и всяких много уголовных дел в министерствах поназаводили. Под страхом народного ли бунта, или угрозы беспредельщицкого ментовского переворота Путин затевает чистку в верхах. Это точно. Вопрос: куда дойдет? Или каста мусоров-прокуроров-гэбни по-прежнему неприкасаема?

Интересует ли меня, что будет со страной, или насрать? Ну вот на погоду ты же влиять не можешь. Пасмурно, сыро, лужи – не объедешь, грязь – не засыхает, а хочется солнышка, тепла, свежести, утренней росы. И не знаешь – может, это вообще полярная ночь начинается.

Не насрать – на душу свою только. Но это – так, на словах. А в жизни – диван, интернет, фейсбук, пожары. Вот воскресенье начинается,

а на службу в Церковь не пойду – дрыхнуть буду. Но верю: не оставит Господь меня, лентяя и гордеца, повразумляет еще чуть-чуть, а дальше будет мне счастье до самой «мирной и непостыдной» смерти. Аминь.

В четыре утра под нашими окнами, что выходят на чисто поле, кто-то устроил фейерверк. Мне не обидно: я не спал. Может, и день рождения у кого просто, но, думаю, День мента у них так заканчивался. Вообще, «наше» поле и прилегающие к нему лесополосы почему-то активно используются ментами для стрелок-терок. Может, потому что тут рядом точка стоянки крышуемых ими придорожных проституток, а может, просто удобное место – хороший обзор, несколько путей отхода, прослушку не установишь. Менты ведь сами себя и гэбню бояться стали нешуточно. У них теперь вместо «все схвачено» идет война подстав «все против всех». Натали говорит: «Когда слышу, что очередной мент то погиб в аварии, то подстрелили, то посадили (хотя этих почти всегда условно), нельзя сказать, чтобы радуюсь, но с удовлетворением отмечаю, что мир устроен справедливо. Ведь сколько горя в этот мир они принесли – расплата, стало быть, подоспела».

<...>

18.11.2012.

Завтра, точнее через 38 часов (впереди все воскресенье и полпонедельника), мне предъявят новые-старые обвинения. Думаю, все те же десять плюс четыре года. Ну и пять лет по взятке где-то гуляют по прокурорско-следовательским кабинетам два месяца уже. Волнует другое: уложатся ли упыри до Нового года, до истечения очередных сроков? Потому что продление двух разъединенных дел – о, они еще одну загадку для УПК готовят – одним постановлением это как? Взятку, конечно, до Нового года так или иначе в суд спихнут. Но сроки для новых дел они откуда считать начнут? В общем, они будут торопиться, а мы не отставать.

Вчера утром отвозил Андрея в школу (ходит через день – любовь у него, и ничего с ним не сделаешь), разговорились про мое дело. Он постепенно вникает: «Почему ж тебя заказали?» Не нашелся ничего ответить как пафосное: «Трудно быть свободным человеком в несвободной стране». Извиняет, что это первое, что пришло в голову. Никакого смирения, черт.

Неделя выдалась насыщенная. Во вторник была кассация на «обыск в жилище». Отказали нам. Трио в мантиях: Блондинка, Брюнетка и Лысый. Прокурор тоже лысый. Все старые знакомые. Этот состав был на «моей» первой победной кассации в марте. Тогда, впро-

чем, их абсолютно законное решение с полпинка отменила следующая инстанция – надзор. «Наши возможности безграничны», – свирепо шутит Г. Для судей, сегодняшней троицы, отмена решения – это серьезный «косяк», и невольный виновник – я.

С первых слов почти ясен расклад: Блондинка, она же председательша и докладчик – за нас. Сочувственно спрашивает, что изъяли. «Зарплату жены – 15 тысяч», – отвечаю. Лысый судья, он из прокурорских и связан с гебней, – против. Очевидно, что провели работу, напрягается. Отпускает в мой адрес характерную шутку: «Бывших редакторов не бывает». Вы перепутали, Ваша лысость, это бывших кагэбэшников не бывает.

Мой адвокат Д. привычно уже разносит в пух и прах безнадежную позицию следствия, в ответ два Лысых начинают абстрактно теоретизировать о судьбе дополнительного расследования в России в исторической перспективе. Эй, АкадЭмики, тут суд, а не научная конференция. Брюнетка за все время не произносит ни слова, рассматривает меня. В недобрых глазах – приговор. Последнее слово, очевидно, будет за ней. Интересно, звонили ли или расчет на «дисциплину»?

Удаляются в «совещательную». Пластиковая дверь – долгий разговор на повышенных тонах местами можно разобрать. Мужской голос: «У него же дом в “долине нищих”, точно говорю – наворовал». Женский, до этого сопротивлявшийся голос против такого «правового» аргумента не находит возражений.

Срочно надо худеть, а то скажут: «Гляди, какую ряху наел, ясно – наворовал».

Вердикт – нашу жалобу оставляют без удовлетворения. Думал ли я заранее? Да нет – надеялся до последнего. Тем более что и Лысый прокурор (он среди всех – самый «человечный» что ли, миролюбивый) ни слова не возразил по существу. Что ж, пойдём в надзор, а затем и в Верховный.

Брюнетка после оглашения обращается к другим мантиям: «Давайте останемся на пять минут, нужно по одному делу переговорить». Вот в эти пять минут и будет решаться чья-то судьба. А «процесс»? Это декорации для нищих и наивных.

Два бессмысленных ноябрьских дня проходят в ожидании очередного судебного заседания. К исходу второго силком выдавливаю себя на прогулку по ноябрьскому вечернему лесу. В почти зимних сумерках ощущаешь, что природа в наших краях лучше, чем люди. Во всяком случае, беззлобнее и безопаснее. В дом могут «прийти», в лес – нет. Ах да, мобильник не надо с собой на прогулку брать. Впрочем, мыс-

ли считать посредством мобильного еще не научились, наверное. Мысли мои как стекло, как свежий анекдот: «Что делать, я знаю. Непонятно, только куда потом прятать трупы».

В пятницу перед обедом встречаю в коридоре адвокатской конторы Б., моего адвоката № 2. Мы расстались год назад – без скандалов, по телефону. Это отдельная история – и без добрых слов.

Б. – в стельку. Ясно, что веселье продолжается как минимум второй день. Обеими руками держится за стенку, но при этом лезет целоваться. От этой псевдобиблейской пошлости я теряюсь. Расстрогал меня лукавый еврей. Начинает вещать, мол, мы отслеживаем. Еще б ты не отслеживал. Тут сарафанное радио, тут твоя репутация. Б.: «Ты сиди – ровно. У тебя все будет ровно. Со взяткой ни к кому не обращайся, никто ничего не сделает. Они уже давно там консенсус ищут, как из этого дела без потерь выйти. Найти, чтоб всех устраивало». – «Кто ж заказчик?» – спрашиваю, пользуясь случаем, в лоб. «Да Вася, Вася. Я ж и Д. говорил (знаю – говорил). Он тогда и мне, и Г-ву звонил». Это когда взятку в день приговора с «оправдоса» снимали: 7 февраля 2011 года. Вася, зампрокурора и заказчик, звонил судье Г-ву, чтобы вернул дело в прокуратуру, и самому Б., чтобы не обжаловал. Теперь, спустя полтора года, уже и не скажешь – подлость это со стороны Б. или нет. Статью, конечно, в УК за это дело Васе легко найти, да некому. «А у Васи и прокурора области, – спрашиваю, – одни интересы? Стоит к нему на прием попадать?» – «Не-е-е, – растягивает Б., – разные. Ты приходи ко мне в понедельник или во вторник, я в любое время, покумекаем, чем тебе помочь». – «Как получится, – говорю, – суды у нас сейчас», – понимая, что не приду.

Все, что мне наговорил пьяный Б., я и так знал. Но подтверждение из первых уст внушает оптимизм.

У Д. «заодно» в райсуде образовалось сразу два дела. Одно – мое, обжалуем следовательское решение об обыске в кабинете Натали, другое – продление под стражей. «Там не светит: две сто пятых, вторых», – улыбается Д. Два убийства группой лиц. Нашу жалобу рассмотрят первой. Убийца остается сидеть с двумя охранниками под дверью нашего процесса. Небольшого росточку, худосочный, прилично одетый, с бородкой «а-ля Троцкий», лет тридцать, о чем-то жизне-радостно болтает с охраной. Я стою рядом, пялюсь. Вроде бы коллега по несчастью, но я без сочувствия – христианин хренов. Ладно, потом расспрошу Д., кого этот малыш грохнул.

С воплем: «А где эти чудики? Не пришли, что ли?» – вваливается следователь Г. «Чудики» – это мы. Увидев нас с Д., как ни в чем не

бывало, здороваётся. Весь из себя гламурный subtilный прокурорик Гр. проходит мимо, кивая нам головой, – он тоже нас за людей не считает. Д. пытается выяснить, куда пропало дело по взятке. Путанно объясняют, что прокуратура вернула в следствие, а те обжаловали – ясно, игра в четыре руки. Смех сквозь слезы. Лишь бы не допустить третьей 237-й – возвращения из суда прокурору. Удивительно, что меня ни о каких телодвижениях по моему же делу не извещают. Ладно, напрягусь в воскресенье – накатаю жалобу в прокуратуру на прокуратуру, чтобы время зря не терять и Д. не отвлекать.

Судья у нас Профессор, доктор юридических наук, в судьях недавно – год или два. Меньше сорока – это первый «мой» судья, который моложе меня по возрасту. Говорят, вьедливый. Очки, внешность – человеческая, голос сочувственный. Понятно, что кто-то из следственного комитета на уровне замов его уже обрабатывал, но результат мы не сразу узнаем. Тогда и поймем, обманчива ли внешность или нет.

Открыли заседание. Прокурорик несет невообразимую пургу, где логика теряется со второй фразы. На руках у него «козырь» – вторичная кассация, для прокуратуры старается облсуд – в два дня решение написали. Облсуд для Профессора должен быть авторитетом. Возражаем, мол, право у нас не прецедентное и только решения Верховного суда имеют обязательную силу для всех. Профессор спрашивает Г. о смысле этого обыска, тот не находит ничего сказать. Не говорить же, мы их попугать решили. Профессор откладывает на неделю и вызывает в суд Натали, пусть сама расскажет, как нарушены ее права.

Все эти обыски и их обжалования – всего лишь арьергардные стычки. Декабрь предстоит жаркий.

А так хочется расслабиться, дотянуть до Нового года, до четвертого своего уголовного года, а там и до весны. Судиться в России – это и так смерть с оттяжкой. Так еще и по морозу. Бр-р-р. А весной – хоть в тюрьму, хоть в суму, хоть – в Красную армию.

21.11.2012. Женюшь, какие могут быть игрушки

Предъявление обвинения отложилось на сутки из-за занятости моего адвоката. Ну, предъявили. Полтора десятка страниц слово в слово все то же, что и год назад, – растрата до десяти и злоупотребления до четырех.

Г. опять отжигал. Как ожидалось, просил (третий раз!) закрыть взятку. По деятельному раскаянию, при этом рассуждал, что закрытие по давности якобы не пропустит прокуратура. Опять обещал условно, грозил карой небесной и тюрьмой, ссылаясь на Мк. – зам такой

в СК, длинный как каланча, с отталкивающим крупным лицом, ненавидимый и самими следаками, в сорок лет ни разу не женатый (голубой, что ли?). Самое смешное, что Мк. этот прославился с помощью моей газеты – расследовал дело крупной банды – мы пропиарили. И его карьера поползла вверх. Он всех людей за убийц и бандитов держит, а с бандитами какой разговор – бутылка в жопу. Не задумывается даже, что главный тут бандит теперь он.

Мы с Д. на такие предложения (по взятке – лишнего не подумайте) ничего не отвечаем сразу. Просто посылать человека, который просто так может тебя засадить, неумно. Г. обещает на следующей неделе закончить следствие, но для этого надо наше согласие на осмотр дома. Думаю, до начала декабря мы так или иначе дотянем. Заводит – и тем себя выдает – на тему 217-й. В смысле, надеется, что мы быстро ознакомимся со старым-новым делом. Да, продлеваться на после 1 января им будет крайне геморройно. Проще, конечно, здесь через суд меня ограничить.

За подписанием бумаг идет непринужденная светская беседа. Вот Г. дали «главное» дело нашего гонимого мэра. 40 миллионов мэр перечислил моему бывшему адвокату У., который начинал мое дело, почти спер у меня квартиру и от которого я отказался через два месяца его работы, потеряв больше миллиона рублей.

Теперь У. дает показания на своего доверителя, валит по полной – вот тебе и адвокатская тайна. Бабки 100% – взятка в Арбитражный суд. Эту тему будут старательно обходить. А вот мэра постараются закопать. Хотя скорее сам себя закопает. Сотрудничает. Радует, что свидетель. Г. говорит, что окружение мэра собрало бабки «на решение этого и других вопросов». Сажать или не сажать мэра миллионного города – это решают в администрации президента. Аукцион. Если враги заплатят больше, то из Москвы придет команда к генералам, а от них Г. «посадить». Но пока ничего не ясно.

Сажает вообще-то теперь суд. Но это семечки. Суд в любую сторону поворачивается, если нет политики или там убийства. За полмульта выпускают под подписку или даже не будут закрывать. Не, я не платил. У меня дело политическое – раз. И заявление об уходе я написал – два. Сначала статья была, считай, что легкая, – три.

Г.: «А М. Б. мне и говорит, не сажай ты его (меня то есть), пусть он на мне женится. Понравились вы ей чем-то». Опа-на. Куда мне заявление подавать – в ЗАГС или в квалификационную коллегия судей?

М. Б. в молодости любила ходить на процессы в супермини. Чтобы девичьи прокурорские труселя было и адвокатам, и обвиня-

емым видать – напротив ведь сидят. Встанет так, поправит юбочку: прошу, дорогие, пожизненное. Девка была эффектная, папа – светило местного юрфака. Она и теперь в сорок пять очень даже ничего, блондинистая, фигуристая. Не замужем, взрослая дочь есть. Зимой рассматривала мою жалобу не в мантии, а в норковой шубе. Отказала, но грамотно.

Она – предсказуемый судья. Как принято говорить, дружит с прокурорскими. Ее будут уговаривать на основной процесс. Судью К. они выдоили и выжали полностью. Такими темпами, как намечается, – предварительные слушания (третьи) начнутся в феврале. И если я задумываюсь о том, кто будет судьей, то ОНИ – тем более. Никто мое дело брать не хочет, но кому-то придется. И с кем-то договорятся. М. Б. – кандидат № 1. Не радует меня стать объектом ее уголовно-эротических фантазий.

Рассказываю вечером Натали, она ржет. Говорит: согласна отдать меня в сексуальное рабство. Тут же разносит эту весть подругам. Ей весело, что кто-то на меня еще западает, судья. «А она моложе нас?» – «Постарше немного».

Натали вспомнила, что именно М. Б. арестовывала ее ювелирку и часы: «И украшения ей мои достанутся, и мужик».

Мало того, что тут суда нет, так еще какое-то садо-мазо намечается.
<...>

21.11.2012. Не женюсь

Бессонница была, наката жалобу, отвез.

Заехал из прокуратуры в офис к Д. – он весь день шпарит новые жалобы. Думает, что оттянуть до после Нового года будет сложно.

Говорю: давай про то, что М. Б. хочет на мне жениться, напишем в судебную коллегию. Шутка шуткой, но тогда «предсказуемая» М. Б. точно судить по существу меня не сможет. Можно ведь и к Г. с микрофончиком прийти. Д. тут же обламывает: я пойду свидетелем, а тебе придется искать нового адвоката. Статус свидетеля несовместим со статусом адвоката. Про микрофончик ему тоже не нравится. «Тогда с нами никто вообще разговаривать не будет». Понятно, «микрофончик» – это бомба под его адвокатскую карьеру и репутацию. Жаль, у меня еще столько хороших идей было.

Оставляю его наедине с моими делами. У него работы – вагон. Две судебные «по статье 125 УПК» жалобы, одна – надзорная, одна – в генпрокуратуру.

Вычитал статистику: Верховный суд удовлетворяет 0,1% надзорных жалоб. Вот коэффициент моей надежды, моих шансов на свободу и справедливость. Букмекеры на такой «матч» ставки бы не принимали. Чем дальше, тем очевиднее: хочешь остаться на свободе – от надежд на справедливость придется отказаться. Если «отскочишь» – голый, нищий, оплеванный, «деятельно раскаянный» или «условный» – и тому будешь счастлив. Ноги ментам целовать приползешь. Воистину, «лучше быть последним неудачником в демократии, чем властителем дум в деспотии».

<...>

22.11.2012.

Натали кинула ссылку: Госдума вносит с января изменения в УПК о расширении возможностей возврата дела прокурору, дополнительного расследования и пересмотра приговоров «по вновь открывшимся обстоятельствам». Меняется как раз «моя» 237-я статья УПК, часть первая. Может ли коснуться меня лично – непонятно. Но зона законного беспредела расширяется. Так что не может не коснуться. Заголовок «Уголовное дело длиною в жизнь». Так и есть.

Натали готовится к завтрашнему выступлению в суде, пишет, что Г. должен сам у себя обыск в кабинете проводить: документы, которые он ищет, у него в кабинете лежат, но собраны незаконно. Пусть еще раз «найдет». Логично.

Думаю, как в ее присутствии буду вести себя в суде. Неудобно при любимой женщине болванчиком: «Ваша честь, поддерживаю позицию защиты». Желание-фантазия плавает в мозгу: убить ЭТИХ прокурора и следователя прямо в зале суда, судья-профессор пусть живет, кстати, раз уж «непредсказуемый».

Хорошо, что на входе в суд металлодетектор поставили и шмонателей посадили. А в облсуде вообще просвечивают как в аэропорту. Правильно: непреодолимые желания отчаявшихся узников концлагеря надо гасить при входе.

24.11.2012.

В пятницу были с Д. у Г., опять – в четвертый раз – уговаривал подписать закрытие взятки. «Ну что, не надумали по-мирному?» Обычно Д. как бы переговоры ведет – я молчу. А тут ответил: «По-мирному не хотите вы. Переделывайте 160-ю. Тогда и поговорим». Г. сорвался буквально на визг: «Вам думать надо было, когда воровали». Вот кому ты гонишь, мент. Тут зрителей нет. Ты знаешь, что вся растрата на безум-

ных, нелепых по сути показаниях запуганного жулика Миши. При этом два месяца назад при Ф., своем начальнике, Г. рассуждал, что может переделать 160-ю на нетяжкие варианты: неуплату или превышение полномочий – и разошлись как в море корабли. Но видно, хозяева ему теперь дали жесткую установку – сломать меня. И впервые Г. открыто стал угрожать мне арестом. До этого просто обещал «сделать мою жизнь адом».

Г. живописует картинку, почему меня можно теперь закрыть. На днях один из следователей СК сбил насмерть тетку и скрылся. Отъехал, правда, недалеко – с километр всего. Начал обзванивать – решать. За этим делом его гаишники и повязали. Г. описывает, как ночью звонили заму Бастрыкина, потом брали кровь на алкоголь – аж два раза, с понятиями и опечатыванием в сейфе. Москва потребовала, зная, что подменить кровь при анализе – говно-вопрос. Как трясся генерал, ожидая результата – если пьяный, то конец его – генеральской – карьере. Пронесло. Следака закрыли, и Г. это возмущает – свой ведь. А уж если своих теперь можно, то тебя, журналиюга, голыми зубами съедем.

Из СК – к судье-профессору. Когда подъехал, Натали уже там, беседует с Д. Слышу его: «Пора уходить из адвокатов, как с таким беспределом бороться». Параллельно Д. рассказывает нам стратегию подачи новых жалоб. То, что сейчас – это были мелкие стычки. Предстоит первое серьезное сражение. Д. все придумал очень умно, но, к сожалению, боюсь, что здесь – в области – это будет сложно пробить. (Перечитываю спустя месяц – увы, «стратегия» не состоялась. Против лома нет приема. Только бабло, а его нет.) Показывает Д. и пришедший текст кассации по квартирному обыску. Комментирует: «Одна страничка ни о чем». Читаю – не решение суда, а какое-то хамство, не утруждают себя даже отразить нашу позицию. Я одно такое решение – краткое и наглое – уже видел весной в надзоре.

Подъезжают Г. и новый-старый прокурор с угреватым лицом пропойцы со стажем и дебильной фамилией Хр. Чего изволите, прокурор Хр.? Минут десять перед заседанием Хр., не скрываясь, проводит (инструктаж?) в кабинете «профессора». В сущности, всегда так: следователь или прокурор в кабинет судьи перед заседанием заходят как к себе домой – это унижает, показывает, что ты тут – никто. Войдя в зал заседаний, Хр. одаривает нас барским презрительным кивком головы. Натали спрашивает Д.: «Разве раньше такое было возможно?» – «Раньше, когда я начинал (десять лет назад, то есть), еще хуже было, судья с прокурором могут сесть бухнуть перед процессом. Меня при-

глашали, но я всегда отказывался. Говорю, я за рулем, а такой корочки, как у вас, чтобы бухать за рулем, у меня нету».

Вообще, только за эту неделю менты в нашем городе трех человек насмерть сбили. Летом их милицейский генерал – начальник областной ментовки – запретил своим приказом ездить ментам на личном транспорте после двадцати двух и под страхом увольнения посещать любые кафе и рестораны. Десять человек за год задавили насмерть менты. Прославились этим приказом на всю страну. Народ в интернете: «Их бы вообще на улицы лучше не выпускать». Меньше чем через месяц приказ отменили. Нарушает права ментов.

Встатьсудидетпрошусадиться. Д. опять в процессе разносит в пух и прах аргументы прокурора Хр. Тот договорился до того, что раз уголовное дело вернули со стадии предварительного слушания, то это еще и не суд почти. Ага. Здравствуй, новый УПК. Д. предупреждает суд, что дело не в несчастном обыске, в котором ничего не нашли, а в порочной, противозаконной и много лет как отмененной практике дополнительного расследования, которую может как бы «узаконить» своим решением уважаемый суд-профессор. Натали выступает эмоционально, в том числе про изъятие несчастных зарплатных пятнадцати тысяч. Я говорю, что все эти три «пустых» обыска – дома, у тещи, у Натали в кабинете – всего лишь попытка психологического воздействия на меня. Суд удаляется в совещательную на час. Все, кроме нас с Натали, разъезжаются.

Мы остаемся одни в судебном зале. Натали показывает в Trade фотографии нашего биколора Ванечки-Айвенго, проданного недавно в Германию. Немцы заказали в нашем питомнике еще и кошечку – когда родится, – но по бартеру на будущего ванечкиного сына. Планов кошачьих громадь. <...>

Наконец возвращается профессор с секретарем. Минут десять на зачитание приговора – тщателен. Всегда стоишь – вслушиваешься с надеждой. По первой инстанции только в последней трети или даже четверти приговора бывает ясно, что отказ. В кассации все без соплей, могут просто буркнуть с чувством непередаваемой собственной значимости единственную фразу: «Без изменения» или «Отменить». И эта фраза будет судьбоносна. Судьи облсуда это понимают. Дальше – надзор, неприступная крепостная стена. 0,1% отмен в надзоре. Они в кассации – боги. В первой инстанции у судей глазки бегают почти всегда, в кассации – никогда, в надзоре – пока один раз бывал – выглядят как живые мертвецы. С ними может и обманчиво – один сочувствующий взгляд я словил весной. От бывшего гэбэшника, кстати.

У них на судебском верху тоже свои игры и неудачам соперников радуются тихой ехидной радостью олимпийских богов. Но, чтобы боги веселились, смертные должны гибнуть.

Иногда, как в случае со мной, затягивается до неприличия.

И кстати, совсем забыл – осмотр дома договорились на пятницу, тридцатое. Намеков (после прямых угроз), что я до этой пятницы на свободе не доживу, Г. сделал с полдесятка за вечер. Не верю, но вечером все это обсуждаем с Натали. Увы, она не будет понимать, что делать, если меня арестуют. Хотя делать надо одно – шум поднимать. Пока терпим в тишине. Выиграть информ-войну у этой брехливой публики с проплаченными шавками не так-то просто. И что еще хуже – концентрация внимания не должна уйти в свисток. Значит – рано.

Но все равно надо бы заранее (ну, вот не люблю – ничего заранее) готовить уже «боевые» тексты – всё. Всё значит ВСЁ, Вася. Если бить открытой ладошкой, толку не будет. Д. боится, что если переходить на личности, то и наркоту подкинут, и что угодно – арсенал провокаций неисчерпаем. И то, что мы называем беспределом, лишь относительный беспредел. А настоящий беспредел еще впереди.

Надо вырваться за пределы замкнутого круга областной всеильной мафии – генпрокуратура, Верховный суд. Неужели они способны подмять или купить ВСЕХ? «Наши возможности безграничны», – лыбится Г. «Сильно он сдал за год. Лицо почернело все», – констатирует Натали. А в глазах ее мысль: чтоб он сдох.

Господи, помилуй нас, грешных!

<...>

26.11.2012.

К вечеру воскресенья пошел первый снег. Если не будут арестовывать, как грозился Г., то вся неделя до вечера пятницы от мусоров и судов свободна. Завтра снег растает – и еще на десять дней минимум плюсовая температура.

В пригороде Челябинска Копейске (минус 8) на строгой зоне ИК-6 вторые сутки идет мирный тюремный бунт. Полторы тысячи зеков стоят на морозе и без еды. Требуют прекратить издевательства и выпустить товарищей из штрафных изоляторов. Полсотни зеков захватили крышу и вышки – вывесили плакаты: «Люди, помогите». Вокруг зоны толпа родни и просто пьяных. Менты, ОМОН, их около тысячи согнали, винтят пьяных и избивают всех подряд, но штурмовать не решаются. Еще шесть челябинских зон на второй день встали на голодовку

в знак солидарности с ИК-6. Интернет гудит, оппозиция и власти не замечают никаких бунтов. Все перепощивают картинку – контурную карту России с надписью ИК-6. Моя родина (с какой буквы писать?) – тюрьма. А что еще можно сказать о стране, где лучшими гражданами оказываются те, кто лишен гражданских прав? Я МОЛЮСЬ, ЧТОБЫ ЗЭКИ ПРОДЕРЖАЛИСЬ КАК МОЖНО ДОЛЬШЕ. ВЕДЬ ОНИ НЕ ТОЛЬКО ЗА СЕБЯ И СВОИХ ТОВАРИЩЕЙ СРАЖАЮТСЯ, НО И ЗА НАС, ТРУСЛИВЫХ И БЕССЕРДЕЧНЫХ. Наступают времена, когда было стыдно не сидеть. Красиво, но не хочется. Строгая зона мне, наверное, не грозит, а обычная – вполне. Представляю себя стоящим в ночи на восьмиградусном морозе бесправной песчинкой в ватном, негреющем бушлате. В ожидании штурма ОМОНА, в ожидании зверских расправ, в ожидании...

Я и не живу уже три с лишним года, я – в ожидании. Никаких чувств и эмоций, ни радости, ни сожалений, ни надежд, никаких других соплей. Только нервы – провода, по которым подают мозговой ток. Высоковольтные.

Самое время проклинать свою родину – страну ментов. Сны, движение мысли – все вокруг уголовного дела. Даже футбол не отвлекает. Понимаю, что ненормально. Уже два месяца – с последнего обыска – ничего не читаю. Кафку успел дочитать, Пруста забросил и ничего нового не придумал. До этого чтение спасало все три года. Заземляло мозговой ток.

Остаются молитвы и стихи. «...не муж, но мальчик для битья. Казаться – быть – опять казаться... В каком наперстке жизнь твоя?»

Остаются сны.

К обеду понедельника, пишут, бунт утих без штурма. Власти начали делать заявления, нашли крайнего: генерала, бывшего областного начальника УФСИН, очень вовремя скончавшегося. Еще в советское время была построена система, которая сегодня будоражит всю страну, – сказал губернатор. – В Челябинской области она выстраивалась еще при прежнем руководителе ГУ ФСИН. Такая система привела к огромному количеству самоубийств, избиений, бунтам. Не должно быть массового истязания заключенных. Причем звучат только челябинские колонии. Там идут сплошные денежные поборы. В этом серьезно нужно разбираться. Система является порочной». Страна является порочной. Но поражение от победы ты, зэк, не должен отличать. Сначала они сделают вид, что отступили, дождутся ослабления напряжения и опять начнут закручивать гайки, поскольку понимают, что любая ли-

берализация – это смерть режима. Они неглупы, эти вертухаи. Что в Копейске, что в Кремле. И они опасны – им есть, что терять, и есть, чем защищаться. Пока Мы не станем опаснее, чем они, не победим.

4.12.2012. Электрик меняет показания

Иногда, как сегодня-вчера-позавчера, ведение этих записок начинает утомлять: какие-то «уголовные» события происходят, откладываешь, новые происходят, накладывается одно на другое. Надо бы писать, но никакого желания нет.

Сегодня рассмотрение нашей жалобы по возбуждению 285 – по электрику. Судья, ты будешь смеяться, – говорит Д., – К. В общем, все ясно, включая кассацию и надзор. К. в пятый раз у нас. (При ознакомлении с делом понял, что К. не пять, а все пятнадцать раз принимал различные решения по делу.) Все остальные судьи вместе взятые – тоже пять раз. К. достается все самое главное. Он не просто предсказуем, он – личный друг первого зама в областном СК, он «со дня на день» должен перейти в облсуд – только этих двух приводных ремней достаточно, чтобы судить как надо. Только что К. отвесил пять лет реального срока некоему Жукову, племяннику бывшего губернатора и вице-спикеру облдумы одновременно, от партии «Единая Россия», естественно. Я пересекался с ним как журналист – не слишком приятный тип. Этот Жуков при разборках по земле плеснул серной кислотой в лицо девушке своего партнера. Суть разборок – земля. Делили совместно уворованный участок под строительство за сто миллионов рублей. Спланировал тщательно: парик, накладные усы, алиби. Судя по прессе, косяков у следствия много было. Главное из которых – незаконное опознание. Тем не менее – пять лет. Отвесил – и ладно. К стыду, не вызывает моего сочувствия коллега по несчастью. Опять корю себя за жестокосердие. В общем, я это к тому, что К. на посту: не отпускать же ТАКОГО обвиняемого из-за «недоработок» СК. Понимаю, что примерно то же говорят и обо мне. Ведь – спёр, спёр, спёр. В газете же написано.

За прошедшую неделю получил повестку в суд по налоговой, Натали подобрала с подачи Д. адвокатшу-цивилиста, завтра еду знакомиться. Должны отбиться, но опять расходы. Получил тексты двух решений: 1) облсуд от Лысого судьи по домашнему обыску, хамское просто – так и пишут: спёр 20 мультов – как самоочевидный факт, даже не утруждают вводным «следствие установило», не говоря уж – «предполагает»; будем обжаловать в надзор, потом в Верховный; 2) райсуд от судьи Профессора по обыску в кабинете Натали – изворот-

ливое, но грамотное. Вывод судьи: выводы делать «преждевременно». Наш вывод: хай живе – обжаловать не будем, чтобы не отвлекать силы и средства на второстепенные фронты.

В пятницу был осмотр жилища с электриком. Год назад уже проводили, но с другим адвокатом. Теперь у следствия все доказательства сгорели – пошли по второму кругу. Действие незаконное, о чем сразу вносим в протокол.

Присутствуют: Г., две двадцатилетние страшные соски – понятия из пригорода и два самых мерзких опера. Именно эти уроды разносили в щепки мою квартиру при первом обыске три года назад. Это личная гвардия генерала Васи. Они тогда, не стесняясь ни жены, ни тещи, ни адвоката, снимали свой разгром на видео и он-лайн Васе «кино» сбрасывали – Вася всю ночь сидел в кабинете – рулил моей посадкой. Один из оперов сейчас уже начальник экономического отдела. На мне, что ли, поднялся? Но все равно посылают – ясно, для напоминания-устрашения. Именно этот, Мт. его фамилия, заставлял меня снимать нательный крест – «в камере не положено». Что ж – снял, поцеловал, отдал жене. Взял с собой Новый Завет, Псалтирь и китайский свитер – Мт. не возражал. Через час эта бригада подбросила, совершенно неуклюже, мне в кабинет две купюры по пять тысяч рублей – и процесс пошел. А насчет ареста – был блеф. Арестовать, думаю, меня могли бы, разве только если бы я не уволился, а наутро меня и так выгнали.

Ну и главный герой сегодняшнего дня – электрик Роман Лисов, сорок лет, «Дэу-Матисс», вдовец, детей нет, работает в соседней области, на следственные действия приезжает, как говорит Г. «с радостью, по первому зову», одежда небогатая и давно не стиранная, стоптанные китайские ботинки. Делает неожиданный шаг и с непередаваемой ухмылкой щелкает выключателем – типа я тут все знаю. Ощущает себя то ли Гамлетом, то ли... в общем, вершителем судеб. Поклон, аплодисменты.

В жизни таких маленьких людей, где ничего не происходит, событие подобное сегодняшнему – это событие всей жизни. О нем будут рассказывать детям, если таковые появятся.

Суть этого моего преступления в том, что Лисов получал четыре года назад зарплату менеджера в редакции и теперь утверждает, что все это время работал у меня в доме. На самом деле их бригада работала в редакции, но Лисов об этом молчал сначала, а потом с подачи Г. и вовсе стал отрицать, что глупо, конечно, но тут важно, чтобы стройная версия дошла до суда. Было уже четыре его допроса и один осмотр – и пять раз он подтверждал свою брехню, подогнанную под

фабулу Г. На самом деле Лисов был у нас дома лишь несколько раз, а работали совершенно другие люди – братья Колобки, они тоже из этой электробригады, но это сильно меняет дело.

Просим всех разуться, в ответ один из оперов демонстративно отталкивает меня и идет вверх по лестнице. Натали обещает Г. кару небесную и идет пить корвалол, Д. подкалывает его же на предмет – кто же здесь на самом деле главный. Когда следователь у оперов на побегушках – это запахло, а уж когда важняк на побегушках, то тройне.

Один опер держит в руках старый протокол и сверяется с тем, что рассказывает Лисов: тут кабель медный в потолке и штробе и тут кабель тоже медный, тоже в потолке и штробе. Мы-то думали, что у нас кабель деревянный, к полу прибит. Ценность показаний – нулевая, но какую-то иллюзию доказательств для суда создавать надо. Мало что незаконные, но и еще и нелепые. Лисов приписывает себе работы, которые он физически не мог делать, – вешал кабель на забор, которого не было в природе тогда. Мы молчим.

Кара небесная приходит в виде единственного вопроса Д. (для меня неожиданного – думал до суда все оставлять): «Вы сами все работы выполняли?» Так мы не договаривались, товарищ следователь, мы это не репетировали. «У меня было два помощника, я руководил». Трясущимися руками лезет в записную книжку. «Можно в книжке посмотреть? Баженовы – братья, Дмитрий и Александр». – «Через “А” или через “О”?» – «О». Теперь и я знаю фамилию, а то «Колобки» как-то даже неудобно, да и телефона их у меня под рукой не было. Завота Г. – их искать, допрашивать, прессовать, проводить очные ставки, склеивать разбитое корыто – еще две недели долой. Мне уповать на небеса, что Колобков не подведут под очередные нужные показания. (Перечитываю – и уже знаю, что Г. опять «собрал» нужные показания с Саши – старшего Колобка. Неприятно, но в суде все изменится 100%. Колобок парень приличный, не Лисов.) Но это ведь еще и новые свидетели – опять незаконно. Незаконнее незаконного. Ты еще пойдешь найти «моих» Колобков – через «о» – телефон-то они сменили.

Без гадостей не расстанемся. Г. начинает выпытывать, оплатили ли мы кредит на Натальину «судзуку», и обещает наложить очередной арест, мой убитый двенадцатилетний «Жигуль» его не интересует. На выходе опер, который снимал с меня крест, интересуется «первая ли у меня жена» – посылаю куда подальше.

После ухода уродов ругаемся с Натали на тему продажи машины – мат-перемат – в присутствии Д.: «может, я поеду» – «сиди, без тебя

она никого не слушает, все про..бет – тебе же гонорар не достанется, а меня посадит».

В общем, вчера переоформили «судзуку» в счет залога за долги. Врагу не сдастся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает.

5.12.2012. Мечь гламурного прокурора

Из-за болезни Д. – давление подскочило – суд перенесли на пятницу. Два дня теперь лишних есть, на то чтобы К. и его друзьям из СК и прокуратуры «посоветоваться» в областном суде. В этот раз ни я, ни Натали иллюзий не питаем.

В районном суде обед с часу до двух, наше заседание в два. Без одной минуты два мимо просителей и охраны проходит четверка уголовных судей-мужчин. Исполненная достоинства медлительная походка резервуарных псов. Пристав с лакейским поклоном открывающий дверь, запах непереваренной пищи. Вершители судеб районного масштаба. Сзади семят Гламурный прокурорик из отдела коррупции и Г. Проходят как к себе в кабинет К., выходят минут через пять. Гламурный – в мою сторону: «В пятницу, в десять». Никто меня не приглашал, заседание не открывали, формальностями не утруждаются. Все эти демонстративные заходы парочки прокурор-следователь в кабинет судьи перед заседаниями унижают, показывают твоё место в этой системе: ты – никто. Спрашиваю у Гламурного, почему до сих пор не ответили на мою последнюю жалобу. «Как же – ответили ещё 23 ноября, хотя могли бы в конце декабря». Как он осчастливил меня, да счастье по дороге затерялось! Пытается свалить все на почту – врет, специально не отправляли. Обижается, что в своей жалобе я якобы искажил его слова о том, кто где что обжаловал. «Это не я говорил, а Г., и не в суд он обжаловал – у него таких полномочий нет. А то я ведь могу и оскорбиться», – гламурится Гламурный прокурор. Ясно, что отхватил за длинный язык от начальства. «Я не юрист, не знаю, куда кто обжаловал, – пожимаю плечами. – Копию дадите?» – «Дам, только без гербовой».

Через десять минут уже в облпрокуратуре. Мрамор, позолота, маляхитовые (?) вазоны, дворец графа Воронцова, не меньше, или скорее Дракулы... Тут же нелепым красным бархатом доска прокурорского почёта. Непередаваемого апломба прокурорские хари в голубых мундирах шастают мимо тебя, пока стоишь перед забаррикадированным входом. Металлоискатели, вооруженная охрана, лобовой атакой не возьмешь.

Месть оскорбленного Гламурного. Сначала он полчаса не берет трубку, зная, что я жду. Потом переменяет решение: чтобы получить мне копию жалобы, я должен подать жалобу, что я не получил жалобу. Но у меня с собой ни ручки, ни бумаги. Меня направляют за бумагой к дежурному прокурору (опять Крольчиха – жена губернаторского племянника). Она занята: выслушивает маразматического дедушку про какие-то пенсионные дела. Очередь возмущается – час уже болтают. «А нам в деревню назад ехать, на автобус опоздаем – ночевать негде». К дедушке Крольчиха вежлива и с улыбкой. Мне на просьбу о бумаге: «Не видите – я занята». Появляется Гламурный. Не выпуская из своих трясущихся рук, дает мне минуту не почитать даже – а окинуть беглым взглядом ответ на мою жалобу: «Чтобы вы потом не говорили, что я задним числом сочинил». Выдает мне единственный чистый лист бумаги и ручку для написания жалобы о неполучении ответа на жалобу – тут же указывает, что не так я оформил шапку жалобы-жалобы и убегает. Во всем этом дворце Дракулы-Воронцова чистого листа бумаги мне не найти. Вот оно – холодное торжество Гламурного прокурора. Перечеркиваю шапку, переворачиваю лист – пишу по новой. Жалобу-жалобу надо подавать Крольчихе, очередь. Деда насилу выгнали. Теперь молодая продавщица из района жалуется на банк «Русский кредит» – просрочила кредит, хотя и платит, а не скрывается. Стали угрожать, ломятся в дом, приходят на работу в киоск. Говорит, что обещают убить. Ни милиция, ни местная прокуратура не реагируют. «Я, конечно, приму ваше заявление, если настаиваете, – Крольчиха всегда вежлива и соперничает, – но вам лучше обратиться в местный суд, узнать не выносили ли они решение о взыскании с вас денег». Моя очередь. «Я вас помню, вы к нам обращались уже», – и снова улыбается. А чего ей не улыбаться.

Вечером Натали вдруг начинает говорить, что в феврале меня посадят. «Это тебе сон, что ли, приснился?» – «Нет, это мне интуиция подсказывает», – ясно, что она не шутит. И хотя февраль ну никак не вписывается даже в самую ускоренную систему судопроизводства – на душе становится противно совсем. Ну не февраль, ну – май, ну – август. Когда-то что-то случится. И так три с половиной года, считай, у тюрьмы выиграл. «Зачем, избегая судьбы, тосковать по судьбе?» Начинает расспрашивать (ни одной нотки иронии): «Это сначала тебя в СИЗО?» – «Да, примерно на месяц-полтора, а после кассации – на этап и в колонию, куда-нибудь в Мордовию». – «Никакой Мордовии. Д. же сказал, что по месту жительства сидеть будешь».

Несколькими часами раньше разговор с другом Андреем, продавцом сувениров и философом-самоучкой, о моих мытарствах: «С одной стороны это расплата за яркую жизнь, за успех. Пошел бы работать на завод после школы, ничего бы не было, хотя ты и на заводе бы нашел приключений. С другой стороны, это же явная избранность – все лучше, чем если живешь, а умер при жизни». Молчим. Андрей – о своем, я о своем.

Вчера близорукий Андрей за рулем своей «Волги» чуть не отправил на тот свет меня и Натали, болтая по телефону и одновременно разворачиваясь направо через два ряда со второстепенной на скоростную трассу. Оправдание только в том, что это мы ему кричали: «Направо!» – чтобы не пропустил поворот. Да не этот, а следующий. «Простите. Только не бейте!» – успел крикнуть Андрей выбежавшему габаритному водителю «десятки» с хорошими тормозами и реакцией. «У меня же в машине ребенок!» – кричит на ходу детина и замолкает, увидев, что оба правых места «Волги» заняты. Я посмотрел в глаза озлобленному человеку, только что спасшему жизнь мне и моей жене. Что он увидел в моих?

<...>

9.01.2013. Новый год, новая 217-я

Страшные и могучие русские новогодние каникулы прошли трезво. Только на Рождество в гостях у тещи выпил по полбутылки шампанского и бордосского. Завтра начинать 217-ю (ознакомление). Две недели, минимум, каждый день ездить в СК на пару-тройку часов. Приехал сегодня, а моего упыря-то и нет. Уехал кого-то вязать. Думаю, что это дело по взятке у областных экологов (замначальника управления и клерк) – как раз сегодня брали. Схема один в один как с моей взяткой, да и брали на соседнем этаже в моем бывшем офисе. И гэбня при делах – сразу видно. Вот так совпадения.

Короче, через чужое горе мне дополнительный день отдыха. Это моя четвертая 217-я! А должна быть и пятая, если взятку не закроют-таки на следствии. Теоретически может так случиться, что я буду одновременно выполнять две 217-х. Таких рекордов наш славный УПК еще не видывал. Жаль, что не допустят. Я бы обратился с ходатайством, чтобы разъяснили, в каком порядке и на основании каких законов мне «вычитывать» свои дела. «Тут читать, тут не читать».

Все время прикидываю, когда должен состояться суд «по существу». Все к тому: апрель – май. В два месяца уложатся. Что ж, отмечу день рождения, потом фарфоровую свадьбу, потом и Пасха, и только потом в тюрьму, если что.

Зимой в тюрьму страшно, а весной или летом – вроде и не очень. Это я себе вбиваю в голову зачем-то. Пытаюсь себя уговорить стоять до конца. И будь, что будет. А соскочишь в сторону, на деятельное или условное, будешь жалеть всю оставшуюся жизнь. Хотя бы потому, что у тебя не будет ответа, а что было бы, если стоял до конца?

19.01.2013.

Опять забросил записки – десять дней не писал сюда. За это время закрыли взятку за отсутствием состава преступления. По этому поводу написал что-то вроде рассказика «День упыря». Я вообще за последние два месяца неожиданно для себя стал превращаться в «писателя». Кроме этого дневника написал пару рассказов про свои школьные годы. Думал, на этом сюжеты закончатся – жизнь на самом деле скучна на сюжеты, если не врать самому себе. Ни фига – уже вот шесть рассказов набежало. Удивительно, но такая писанина дает тебе силы.

Закрытие трех-с-половиной-летнего дела по реабилитирующим обстоятельствам – это круче некуда. Кроме того, это компенсация. Что было бы очень полезно. Ведь только двум первым адвокатам отдали миллион сто. Д. платим по дням – сложно сразу посчитать, сколько набежало, но тысяч под триста, наверное, уже есть за пятнадцать месяцев.

Увы, от мыслей подать на компенсацию до завершения суда по растрате и электрику придется отказаться. Обычная, неофициально узаконенная Генеральной прокуратурой практика – 100-процентная отмена реабилитирующих постановлений и приговоров, если оправданный обращается за компенсацией.

Выводы такие: надо стоять до конца, я им надоел – больше, чем они мне. Следовательно, 217-ю надо тянуть, мозолить глаза. Еще моими темпами семь рабочих дней до вещдоков, потом еще два дня на дуракавание, потом выйдут в суд. Ну, еще максимум три дня. Получается, пятое – седьмое февраля. ОК. Плюс десять прокуратура, плюс тридцать – и в суд.

Если все так пойдет, первое заседание – середина марта. Тут и время закончится «Дневнику обвиняемого», поскольку буду я уже не обвиняемый, а вполне себе третий раз подсудимый. Опять до пропасти – один шаг. Но мы его отодвинем. Будем заявлять ходатайства о признании ВСЕХ доказательств незаконными, а заодно пытаться вывести гражданский иск в отдельное производство и заявить срок давности. Тем более нашел, что безумная хамка-корейка, новый главбух газеты, за каким-то на допросе заявила, что изучала в 2010 году, как только

пришла, всю эту мою «деятельность» с 2006 года, считает, что по мне плачет гильотина. Но за три года никаких действий по возмещению ущерба не предприняла. Короче, давность пропущена, а откуда высчитывать срок, она подсказала сама. Когда на тебе, кроме ожидания несвободы, висит еще и дамоклов меч разорения для твоей семьи – совсем не айс.

И еще одна плохая новость: вроде как суд вправе, рассмотрев доказательства и заслушав свидетелей, признать все это допустимым. То есть, несмотря на грубейшие процессуальные нарушения на следствии. Я не понимаю, да и Конституция это прямо запрещает. Но когда тебе об этом говорит практикующий профессор кафедры уголовного права, в Конституцию перестаешь верить.

Вот что за жизнь у меня – никакой середины. Сажать так сажать, оправдывать так оправдывать.

Сразу после оправдания по взятке написали жалобу в Генпрокуратуру. Наконец. Да и хорошо, что не писали раньше – абзац про оправдание очень кстати. Хочется надеяться, что проверка по жалобе начнется до подписания ознакомления. Может, прокуратура сама отскочит и не подпишет обвинительное заключение – но это слишком дерзкие мечты. Не для путинской России, где безнаказанность силовиков не знает границ. Ах, как я верил прошлой «белоленточной» зимой надежд, что (пусть даже и Путин останется) к осени начнутся перемены к лучшему. От правового беспредела к правовому государству. Увы, мне. Теперь мечтаю, что года через три...

<...>

14.01.2013.

ЗАКРЫЛИ ЗА ОТСУТВИЕМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДЕЛО, КОТОРОЕ ДЛИЛОСЬ 3,5 ГОДА И КОТОРОЕ ПРОДЛЕВАЛ И КУРИРОВАЛ (ИЗ-ЗА ДЛИТЕЛЬНОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ) ПЕРВЫЙ ЗАМ БАСТРЫКИНА. Теперь законных способов меня запрессовать не осталось ни одного. Дело по взятке сдавалось в суд и закрыто. Все – конец спектакля. См. ст. 252 УПК: «Обвинение, ставшее предметом судебного разбирательства, не может быть произвольно расширено». (Цитирую по памяти.) А новое дело – растрата и злоупотребления – тоже побывало в суде. И ВСЕ доказательства признаны незаконными – самой прокуратурой, кстати. Но упряму упырей поем мы песню. Скоро будем смотреть, как два-три деятеля (без фамилий) прессуют судейский корпус с целью взять их прокурорско-следовательно-гэбэшные, вежливо говоря, косяки на себя. А будет лучше или нет? Все движется к весенней развязке. Без

развязки – что за спектакль?! По закону, кстати, прокуроры от имени государства обязаны мне принести публичные извинения. От следака не дождался, естественно.

17.01.2013. А судьи кто?

Когда говорят, что все судьи у нас продажны, мне как постоянному клиенту хочется вступить за честь своего супермаркета. Печальный опыт длиной в три с половиной года в статусе обвиняемого по трем уголовным делам подсказывает такую, может быть, чересчур прямолинейную, градацию: треть судей первой инстанции по уголовным делам являются независимыми (нельзя надавить) и высокопрофессиональными. Часто за глаза их называют «камикадзе». Правда, если дело заказное, оно к честному судье не попадет 100%.

Вторая треть – «обычные». Такие могут быть профессионалами или не очень. Они могут казаться честными самим себе, но не смогут отказать тому, кому нельзя отказать. «Не камикадзе». У них обычные для людей слабости – бытовой алкоголизм, болезненные месячные или приближающаяся пенсия. Они чаще бегают советоваться наверх и при этом косячат больше других. На каждого из таких судей есть свой приводной ремень.

Последняя треть – это специальные судьи, очень грамотные и циничные, которые для интересов обвинения пойдут на ЛЮБЫЕ нарушения законов. Все они – бывшие прокуроры. Если ваше дело заказное, то оно 100% попадет к такому судье. В общем, разные судьи – итог один.

Если мой майор-важнячок пытается меня чем-то припугнуть, он просто называет фамилию судьи – К. Собственно, я к нему попадаю в 70% случаев. А вот разведенной судьихе М.Б. я даже понравился. Передает через майора: «Пусть он на мне женится». Не знаю – плакать, смеяться или бежать разводиться, пока не засудила. Но лучший комплимент от важняка: «Мы с прокуратурой и ФСБ костями ляжем, но к судье такому-то это дело не попадет».

Есть у нас один такой.

Да, я сознательно оговорил вначале: речь о судьях первой инстанции. Их простой смертный может хоть как-то рассмотреть.

Все остальные судьи (кассация или надзор) для меня как боги. Они могут карать, могут миловать, могут гневаться, могут шутить. Но ты никогда не узнаешь почему.

<...>

1.02.2013.

А вот и февраль, доковыляли. Неделю провалялся на больничном. То за сорок четыре года ни разу не брал, а тут за месяц – два. Надо, значит, надо. Диагноз – межпозвоночная грыжа, но мелкая пока. Думал, подольше поболеть, но поскольку Г. мое первое боление на свой контроль поставил – запросы в поликлинику слал, то и во второй больничный меня врачаха быстро вытолкала на работу. А работа моя все та же – чтение уголовного дела. Сегодня подписал окончание шестого из девяти томов. Еще недели полторы-две помозолю глаза своему важняку. Надеюсь за это время получить хоть какие-то ответы из Москвы.

Денег просто нет. Отключился неоплаченный телевизор. Долги перед адвокатом – те же тридцать три тысячи. Вчера пришлось «заплатить» жене за секс. У меня было десять тысяч на ремонт машины, а ей нужно было три восемьсот – за газ. Лежит на диване без трусов – я глажу ее ноги. «Ты же платил... вот и мне заплати». Ей, конечно, хотелось больше, чем мне, – вот и дразнила. Забрала утром четыре тысячи. «А на сдачу – поцелуй». Сегодня весь день смеется, что за деньги лучше получается. Хорошо, когда хорошо. А Газпром, кстати, пытался обмануть на десять тысяч – записали фальшивые показания счетчика, а я и не проверил.

Весь день сличал допросы основных свидетелей. Старые допросы слово в слово совпадают с новыми. Изредка поменяет пару вводных слов или абзацы местами. Грамматические ошибки кочуют из одного тома и года в другой. В одном протоколе фамилия моего старого адвоката, который в новом деле не участвует. В экономической экспертизе просто переставили дату. То есть ни одного допроса по существу в деле нет, хотя подписи свидетелей есть. Думаю, заберут это дело на юрфак для обучения студентов – как не надо делать, даже если очень хочется. Но – Натали повторяет раз за разом – не говори, не говори гоп.

Вот узнаю фамилию своего нового судьи – и оптимизм мой весь и выветрится.

Опять в новостях трупы в тюрьмах. Бессмысленные. Парню двадцать шесть лет, проходит по мошенничеству, серьезно болен, отказывают в домашнем аресте, закрывают в СИЗО, через две недели – труп. Коррупция и ментовской беспредел – давно уже главные информ-темы в России. В остальном интернет срется за сирот и за геев. Гнев уходит в свисток.

Мне бы, мне бы, мне бы в небо. «Я пришла к тебе с приветом рассказать, что Солнце село, что Луна и все планеты взяты по тому же делу».

<...>

8.02.2013.

Пятница началась с того, что я забыл ноутбук и опять лопатил вручную первый том – мало интересного. Основания возбуждения и повторы из 2009 года, когда открывали первое дело по взятке, закрытое теперь за отсутствием состава преступления. Мое дело – это вроде запуск спутника на орбиту. Первая ступень отвалилась, вторая ступень отвалилась. И вот третья, как будто, так и рассчитывал некий секретный конструктор уголовных дел.

Сегодня знакомиться буду в родном кабинете Г. – 317-м. Он меня с вахты встречает и почетным караулом через все следственное управление провожает в свой медвежий угол.

В кабинете уже сидит некто, потом узнал, что зовут его Юра. Я сначала напрягся – думал терки какие будут внепроцессуальные, но оказалось не про мою честь. Сижу спиной, листаю свой 2009 год. Пацаны трут, как будто меня нет.

Про «Русланчика». Это зам в облэкологии, недавно попал на крышевании, шьют злоупотребления – средней тяжести. Есть еще поделеньник – чиновник снизу. Посторонний терку Юры и Матвея и не поймет ни на йоту.

Г.: «Второго не надо заводить, замучимся доказывать пособничество». И долго пытается убедить Юру в этом. Юра на развод не идет – предполагаю, он из гебни – они экологов брали. Г.: «Надо решать, пока Русланчик согласен». Русланчик уже признался, и важно свалить дело в суд, пока он согласен на «особый порядок» – одним днем. Наконец Г. не выдерживает: «Да через Машу договорились уже решить».

И тут я сползаю под стол от такой наглости. (А жена мне вечером: «Что ж, ты туда без диктофона ходишь!»)

Маша – адвокат поделеньника «Русланчика», которого договариваются сейчас «вывести», потому что якобы трудно доказывать. Но таких вещей бесплатно не делают. При посторонних не стесняются, а я хоть и бывший, но какой-никакой журналист. Смех не в этом: Маша – вторая жена «Чипы», начальника отдела по борьбе с коррупцией облпрокуратуры.

Хороша Маша.

Да ладно, бывает. Вот в Железнодорожном РОВД еще пару лет назад успевали справки об адвокате навести за то время, пока он едет на первый вызов к клиенту. И сразу выкатывали первое коммерческое предложение по «мере пресечения» до суда – от 300 до 500 тысяч. В редких случаях до миллиона, в исключительных, если человек реально бедный, «соточку» всего. В доле были все, и никто ничего не скрывал.

Постепенно по делу «Русланчика» собирается пять человек и тереть им при мне неудобно – уходят в кабинет начальника отдела. Остаюсь опять один, и думаю: «от Маши» на пятерых делить будут или только первые двое? Начальника отдела мой важняк ненавидит и, похоже, стремится занять его место.

К концу дня пятницы болтаем как старые друзья о всяких уголовно-кадровых делах. Задаю вопрос о судьбе генерала – начальника управления. Летом контракт истекает, а ему уже 62 года. Г. не сразу, под навоящими вопросами про разных замов, рассказывает, что на это место метит первый зампрокурора области Х., который мое первое дело «запускал» и потом подписывал в суд. О как. Х., оказывается, дважды безуспешно подавал документы на прокурора области – Липецкой и еще какой-то. Теперь вот новый кульбит. Из прокурорских в бастрыкинцы не берут, но если кто-то сильно попросит. Почему бы и нет.

Покупайте генеральские должности только у официальных дилеров!

Дальше болтовня у нас про старые дела. Как один следак следственного комитета (Г.) за другим (Кр.) гонял по городу на 170 км в час – меченую взятку пытался догнать. Не догнал, но на годе условно пришлось договориться.

Меня интересует Кр., поскольку нас брали в одну неделю – в конце августа 2009 года. Три громкие взятки с одинаковой суммой в 100 тысяч, каждая с заведомой подставой и следом от ФСБ. Совпадений не бывает – это придумал один мозг, но вот фамилию, так чтобы 146%, я не скоро узнаю, если узнаю вообще. В принципе, вариантов немного – две-три-четыре фамилии потенциального заказчика моего дела. Но тот, кто светится на поверхности – не из ФСБ. А след ФСБ – жирнейший. Мозгуй, Шура, мозгуй. В ФСБ сменилось руководство на иногороднее. Если есть заказчик из гэбэшников, то из местных о трех звездах где-то. Или, думаешь, существует ОПГ, где один генерал держит за ниточки в разных ведомствах? Да нет, фантастично звучит. Скорее дело было так: собрались попариться три генерала (или почти

тогда генерала) – прокурорский, гэбэшный и ментовской. Наметили нужные жертвы. Ведь и жертв было три – случайно ли или по квоте от каждого? Или всех от гэбни «предоставили»? Потом судьба этих генералов разбросала, а мое дело оказалось слишком длинным и живет своей жизнью, но один за ним присматривает для порядку. Ведь даже месть за такие сроки испарится. А вы что думаете, гражданин генерал?

Единственный человек гэбни, который мог это замутить, уже в отставке – тешу я себя. Вот именно, что тешу. А-то новых шакалов, помоложе, на мою шею не объявилось за эти годы!

И если уж сопливый капитан гэбни может ходить в облсуд «просить» против меня... Впрочем, это и приятный момент – пока не генерал и даже не майор.

За такими мыслями и заканчивается рабочий день, неделя. С учетом выходных я выиграл у судьбы три дня.

Уходим «с работы» с Г. вместе. Мы, к слову, и живем по соседству – его всегда раздражало, что перед обыском надо спозаранку на работу переться, а затем возвращаться, когда можно было бы сразу. По новому моему адресу он провел два обыска из шести.

Оказывается, после получения взятки в яхт-клубе Кр., а за ним Г. начинали свою гонку на нашей общей улице – Ломоносова, потом делали шикану на Московском проспекте – я там каждый день разворачиваюсь. Г. не за рулем был, а пассажиром. Кр. благодаря 170 км/ч своего добился – меченые сто косарей разлетелись по всему Воронежу. Иначе бы годом условно не отделался. «Какая ж тачка у него была?» – «Фокус».

12.02.2013.

Кто я? «Преступник, разгуливающий на свободе». Стало быть, есть она, свобода.

Месяц назад отправил обращения в адрес Уполномоченного по правам человека Лукина и председателя президентского Совета по правам человека Федотова. Сегодня получил ответ от Администрации Президента (Управление по обращениям граждан – куда я НЕ обращался), что моя писулька переправлена в Генпрокуратуру. Те, не сложно догадаться, отправят местным прокурорам, и круг замкнется. Причем, из ответа АП даже неясно, какое из моих обращений отфутболили без разбору. То есть все эти распиаренные правозащитники на гособеспечении – от них не то что правды добиться, но и просто достучаться нереально?

И чего дальше делать – профилактическая голодовка, самоожжение в несгораемом балахоне или вооруженный арбалетами мятеж? Или в мэры выдвинуться?

У нас с мэром следак один на двоих. Говорит, как только откажется баллотироваться на второй срок – дело на мэра тут же закроют. Может, тогда я вместо мэра порулю чуть-чуть, чтобы и мое дело закрыли?

14.02.2013.

«А вы приезжайте не к одиннадцати, а минут на двадцать пораньше. Освежите в памяти свои показания. Вы же понимаете, как нам ВСЕМ важна эта очная ставка. Запишите мой мобильный телефончик». «Нет, ты ему сейчас не звони. Я ему только что звонил, мне его голос не нравится и интонации упаднические. Звони завтра в девять. Он пока нейтральный. Но важно, чтобы он по своим показаниям шел слово в слово. Позвони ему в десять, чтобы он ко мне заранее подъехал, и напомни, что он тоже не безгрешен и что мы все о нем знаем. Чтобы не думал раскисать. Звони ему в без двадцати десять, потом сразу мне».

Прошлый раз не стеснясь при мне взятки пилили. Теперь вот...

Натали: «А ты думаешь, твоих свидетелей не так же прессовали? Не вздумай только в фейсбук писать. Это не наша война».

Ну вот – «токмо волею пославшей мя жены» – ни одной фамилии не произнесено.

<...>

18.02.2013.

Понедельник, накануне двое суток безуспешно пытались разыскать своих должников. Мы отдавали людям в долг – и под честное слово – часть денег после продажи квартиры (квартиру продавали в 2009 году, чтобы расплатиться с адвокатом У.), возвращать они не торопились. Мы под их долги назанимали сами. Теперь это становится серьезной проблемой. Попытки урегулировать взаимоотношения в возникшем финансовом треугольнике – ничего приятного. Днем дозвонился-таки – мадам должника начала по телефону кричать, что ее не устраивают условия переуступки долга. С учетом прослушиваемого телефона ее болтовня очень вовремя. Я собственно при переговорах не участвовал – только свел людей, кому я должен и кто должен мне. Вечером поеду встречаться. Сердце болит. Позвонил Г. – предупредил, что не приеду. Вежливый такой по телефону, как чует, что у меня проблемы.

Весь вечер занимаюсь челночной дипломатией. Четыре нервных визита. Итог – устная договоренность об условиях переуступки до-

стигнута. Завтра-послезавтра люди должны встретиться между собой и закрепить все договоренности на бумаге. Если ничего не сорвется, будет где кредитоваться до конца процесса.

Натали моих нервических усилий не оценила. Пока я в одиночку уплетаю поздний ужин, сыплет бесконечными упреками про то, что «не такую судьбу я себе желала». «Если бы в 1996 году мне было бы, где жить с ребенком, я бы к тебе не вернулась». «Если б не это уголовное дело, и ты бы лизал новому губернатору, как все лижут». «Не строй из себя Ходорковского, и Ходорковский бы лизал, если бы не посадили». Ну и справедливое: «Пока ты не изменишь свое отношение к миру (это про диван и ночное бдение), и в твоём деле ничего не изменится». В конце сцены отдал ей пять тысяч – брала в долг на работе.

Бруна, старшая из некастрированных кошек, вторую неделю срет в зале по ночам, метит. Раньше такое уже бывало. Она после обыска полуторалетней давности и гибели всего помета не может забеременеть. Это гормональный сбой, и либо отвозить лечить на несколько месяцев в другой питомник, либо кастрировать. Натали обещает кастрировать ее уже год, но пока говно убираю я, у нее рука не поднимается.

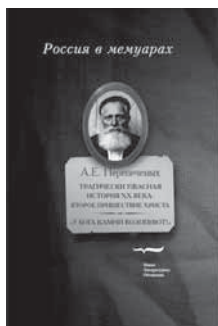
Завтра годовщина смерти отца. Двадцать один год. Тогда был дикий мороз, минус двадцать днем, и очень сильный ветер. После известия о смерти я шел три остановки до больницы пешком, но тела мне не показали. Я каждый год сравниваю погоду – еще ни разу не было такого холода, как в тот день. Думал, именно в годовщину ознакомление подписать, видел в этом какую-то мистическую связь, но выгадал еще два дня и кто знает, где они пригодятся.

После откровений про племянника губернатора и мои финансы, этот дневник обречен лежать «в столе», если я не хочу схлопотать лет пять-шесть реального срока. Если представить это мое дело как игру в футбол, то счет уже 3 : 0 в мою пользу. Два возврата из суда и закрытие взятки по реабилитирующим. Только один их «гол» – а гол этот может быть только из офсайда – перевесит все мои.

Двадцать лет назад во время локальных гражданских войн при распаде СССР «победители» играли в футбол головами побежденных. Место, время, люди – все сошлось и сплелось в какой-то противоестественный ужастик, и мы участвуем в его новых сериях.

<...>

(Продолжение следует.)

«У Бога камни возопиют!» Рассказы А.Е. Перепеченых / Вступ. статья Шуры Буртина, коммент. и статья «Двадцатый век Александра Перепеченых» А.А. Панченко, историч. справка Шуры Буртина и Сергея Быковского. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. 256 с. С ил.

Алексей Мокроусов

Мемуары против страха

«История нашего знакомства с Александром Евгеньевичем такая...

В 1995 году я работал в газете “Московские новости”. Как-то весной редактор отдела религии вызвал меня в коридор, и я увидел, что там сидят два белобородых старика, с посохами и в кепках. Вид у них был совершенно “дореволюционный”, они выглядели как кусок какого-то совсем иного мира. Старики сидели очень спокойно – словно не они пришли к журналистам, а наоборот. На мой вопрос объяснили, что они “истинно-православные христиане” и могут поведать о Втором пришествии Христа...

Это были Егор Пахомович Лепехин и Александр Евгеньевич Перепеченых. Они рассказали, что приехали в Москву из Воронежской области поработать в архиве (они искали следственные дела своих единоверцев, погибших на Соловках)».

Так начинается вступительная статья журналиста Шуры Буртина к книге Александра Перепеченых «Трагически ужасная история XX века. Второе пришествие Христа». Читать ее страшно. Автобиография русского крестьянина, участника движения «истинно-православных христиан» – одного из ответвлений «катакомбной церкви», так называемых федоровцев – посвящена судьбе верующего в СССР. Сам Перепеченых (1923–2013) многие годы провел в лагерях и тюрьмах,

где томились такие же православные, в последний раз он был арестован и осужден по указу о тунеядстве 1961 года. Но значительную часть жизни ему довелось прожить среди единоверцев в удаленной деревне Старая Тишанка Таловского района Воронежской области. Несмотря на сопротивление властей, после войны здесь удалось обосноваться общине федоровцев (сегодня эта деревня вымирает). Жизнь и в 50-е была нелегка, пропаганда брала свое в советских людях, окружающие не скрывали ненависти: «В школах детей (катакомбников. – *Ред.*) избивали, учителя натравливали на них других детей, чтобы их дети рядом за партой не садились, вслед нашим детям кричали: сик, сик, сектаны, белогвардейцы. Вот в таких условиях учились наши дети. Дошло до того, что стали бросать камни в окна. Мы обращались к местной и районной власти. Они приедут, посмотрят на разбитые стекла и уедут. Даже летали камни к инвалиду, участнику двух войн, к нему камень попал прямо на койку. Мы спрашивали приезжающих представителей властей: “Вы что вместе с хулиганами?” Власть, как обычно, отмалчивалась. В Москве это время называли Оттепелью».

Книгу составили из подготовленных ранее к печати текстов и фрагментов (в свое время их собирались выпустить в Воронеже, но проект так и не был осуществлен). Их сперва отредактировали в соответствии с общими нормами, а затем вновь вернули текст к авторской орфографии (она замечательна, что видно по цитатам) и пунктуации. Кроме автобиографии публикуются и рассказы Перепеченых, записанные разными журналистами и литераторами, а теперь сведенные в одно целое.

Текст самих мемуаров оказался в итоге разбит на 20 глав. Названия говорят сами за себя: «Святая Русь до революции», «Деветнадцатый век. Материалисты сатанисты», «Ежовская рукавица», «Борьба коммунистов с религией в войну и после войны», «Казни на воле», «Новый человек XX века». В отношении последнего рассказчик не испытывает иллюзий, давая ему по-прежнему актуальную характеристику: «Если бы человек XX века имел бы какую-либо веру, старался бы искать, узнать, потому что ведь время смутное и все перевернутое, он обязательно бы докопался. Но поскольку его завели в неразбериху, он вошел в полное неверие. Он не верит никому. Он верит в то, что если человек умрет, то туда никто не придет и бутылку не принесет, пей тут, Ванька, и гуляй, время не теряй, бери от жизни все, так учила 70 лет советская власть, вот он и пьет, как во дни Ноя».

От описания быта советских концлагерей, с их отношением к заключенному как к падали, неподготовленному читателю может стать

плохо. Официальная пропаганда, с ее мифом о перевоспитании и перековке, не выдерживает встречи с реальностью, где уголовники играют на человеческую жизнь, а охранники используют убийц как помощников в уни(что)жении политических, к которым принадлежали и «катакомбники», отказывавшиеся выходить на работу: «Как только христианин не выходит на работу, они (чекисты. – *Ред.*) подготавливают свешников и вместе с надзирателями нагло тащат его в дикую бригаду, где отпетые мясники, суки, овчарки – у них: дрын, обух, лом. Если не будешь работать и не заработаешь им пайку, они если не убьют, то почки и печень точно отобьют. Почахнешь, почахнешь и дуборя сиканеш. За ногу отволокут под мох, а там вечная мерзлота и он долго, долго лежать будет. А чекисты ни в чем не повинны, чисты, воспитали и списали, на тот свет отправили».

Перепеченых приводит множество примеров издевательства над верующими в лагерях. «Меня сначала отправили в лагерь Пчелиновка г. Бобров Воронежской обл. где я встретил верующих старушек. Богоборцы не смотря на войну свирепо распровлялись с верующими не смотря что они старушки. Этих старушек за невыход на работу в религиозные праздники ставили на мороз в худых ботинках и во рваных фуфайках. А холод доходил в войну 40 и более градусов.

И я по своему убеждению к ним присоединился. Меня так-же ставили на мороз морозили всю зиму...»

Это далеко не самые страшные примеры издевательства над людьми, о которых вспоминает автор. Он рассказывает и о священниках РПЦ, которые не просто сотрудничали с КГБ, но давали показания в суде, рассказывая об услышанном от старушки-прихожанки на исповеди.

Многие страницы книги напоминают тексты Примо Леви и других заключенных нацистских концлагерей (см., например, рецензию на книгу Леви «Канувшие и спасенные» в 24-м номере «Неволи» за 2011 год). Впрочем, о таких параллелях вспоминать сегодня неприятно. Жестокость была всюду, но осмысляют ее выборочно.

Все эти жуткие и по форме, и по смыслу сцены Перепеченых описывает с поразительной внутренней стойкостью. Сам он выглядит человеком исполинских масштабов, благодаря таким, как он, еще теплится надежда на лучшее. По справедливости оценивая палачей, он не проявляет к ним ненависти – как и об официальной церкви, пишет без очевидного осуждения, но его отношение легко понять по контексту: «те которые боролись за веру не поддавались не соглашались и не уклонялись от веры, их отправляли на далекий север Колыма, Вор-

кута и т.д. и т.д. Их там обливали водой на морозе 50–60 градусов, они были ледяными столбами. И вот так уничтожали православных. А в церкви патриарх Алексей I пел: Многое лето, многое лето Иосифу Сталину». Кстати, именно из-за упоминания «кремлевского горца» в церковных молитвах после открытия церквей во время войны многие крестьяне отказались участвовать в храмовых богослужениях, так и не выйдя из религиозного подполья.

Книга Перепеченых увидела свет в рамках серии «Россия в мемуарах», одной из лучших на нашем книжном рынке. Впрочем, конкуренция среди издателей воспоминаний невелика. Несмотря на очевидную популярность жанра, кроме задуманной Солженицыным «Всероссийской мемуарной библиотеки» вспомнить здесь особенно нечего. Собрание рукописей «ВМБ» огромное, одних лишь мемуаров советских граждан более 400, а всего коллекция насчитывает более 2000 рукописных материалов. Их издание, правда, идет довольно медленно – сегодня опубликовано едва ли 50 книг.

Эти мемуары – огромный коллективный портрет страны, на котором чаще всего освещаются лишь фрагменты, выглядящие как «светлые». Все же «темное» обычно замалчивалось в официальных СМИ и отправлялось туда, где только и могло, казалось, храниться – в область подсознательного, где страхи переплавлялись в панику. Чтобы процесс начался, достаточно было малейшего толчка. Место жительства не имело значения. Переводчик Лидия Черная (ее книга «Косой дождь» также вышла в серии «Россия в мемуарах») рассказывает, как после войны у коллеги по Радиокomiteту прямо с рабочего стола пропали две старые книги еврейской поэзии. На одной из них стоял автограф отца мемуаристки. О последствиях подобного чтения в разгар антисемитской кампании можно было только догадываться. «На основе двух книг, украденных [“ортодоксальным партийцем”] Бурановым, можно было отправить в ГУЛАГ пол-Радиокomiteта и в придачу еще полсотни моих знакомых». В итоге Черную вскоре «просто» уволили, она оказалась безработной. Ее знакомым по редакции Иновещания повезло меньше. Зимой 1948/49 года они собирались пожениться, но вдруг арестовали жениха – возможно, из-за старого дела, когда он, еще работая в газете «Труд», пропустил информацию об открытии памятника – а не монумента – товарищу Сталину.

После освобождения они все же поженились. Бывшие коллеги пришли к ним в гости. «Но лучше бы не ходили. Наши хозяйка показали нам усталыми и немолодыми, даже Ядя. Те флюиды влюбленности и счастья, которые от них исходили, исчезли. Да и как могло

быть иначе? Конечно, они оба были героями: все преодолели, чтобы оказаться вместе. Однако страшно подумать, что им пришлось пережить».

«Страх съедает душу» – название фильма Фассбиндера кажется универсальным определением эпохи.

Каждый, впрочем, борется со страхом по-своему. «Дневник» Софьи Островской (1902–1983) воссоздает многие страницы советской истории. Автор возглавляла уголовный розыск на железной дороге, сидела, переводила, дружила с Ахматовой... читаешь ее не отрываясь: наблюдательна, остра на язык, очевидно даровита. Но как здесь не хватает рассказов о второй, потаенной жизни Островской! Дружба дружбой, но лагерная атмосфера распространялась и по ту сторону проволоки. Островская трудилась секретным сотрудником в НКВД, писала отчеты о встречах с той же Ахматовой.

Знала ли она, что истина рано или поздно всплывет? По каким причинам решила обойти щепетильный вопрос стороной, оставив свой автопортрет (любой дневник – так или иначе создаваемый и цензурируемый самим автором автопортрет) симпатичным и незаконченным? Правды об отдельно взятом человеке уже не узнать, здесь не помогут ни дневники, ни мемуары. Но в них остается воздух эпохи, свободной и затхлой одновременно.

Уголовно-арестантские поговорки

Пока солнце взойдет...

Это было давно, лет семнадцать назад... В середине – конце 90-х годов прошлого столетия созрела у меня славная мысль: почему бы не собрать коллекцию «блатных» пословиц да поговорок и не выпустить ее отдельным изданием? К тому времени знал я этих поговорок немало, поскольку, помимо всего прочего, лет восемь трудился над «Толковым словарем блатного русского языка», в некотором смысле продолжая труды тяжкие Владимира Ивановича Даля. Толкования мои, однако, были зачастую более объемные, нежели у великого предшественника: все-таки язык уголовный и арестантский тесно связан с бытом преступного сообщества, который мало знаком широкому читателю. При толковании слов приходилось использовать и пословицы, и фразеологизмы, и устойчивые словосочетания от Ваньки Каина до наших дней. Впрочем, за основу я брал большей частью поговорки нового времени, а «дремучие» привлекал тогда, когда прослеживал связь «дней нынешних и дней минувших».

Толковый словарь так пока и остался незавершенным: если подходить серьезно, труд этот требует многолетних усилий при полном отрешении от всего остального.

Я понял, что окончательно «зашиваюсь» и бог весть когда смогу завершить этот свой тяжкий труд. Пока солнце взойдет, роса очи выест. Вот и решил помаленьку делиться поговорками из своей коллекции с читателями «Неволи». Выбирая, разумеется, наиболее любопытные примеры с интересной историей. Системного подхода от меня не ждите. Я предлагаю вам то, что мне кажется наиболее любопытным.

Извозчики и пирожки с гвоздями: запрет на слово «молодец»

Для затравки поговорим о некоторых поговорках, связанных с запретом отдельных слов в «крытках» и на «зонах», а также о том, почему, собственно, на эти слова существует табу. Есть, знаете ли, такие слова. Например, «правильный арестант» никогда не использует в рассказе слово «свидетель» – только «очевидец». Естественно, никто в тюрьме или колонии не прощается словами «до свидания» – только «пока», «всего», «будь», «счастливо». Оба запрета в принципе легко объяснимы. Свидетель – понятие судебно-процессуальное, а не «людское» (это понятие в уголовном жаргоне означает – человеческое, справедливое). Обвиняемым и подсудимым нередко приходилось сталкиваться с так называемыми «подсадными», «ментовскими» свидетелями – людьми, которые по разным причинам готовы были подтвердить вину человека, хотя ничего не видели и не слышали на самом деле. Помните, как в рязановской комедии «Берегись автомобиля»:

«– Кто свидетель?

– Я! А что случилось, что?»

Поэтому уголовно-арестантский мир табуировал слово «свидетель», заменив его «очевидцем», то есть тем, кто действительно видел какое-либо событие («очи видели»).

С «до свидания» еще проще. Фактически такая формула подразумевает, что человек вернется в места лишения свободы. То же самое и с предложением собеседнику «садитесь». Оно тоже под запретом: говорят «присаживайтесь», поскольку «сидеть» значит отбывать срок наказания.

Но эти табу не закреплены в отдельных поговорках. А есть запреты, которым «повезло» больше. Скажем, не приветствуется в уголовно-арестантском мире слово «ладно». Вместо «ладно» в значении «хорошо», «так и решим» и т. д. используются варианты «лады», «ладушки», «ладом». В ответ на «ладно» в местах лишения свободы или в «правильной» компании можно услышать: «**Ладно Машке в ляжки!**» или «**Ладно бабе промеж ляжек заправляют!**». В данном случае обыгрывается значение «ладно» – удобно (вспомним русское «приладить»). Часто в противовес, в качестве пояснения, добавляют для непосвященных: «...а у нас – **лады!** Есть и другой вариант: «**На крытке (на зоне) ладно не бывает**». Своеобразный каламбур, связанный с прямым значением слова в живом великорусском языке: «**Ладный, годный, путный, хороший...**» (В.И. Даль. «Толковый словарь...»). С одной стороны, в тюрьме или колонии не бывает хорошо, с

другой – за «колючкой» слово «ладно» не приветствуется. Хотя, честно говоря, достаточно внятного и логичного объяснения этого табу я так и не смог отыскать.

Но это – присказка. Перечисленные выше табу, увы, не имеют богатой, необычной, увлекательной истории. Совсем не то со словом **«молодѣц»** именно с ударением на последнем слоге. В местах лишения свободы и среди «достойных людей» (как называют себя «правильные» уголовники и арестанты) этим словом выражать похвалу не принято. Не приветствуется. Похвалишь – получишь отповедь: **«Молодѣц по-польски – засранец»** (что, конечно, не соответствует истине, однако, как ни странно, такое заблуждение разделяют многие из тех, кто знаком с этой присказкой). Есть и другая формула ответа «невежде»: **«Молодѣц в конюшне, а я – мѡлодец»**. Или – **«Молодѣц за возом ходит (бегаёт)»**.

Но отчего же такое презрительное отношение у российских уголовников к несчастному **«молодцѹ»**? В конце концов, речь всего лишь о смещении ударения с первого слога на последний! Не скажите... За этим «всего лишь» кроется нечто большее, нежели немотивированная неприязнь к ударению.

Обратим внимание на две последние формулы отповеди – ту, которая с «конюшной», и ту, которая с «возом». Так вот, уголовно-арестантское табу напрямую связано с городским бытом дореволюционной России XIX – начала XX веков. **«Молодцáми»** в те поры кликали в городах... извозчиков! В принципе, ничего оскорбительного в этом не было; нередко слово даже использовалось в положительном смысле. Например, в рассказе Александра Марлинского «Страшное гаданье» (1830): *«Молодец, извозчик мой, стоя в заголовке саней, гордо покрикивал: “пади!” и, охорашиваясь, кланялся тем, которые узнавали его»*.

Однако же свою роль в негативном отношении к **«молодцáм»** сыграло то, что это обращение использовалось не только к «ломовым» извозчикам, возницам с хорошим, «богатым» выездом, но и к «ванькам» – парням значительной частью из деревни, у которых не было ни собственных экипажей, ни собственных лошадей. Такие деревенские мужики занимались «отхожим промыслом» в городах, арендуя лошадей, повозки или сани, платили за аренду и жилье много, экономии на всем – и потому их выезд был плохонький, да и сам возница одевался неказисто. Именно такого «ваньку» описывает Иван Тургенев (стихотворение в прозе «Маша», 1878):

«Проживая – много лет тому назад – в Петербурге, я, всякий раз как мне случалось нанимать извозчика, вступал с ним в беседу.

Особенно любил я беседовать с ночными извозчиками, бедными подгородными крестьянами, прибывавшими в столицу с окрашенными вохрой санишками и плохой клячкой – в надежде и самим прокормиться и собрать на оброк господам.

Вот однажды нанял я такого извозчика... Парень лет двадцати, рослый, статный, молодец молодцом; глаза голубые, щеки румяные; русые волосы вьются колечками из-под надвинутой на самые брови заплатанной шапоники. И как только налез этот рваный армячишко на эти богатырские плеча!»

Хотя Тургенев не ставит ударение в слове «молодец», совершенно понятно, что оно падает на последний слог в творительном падеже рядом стоит «молодцом», а не «молодцем».

Помимо кучеров пассажирских экипажей, **«молодцами»** называли также драгилей (или дрогилей) – владельцев примитивных безрессорных телег (дрог) для перевозки угля, камней и вообще грубых грузов. Отсюда и отповедь **«Молодѣц за возом ходит!»**.

Но дело не только в кучерах и драгилях. **«Молодцами»** в городской среде называли также разного рода прислугу. Писатель Петр Боборыкин в «Китай-городе» замечал: *«Нет официантов, выездных, камердинеров, буфетчиков, одни только “малые” и “молодцы”»*.

Также **«молодцами»** именовали подручных рабочих, продавцов, приказчиков в купеческих лавках: *«Купцы или сидельцы... отпирали и запирали свои лавки и сами с молодцами куда-то выносили свои товары»* (Лев Толстой. «Война и мир»).

То же встречаем у экономиста и публициста Владимира Безобразова (1828–1889) в очерках Нижегородской ярмарки: *«...Некоторые москвичи приезжали на ярмарку с 30 приказчиками и всякого рода молодцами»*.

Уже тогда в среде горожан существовали не только «ямщицкие», но и «торговые» формы отповеди в ответ на чье-либо одобрение словом **«молодец»**, например: **«Молодѣц в лавке, при прилавке!»**. Вот у Ивана Шмелева в рассказе «За карасями» (1934):

«“Молодец, – говорит, – за словом в карман не лезет”. А Женька ему опять: “Молодец в лавке, при прилавке!”»

Но и это не всё! **«Молодцами»** кликали также... помощников дореволюционных дворников! Тех самых, о которых сложилась ироническая присказка, дошедшая до наших дней, – «младший помощник

старшего дворника». Вот что пишет «Петербургский листок» в 1883 году:

«В Пб. есть даже и такие зазнавшиеся, заживевшие “старшие” (дворники), которые требуют, чтоб жильцы из “средних”, как они позволяют себе их называть, первые им кланялись.

“Не поклонится – дров вовремя не отпущу, кран в самое обеденное время прикрою, ейных собак метлой велю молодцам-подручным жарить, пушай знает, кто здесь я”, – рассуждает “сам” старший».

Иронически-негативное отношение к слову **«молодѣц»** достаточно традиционно для русского фольклора. Например, оно прослеживается в поговорке **«Молодец против овец, а против молодца и сам овца»**. То же самое и в арестантском мире дореволюционной России. Так, Всеволод Крестовский в «Петербургских трущобах» приводит следующий диалог:

«– ... А ты как его знаешь?

– Рамзю-то? Сами с тех мест, олонецкие.

– Олонецкие? Это, значит, те самые молодцы, что не бьются, не дерутся, а кто больше съест, тот и молодец? – с презрительной иронией заметил Дрожин».

Ну хорошо; допустим, **«молодец»** с ударением на последнем слоге был «скомпрометирован» всерьез и надолго, поскольку служил определением для представителей «непрестижных» профессий. Но чем **«мóлодец»**-то лучше?!

Дело в том, что слово **«мóлодец»** помимо основного значения «молодой человек» имело и значение арготическое – **«разбойник»**, **«вор»** (в смысле – мятежник, бунтарь). Некоторые исследователи предполагают, что значение это связано с общественным строем древнего Новгорода. Население города делилось на бояр, житых людей (подобие нынешнего «среднего класса»), своеземцев (мелкие землевладельцы), купечество, младших людей, смердов и холопов.

Молодшие, или «черные», люди (большей частью ремесленники, мелкие торговцы) составляли основную массу населения Новгорода, были наемными работниками у бояр и житых людей. Поскольку они являлись свободными (в отличие от смердов и холопов), младшие люди участвовали в вече и нередко поднимали различные бунты и восстания. К этому сословию, видимо, принадлежал и быллинный

богатырь – новгородец Василий Буслаев, который подобрал дружину из тридцати «удалых добрых молодцев» под стать себе. В былине, повествующей об этом знаменательном событии, прямо повествуется о том, что это за «мóлодцы»:

*И написал он писемышко,
Что «Тати-воры-разбойники ко мне во двор,
Плут-мошенник к моему двору,
Не работы робить деревенския,
Пить зелена вина безденежно!».*

Каждый претендент должен пройти испытание: поднять одной рукой наполненную вином чару в полтора ведра и выпить ее единым вздохом. А затем бьет выпившего по голове дубиной. Кто выдержит, тот принят...

Мóлодца (даже «добра молодца») в значении «разбойник» встречаем мы и в знаменитой «воровской» песне «Не шуми ты, мати, зеленая дубравушка», которую Пушкин использовал в «Капитанской дочке». Вот как звучит зачин ее в более ранней записи 1830 года, сделанной замечательным русским певцом и композитором Иваном Алексеевичем Рупиным:

*Не шуми, мати, зеленая дубрава,
Не мешай мне, добру молодцу, думу думати,
Как заутра мне, добру молодцу, во допрос ийти,
Перед грозного судью, самого царя;
Уж как станет меня, меня допрашивать:
«Ты скажи, скажи детинушка, крестьянский сын,
С кем ты крал-воровал, с кем разбой держал?..»*

К слову сказать, одна из уголовных формулировок «правильной» похвалы – **«молодчик»** в литературном языке имеет как раз явное негативное значение: человек опасный, агрессивный, бандит, хулиган, грабитель... Достаточно вспомнить распространенное словосочетание «фашистские молодчики», которое говорит само за себя.

Ну вот, наконец мы перешли в формулировкам похвалы, заменяющим слово **«молодѣц»** в уголовном сообществе. Помимо **«молодчик»** используется также **«молоток»**. Как в «Истории одной зечки» Екатерины Матвеевой, бывшей лагерницы:

«– Ссученная она, а была в законе, ссучилась, видишь, нарядилой пошла. А Манька – молоток! Ни в какую! Ей знаешь сколько предлагали – и бригаду взять, и тоже нарядилой!»

С этим словом существует ряд иронических присказок, к которым прибегают, когда собеседник излишне увлекается самовосхвалением. Например, такая: **«Молоток! Возьми с полки пирожок»**. Разумеется, на самом деле никакого пирожка (или другого поощрения) говорящий не предлагает. Напротив, нередко после паузы следует «довесок»: **«Молоток! Возьми с полки пирожок... С гвоздями!»** (нередко также – «с котятками» и проч.).

Есть и другая присказка: **«Молоток! Подрастешь – кувалдой будешь»**. Но почему именно «молоток»? Исходя из приведенных выше иронических поговорок, можно предположить, что слово выбрано не случайно. До революции существовал способ портновской уловки, который именовался «с молотка», «в молоток», «с молотком» и т. д. Горячим молотком «выбивали» грубую ткань, придавая ей на время товарный вид. О сшитых из такого сукна вещах говорили: «*Вещица с молотка*», «*Костюмчик – молоток!*» – с издевательским подтекстом.

К сожалению или к счастью, литературный язык не сохранил табу на слово **«молодѐц»**, между тем как блатной жаргон оказался более бережным по отношению к фольклору.

Блатные наследники староверов: табу на слово «спасибо»

По уголовным «понятиям», словом «спасибо» выражать благодарность нельзя, это воспринимается опытными «сидельцами», «правильными парнями» негативно. Обычно предпочитают говорить **«благодарю», «благодарствую», «от души», «душевно», «в душу»**. Обратимся к свидетельству Андрея Кудина, востоковеда, философа и мастера восточных единоборств, который в конце 1990-х был обвинен на Украине в бандитизме и отсидел два года, пока наспех сшитое по доносу уголовное дело не развалилось. В книге «Как выжить в тюрьме» Кудин пишет: *«В тюрьме не принято употреблять слово “Спасибо”, говорят “Благодарю”»*.

Это табу касается не только устной речи, но и письменной. Екатерина Ефимова в исследовании «Современная тюрьма. Быт, традиции и фольклор» отмечает, что в малявах, ксивах, воровских прогонах и даже в обычных письмах слово «спасибо» находится под запретом:

«Нельзя “спасибо” писать, – рассказывает одна заключенная. – Я написала – он обиделся».

Заметим, что вообще-то и слово «обиделся» в местах лишения свободы находится под запретом, поскольку это может быть воспринято как сравнение адресата с «обиженным», то есть с пассивным педерастом или арестантом, который попал в эту касту «неприкасаемых» из-за грубого нарушения тюремных правил и «понятий». Следует писать – «огорчился».

Негативное отношение к формуле «показной» вежливости, по мнению арестантского братства, «излишней» в тюрьме, укрепилось в период сталинского ГУЛАГа. «Благородные манеры» могли восприниматься блатными старой формации как «фраерские» замашки, а общей массой «мужиков» (основной массы «сидельцев») – как признак литерки, то есть арестанта, принадлежавшего к бывшей партсовноменклатуре или прихлебательской интеллигенции, который подчеркивает свою «культурность», превосходство над «простым народом», а может, даже издевается над людьми. Показателен эпизод из мемуарной книги известного поэта Игоря Губермана «Прогулки вокруг барака», арестованного в 1979 году по сфальсифицированному обвинению в краже икон и осужденному к пяти годам лишения свободы. Губерман воспроизводит слова опытного зэка с несколькими «ходками», который поучал в «столыпинском вагоне» будущего создателя «гариков»:

«– Ты в лагере нормально будешь жить, потому что ты мужик нехуевый, но если ты, земляк, не бросишь говорить “спасибо” и “пожалуйста”, то ты просто до лагеря не доедешь, понял? Раздражает меня это. Хоть и знаю, что ты привык, а не выебываешься».

Существует и еще одно объяснение запрета на «спасибо»; версию эту приводит уже упомянутая Екатерина Ефимова в работе «Картина мира тюремной лирики»:

«Мысль о том, что все тюремные блага (в первую очередь святыни – сигареты и чай) в равной мере принадлежат всем арестантам, выражается как в круговом чаепитии, так и в ряде других тюремных традиций и табу, в частности, в тюремном запрете благодарить за “презенты”. Когда один заключенный передает другому сигареты или чай, “святое”, можно ответить “добро”, но не “спасибо” – чай и сигареты – “общак”, они принадлежат всей арестантской семье в целом, а не отдельным личностям».

Впрочем, следует отметить, что сегодня это табу постепенно отходит в прошлое; в арестантском сообществе все чаще встречается «спасибо» как форма благодарности. Вот что пишет журналист Григорий Пасько (обвинен в государственной измене в 1997 году, вышел по амнистии в 1999-м и повторно осужден за то же преступление в 2001 году к четырем годам лишения свободы) в тюремном очерке «Пряник»:

«По понятиям в тюрьме не принято говорить “спасибо” или “на здоровье” (могут ответить: “Что тебе до моего здоровья?”). Но если ты человек воспитанный и в таких случаях не можешь молчать, то кивни головой или скажи “душевно”. Конечно, дурацкие правила, но и они меняются: в тройниках воспитанные люди и “спасибо” говорят друг другу, и “на здоровье”. И ничего – тюрьма стоит».

Но все же это табу в прошлое пока не ушло, и сегодня с ним приходится нередко сталкиваться даже в среде «гопников» – уличных хулиганов с гипертрофированными «пацанскими понятиями».

Запрет на слово «спасибо» закреплен в нескольких поговорках «блатного народа».

Первая – **«За “спасибо” бьют (ебут) красиво»**: возможно даже, отголоски реально существовавшего наказания за неуместную вежливость. Хотя мне как-то не приходилось слышать о подобных методах. Однако на том же настаивает и вторая поговорка – **«За “спасибо” жопу рвут»**.

Видимо, все же в прежние времена за употребление слова «спасибо» арестанта действительно могли сделать пассивным педерастом. Скорее всего, поговорки могли возникнуть (или обрести особую популярность) в начале 60-х годов прошлого века. В апреле 1961 года появилось драконовское «Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах союзных республик». Было решено покончить с «либерализмом» в отношении арестантов. В тюрьме должно быть тяжело и страшно! Пусть тот, кто ее прошел, вспоминает о ней с ужасом и другим закажет туда попадать. Осужденные лишились многих льгот, завоеванных в буквальном смысле кровью. Были введены чудовищные ограничения – на переписку с родными, получение посылок и передач, приобретение в магазинах колоний продуктов питания и предметов первой необходимости; запрещалось ношение «вольной» одежды и т.д. Количество посылок-передач составляло от одной до трех в год (в зависимости от режима колонии). Вес не должен был

превышать трех килограммов. Мясо, мясные изделия, шоколад, цитрусовые, сахар и пр. были категорически запрещены. Право даже на такую жалкую передачу осужденный получал не ранее отбытия половины срока наказания. В тюрьмах передачи и вовсе были запрещены.

Нас же в первую очередь интересуют свидания. Взрослым арестантам, в зависимости от вида режима, предоставлялось от двух до пяти свиданий (длительных и краткосрочных) в год. В тюрьмах «сидельцы» были лишены и этого. Добавим: администрация имела право за нарушения режима вообще лишать зэка передач и свиданий. Все это привело к чудовищному расцвету педерастии в местах лишения свободы. Именно в это время появляются «форшмачные» (то есть позорные) «масти» «обиженных», «опущенных» – то есть пассивных педерастов.

В ГУЛАГе содомия тоже существовала (особенно после войны, когда закрепилось строгое разделение лагерей на мужские и женские). Были и изнасилования заключенных как особый вид наказания и унижения. Однако в специальные касты пассивные гомосексуалисты не выделялись. Более того, всевозможные «люськи» и «машки» зачастую жили вместе с ворами, считались их «лагерными женами». Понятия «запомоенный», «зашкваренный» появились именно в хрущевско-брежневских местах лишения свободы. Так называли тех, кто вступал в контакт с «опущенными»: брал у них из рук сигареты, еду, какие-то предметы. Или даже не брал непосредственно, но пользовался тем, чем пользовались «обиженники». Нельзя было даже садиться на стул, на котором уже до тебя сидел пассивный гомосексуалист. Ты автоматически переходил в касту «униженных и оскорбленных».

В ГУЛАГе же этих табу не наблюдалось. Воры, повторяю, жили вместе со своими «женами», чаще всего выбирая их из числа мальчишек и молодых людей (колоний для малолеток было мало, и подростки содержались вместе со взрослыми).

Итак, изнасилование за «спасибо» если и существовало, то лишь в 1960-е годы. Сейчас, разумеется, такое жестокое наказание за подобный «косяк» давно не действует, да и само табу, как мы уже упоминали, уходит в прошлое. Но поговорка осталась, и ее время от времени используют – как напоминание о неуместности «мерлезонского балета» в арестантском, «людском» сообществе. Намек на нее встречается, например, у писателя-диссидента Феликса Светова, который был арестован в январе 1985 года и осужден за «антисоветскую агитацию и пропаганду», год провел в тюрьме Матросская Тишина, затем отправлен в ссылку, откуда вернулся с началом «перестройки» (1987). В

автобиографическом романе «Тюрьма» Светов приводит поговорку о «спасибо», хотя и не полностью:

- «– Тебе ужин оставили, писатель, – говорит Гриша, – рубай.*
- Нет, ребята, спасибо, я дальше спать.*
- Здесь не говорят спасибо, за спасибо... – Петька длинный.*
- Оставь его, – это Боря».*

И все-таки – неужели активное неприятие формулы благодарности в виде «спасибо» возникло в среде заключенных ГУЛАГа и уголовников сталинской эпохи? Неужто причина такого табу – исключительно в том, что «спасибо» неуместно «за колючкой»?

Конечно же нет. Уголовно-арестантский мир всего лишь сохранил традицию, которая уже существовала у русского народа. Корни такого неприятия кроются в старом русском быту и фольклоре, где имелось много иронических ответов на формулу благодарности, выраженную словом «спасибо»: «Спасибо – много, а червонец в самый раз», «Из спасиба шубы не сошьешь», «Спасибо? Чтоб тебя скосило (и не выпрямило)!» и т.д.

Фольклорист начала XX века Евгений Иванов приводит ответ уличного торговца одному из покупателей:

«Ишь ты – спасибо! Самого бы скосило! Не ругайся, а цену делай верную! На твоём спасибе шубы я не сошью, а свою пропущу!»

Судя по всему, такое восприятие слова возникло в эпоху раскола русской церкви в XVII веке, в результате церковной реформы, которую проводил патриарх Никон. Во всяком случае, именно в староверческой, раскольничьей среде прежде всего не принято благодарить словом «спасибо». У «кержаков» существует другая формула: «Спаси (тебя, тя) Христос». По мнению староверов, в «спасибо» («спаси Бог») «Бог» оказывается без последней буквы, как бы «усеченным».

Запрет на «спасибо» существует и в казачьей среде, поскольку немалая часть раскольников бежала на Дон от «слуг антихристовых» – патриарха Никона и его последователей. Иван Хохлов и Дмитрий Власов в очерке «Рогожская старообрядческая казачья станица» пишут:

«Но более всего образов староверов в “Тихом Доне”. Мало кто обращает внимание, что вместо бессмысленного “спасибо” казаки

говорят, обращаясь друг к другу со словами благодарности, – “Спаси Христос!”».

И позднее, когда казачество в большинстве примкнуло к официальной Русской православной церкви, неприятие слова «спасибо» все же сохранилось. То же самое можно сказать и о нынешних старовеерах. Борис М. в путевом очерке «Души нечаянная радость» сообщает:

«Еще припомнилось немаловажное: как матушка Георгия во время трапезы обеденной преподнесла нам и духовную пищу, зачитав из книги “На земле мы только учимся жить” интересные события жизни отца Валентина Бирюкова и о том, что благодарить словом “спасибо” неправильно, потому что оно потеряло свое значение, не проговариваясь полностью, а слова: “Спаси Бог” – уже несут в себе пожелание спасения. Слова “спасибо” раньше не было в русском языке. Были слова “Спаси Боже”. Эти слова человек говорил в знак благодарности, наравне со словами Храни Господь, Благодарю и проч. Все эти слова означали пожелания истинного добра, заботы о тебе Бога. Теперь же спасибо – это абстрактное выражение признательности.»

И таким свидетельствам нет числа. Однако не всегда объяснения запрета однозначны. Даль и Фасмер тоже утверждают, что «спасибо» – сокращенный вариант пожелания «спаси Бог!», выражающего благодарность. Но многие старовееры полагают, что этим словом заменяется выражение «спаси бай» и потому всячески избегают его употребления, поскольку якобы бай – название языческого бога. В другом варианте – не бай, а имя идола – Аба. Интересен в этом смысле отрывок из русской народной былички «Обмиравшая»:

«– Вот что еще, касатушка, попомни: коли кто сотворит тебе какое ни на есть добро, то ты не говори ему “спасибо!” – это слово неприятно Господу Богу; а говори завсегда: “спасет тебя Господь Бог!” Иль-бо просто: “благодарствую!” А слова спасибо избегай, касатушка: неприятно оно Господу Богу. А знаешь ли, почему оно неприятно Господу Богу? – спрашивает старушка тетушку. – Где ж тебе знать! – говорит старушка. – Я тебе расскажу. Неприятно оно вот почему: в одной неверной земле люди не признавали истинного Бога и Сына его Иисуса Христа, и Духа Святого, и не поклонялись им, а поклонялись идолу бездушному, из чурбана сделанному. Имя этому идолу было: Аба. И когда омраченные мраком неверия люди покло-

нялись этому идолу, они зывали к нему: “Спаси нас, Аба!” Или просто: “Спаси, Аба!” Видишь ли теперь, касатушка, – говорит старуха тетушке, – слово спасибо и смахивает на идольское: спаси, Аба. И по этой причине советую тебе, касатушка, – говорит старуха тетушке, – избегай этого слова, а всегда говори, как я уж тебе сказала: “Спасет тебя Господь Бог!” или “Благодарствую!”»

Несомненно, и в каторжанском языке, а затем в языке тюремном и лагерном та же традиция восходит именно к народной. Так что – благодарствую за внимание.

**Тайна девяносто четвертой квартиры,
или «Осторожно – хек!»:
почему арестанты не любят слова «давай»**

Рассказ я начну с известного кинофильма «Старый Новый год» (1980). Снят он по одноименной комедии Михаила Рощина, написанной в 1967 году и поставленной в МХАТе Олегом Ефремовым. Пьеса постоянно собирала полный зал и пользовалась огромным успехом. Но еще большая популярность выпала на долю фильма, который со временем был буквально «раздерган» на цитаты, ушедшие «в народ»: «Сколько вытечет портвейну из открытого бассейну?», «Федя, веди себя прилично, ты не в школе», «Телевизоров все больше, детей все меньше», «А мы? Куда мы идем?! – Куда идем мы, куда заворачиваем?» – и далее по тексту.

Впрочем, фильм не является буквальной экранизацией комедии. Часть реплик персонажей Рощина, к сожалению, в картину не вошла, зато появился ряд новых. Сегодня трудно с полной уверенностью сказать, был ли их автором сам сценарист фильма, тот же Михаил Рощин или же новые шутки возникли «с подачи» режиссеров Наума Ардашников и Олега Ефремова. Да в рамках нашего очерка это и не принципиально. Нас интересует лишь один эпизод, связанный с «вездесущим соседом» Иваном Адамычем (в исполнении Евгения Евстигнеева). Помните, Адамыч раздобыл бутылку водки для научно-технического интеллигента Пети Полуорлова, изобретающего новую модель унитаза, и его друга музыканта Гоши? «Притаранив» заветную бутылочку, «вездесущий сосед» произносит следующий монолог:

«– Происходит впечатление, товарищи дорогие, не спит наша лестничная клетка, о смысле жизни думает... В девяносто четвер-

той квартире Иван Николаич Давай хеком подавился. Был человеком – подавился хеком...»

В оригинале рошинской пьесы история о несчастном Иване Николаиче отсутствует. Там монолог Адамыча обрывается на фразе насчет дам лестничной площадки о смысле жизни. Почему же появилось дополнение насчет хека? И зачем оно? И что, в конце концов, значит этот таинственный хек в судьбе жильца Давая? Юмор-то в чем?

Вот тут мы переходим к самой сути. А суть в том, что и по сей день многие наши соотечественники (если не сказать – большинство) не понимают иронически-хулиганского подтекста истории с обитателем квартиры № 94! Сужу хотя бы по тому, что в Интернете на страницах, где собраны яркие цитаты из фильма «Старый Новый год», зачастую приводится лишь реплика «Был человеком – подавился хеком». А ведь основной упор лежит все-таки на первой части, где человек со странной фамилией Давай хеком подавился...

Хотя странной она может показаться лишь человеку, незнакомому с арестантским фольклором. Что же, мы восполним этот пробел.

Есть у «сидельцев» популярная присказка, которая возникла еще в ГУЛАГе 1930-х годов. Появилась она как «ходовой ответ» на традиционное лагерное понукание со стороны «начальничков» и их прихвостней по отношению к энкам-работягам: «давай» и «давай-давай!». Задолбало оно арестантов до невозможности! Вспоминают о нем многие узники ГУЛАГа. Например, «политик» Николай Билетов в записках «С 32-го на Колыме»:

«Вот уж и год кончился, а у нас ни малейших перемен, живем под вечную лагерную погонялку: “Давай-давай!”»

То же вспоминает и писатель Владимир Потапов, прошедший сталинские лагеря, в мемуарах «Песня странника» (строительство Волго-Донского канала):

«На производственном совещании начальник лагеря майор Кузьмичев закончил свою речь единственным призывом:

– Давай!

– Давай, давай! – подхватили прорабы и десятники.

– Давай, давай! – вторили им бригадиры...»

В рассказе «Конный милиционер» старый лагерник Борис Антоненко-Давидович еще более красочно описывает эту формулу-подгонялку. Характеристику популярного в лагере слова «давай» автор вкладывает в уста арестанта-казаха Беймбета Кунанбаева:

«Одно-единственное и есть у русских верное слово – “давай”. Его и начальники каждый раз повторяют: “Давай на допрос”, “Давай на этап”, “Давай на работу”; и даже если зеку в кои веки выпадет что-то приятное, все равно – давай: “Давай в баню”, “Давай получай посылку”. Этим словом и пользуется Беймбет во всех случаях жизни: то ли просит в столовой свою порцию баланды, добродушно говоря: “Давай-давай-давай”, то ли когда конвоир шурфа прикажет развести костер, бросив: “Давай огонь!” – Беймбет и тогда соглашается: “Давай-давай-давай”, хоть конвоир после этого подозрительно косится на него: не издевается ли эта азиатская контра?»

Особенно часто отмечал подобный способ пробуждения «энтузиазма» эковской массы писатель-лагерник Варлам Шаламов:

«...Подчиняясь воинскому приказу, конвоиры требовали от заключенных работы. “Давай-давай” – стало привычным возгласом не только в устах бригадиров, смотрителей и десятников, но и конвоиров».

(«Жульническая кровь»)

...

«В зоне я работал плохо и никого работать хорошо не звал, ни одному человеку на Колыме я не сказал: давай, давай».

«Арестант на предложение “давай” отвечает всеми мускулами – нет».

(Воспоминания, глава «Тридцать восьмой»)

Вот тут самое время уточнить: арестанты на подобные предложения отвечали не только всеми мускулами. Существовали у них также более короткие и определенные ответы. Один из них и является ключом к разгадке тайны 94-й квартиры. Вильям Козловский пишет в своем исследовании «Арго русской гомосексуальной субкультуры»: «На “давай” отвечают: “Давай хуем подавился”».

Теперь понимаете, каким именно «хеком» подавился жилец Давай?

Жак Росси, который провел в сталинских местах лишения свободы два десятка лет, в своем «Справочнике по ГУЛАГу» приводит и ряд других поговорок, связанных с упомянутым понуканием:

«давай-давай!» – осточертевшее понукание надсмотрщиков, надзирателей, конвоиров и т.п. Ээки посмелее отвечают на него: 1. Д.-д. давно хуем подавился!.. 2. Как бы этот д.-д. поймать, да отъебать!.. 3. Д.-д. выебли, да сушить повесили».

Впрочем, последняя поговорка нынче широко используется и без «давай-давай» – просто в качестве угрозы: **«Я тебя выебу и высушу!»** Кроме того, Росси не упомянул еще одну формулу ответа на «давай»: **«Пусть тебе твоя баба дает!»** Такая отповедь построена на использовании глагола «давать» еще в одном жаргонном (грубо-просторечном) значении: добровольное и охотное участие женщины в половом акте. Отсюда производное определение женщины, легко идущей на случайные половые связи, – «давалка» – и известная поговорка: **«Я не блядь, а честная давалка».**

Итак, мы выяснили, откуда у истории о жильце из 94-й квартиры, как говорится, ноги растут.

Забавно, что каламбурчик на грани фола (а то и за гранью) легко пропустила в экранизацию рощинской комедии бдительная советская цензура. Ох, не зря говорили древние: невежество – мать всех пороков... Хотя за такой «порок» – мой низкий поклон лопоухим цензорам.

Любопытно еще одно наблюдение. Уже в 70–80-е годы на смену «давай-давай!» пришло новое словечко-подстегивание. Бывший «сиделец» Станислав Волков, попавший в мясорубку советского правосудия во время «кандроповщины», вспоминает в документальной повести «Теневики, наденьте ордена!»:

«– Резче! – кричал молоденький лейтенант, а громоздкие солдаты расталкивали нас по вагонным отсекам...»

“Резче!” – за три дня словечко стало невыносимым. Не додумались Ильф и Петров, что лексикон может состоять и из одного слова. “Резче!” – просыпайся, “резче!” – вставай, “резче!” – беги, “резче!” – управляйся, “резче!” – возвращайся в клетку. Резче, резче, резче...»

Какое время, такие и песни. Кто знает; возможно, со временем хеком подавится и Иван Николаевич с румынско-молдавской фамилией Резче?

РУСЬ СИДЯЩАЯ

WWW.ZEKOV.NET

«Русь сидящая» ненавидит тюрьмы и зоны, не терпит несправедливости, оскорбления российских законов и граждан. **«Русь сидящая»** – это неформальное объединение родственников заведомо неправосудно осужденных людей и, конечно, самих пострадавших от незаконного преследования граждан. Это предприниматели и артисты, офицеры и поэты, доктора и учителя – те, кто не в силах отстраненно наблюдать за судебным произволом, ломающим сотни тысяч судеб наших соотечественников, за равнодушием прокуратуры, следственных органов и прочей опогоненной нечисти. Для них продажность стала нормой существования, а совесть, достоинство, гордость и честь – старомодными атавизмами. Они считают, что победили. Они уверены, что являют собой реальную российскую власть. Они убеждены в своей безнаказанности и неподсудности. Мы объединились для того, чтобы доказать им – это не так. Для того, чтобы вернуть нашей стране справедливый и независимый суд. Вернуть гражданам право на защиту и презумпцию невиновности. Заставить полицию и следственные органы ловить и изобличать преступников, а не выбивать из граждан незаконную ренту и обезжиривать предпринимателей. Заставить суды вершить правосудие, а не выполнять заказы.

Заставить прокуратуру – надзирать за соблюдением законности, а не крышевать незаконный бизнес и обвинять всех, кто не заплатил, в совершении самых страшных преступлений. Заставить тюремщиков исправлять оступившихся, а не прессовать невиновных, помогая следствию добиваться показаний, цена которых бывает несовместима с жизнью.

Наша судьба не принадлежит вам. Пора прекратить геноцид против собственного народа, пора прекратить репрессии против самых талантливых и креативных российских граждан. Руки прочь от нашего будущего, продажные судьи и силовики должны остаться в прошлом.

Общая почта для обращений: rus.anketi@gmail.com

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 448
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: +7(495) 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.12.2004 г.
Номер подписан в печать 29.05.2015 г.
Отпечатано в типографии ИПЦ «МАСКА»

Тираж 2000 экз. Заказ №
Распространяется бесплатно